

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2025 №4 (59)

июль-август

Основан в 2015 году

Казань, 2025

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2025 №4 (59) июль-август

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru
Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,
Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-93, 8(965) 582-56-53,
e-mail: development_knrtu@mail.ru, uur@corp.knrtu.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,
П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, К(П)ФУ
Ершов А. Н. – д-р социол. наук, проф., К(П)ФУ
Зубок Ю.А. – д-р социол. наук, проф., ФНИСЦ РАН
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., ГАУЗ
«МКДЦ»
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КВТКУ
Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН

Свирина А. А. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р. С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Токтарова В. И. – д-р пед. наук, проф., Марийский
государственный университет
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Шихова О. Ф. – д-р пед. наук, проф., ИжГТУ имени
М.Т. Калашникова

Ответственный секретарь: С. А. Алексеев

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Akhanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S. A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L. A. – Dr. Sci. (Econ.), KFU
Ershov A. N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KFU
Zubok Yu.A. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Institute of Sociology FNISTs RAS
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SAIH
«ICDC»
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KHTCS
Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS

Svirina A. A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R. S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Toktarova V. I. – Dr. Sci. (Pedag.), prof., Mari State University
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Shikhova O. F. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., IzhGTU
named after M. T. Kalashnikov

Executive Secretary: S. A. Alekseev

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Коробова Н. А., Богомолова Е. А., Харламова Е. Е.</i> Анализ основных этапов ESG-трансформации промышленных предприятий в России	5
<i>Колесник А. А.</i> Взаимодействие образовательных организаций и бизнеса при подготовке кадров в регионе	12
<i>Панина В. З., Панина Э. К.</i> Роль риск-менеджмента в деятельности современных китайских предприятий: научный вклад и практическая значимость	19
<i>Вахитов М. Р.</i> О роли «умной» специализации регионов в реализации политики импортозамещения	25
<i>Мустафина Г. Н.</i> Цифровизация бизнес-процессов как инструмент укрепления устойчивости и экономической безопасности субъектов хозяйствования	30
<i>Шлычков В. В.</i> Система государственно-муниципальных закупок: актуальные угрозы и инструменты повышения уровня экономической безопасности	35
<i>Кудрявцева С. С.</i> Таксономия технологии бережливого производства: научный и практический аспекты реализации	41

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Корнилов П. А., Замалетдинов Р. И., Сапарова К. А.</i> Конструирование образа борьбы за сохранение биоразнообразия в различных социокультурных контекстах и уровнях: от научного, гуманитарного и экоактивистского знания до социальных представлений жителей Казани	47
<i>Хизбуллина Р. Р.</i> Экстериоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности в условиях семейных традиций и цифровизации общества	54
<i>Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.</i> «Свои» и «чужие» в динамике российской идентичности студентов вузов: на материалах Республики Татарстан	62
<i>Мальшиева О. Л.</i> Социально-гуманитарные дисциплины в высшей школе России: ренессанс «пентадисциплинарности»?	72
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.</i> Оценочная модальность патриотического сознания студентов: историко-культурный аспект (на примере Республики Татарстан)	80
<i>Алексеев С. А.</i> Особенности локальной идентичности и локального патриотизма у студенческой молодежи Казани	90

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Талипов Р. Р., Шагеева Ф. Т.</i> Подготовка учителя физической культуры к тренерской деятельности в средней общеобразовательной школе	95
<i>Латыпова Э. Р., Гайсин А. С.</i> Неязыковые средства коммуникации в межкультурном общении	100
<i>Гаврилова О. Е., Никитина Л. Л.</i> Особенности освоения магистрами-конструкторами изделий легкой промышленности современных цифровых технологий, используемых в профессиональной деятельности	105
<i>Серезкина А. Е.</i> Формирование патриотической направленности обучающихся посредством цифровых учебных материалов	113

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Korobova N. A., Bogomolova E. A., Kharlamova E. E.</i> Analysis of the main stages of ESG transformation of industrial enterprises in Russia	5
<i>Kolesnik A. A.</i> Interaction between educational organisations and business in training personnel in the region	12
<i>Panina V. Z., Panina E. K.</i> Risk management in modern chinese business: scientific insights and practical implications	19
<i>Vakhitov M. R.</i> On the role of «smart» specialization of regions in the implementation of import substitution policy	25
<i>Mustafina G. N.</i> Digitalization of business processes as a tool to strengthen the sustainability and economic security of business entities	30
<i>Shlychkov V. V.</i> The system of state and municipal procurement: current threats and tools for improving economic security	35
<i>Kudryavtseva S. S.</i> Taxonomy of lean manufacturing technology: scientific and practical aspects of implementation	41

SOCIOLOGY

<i>Kornilov P. A., Zamaletdinov R. I., Saparova K. A.</i> Constructing an image of the struggle for the conservation of biodiversity in various socio-cultural contexts and levels: from scientific, humanitarian and eco-activist knowledge to the social ideas of Kazan residents	47
<i>Khizbullina R. R.</i> Exteriorization of patriotism as a spiritual and moral value in the context of family traditions and digitalization of society	54
<i>Zinurova R. I., Tuzikov A. R.</i> «Us » and «them» in the dynamics of russian identity of university students: on the materials of the Tatarstan Republic	62
<i>Malysheva O. L.</i> Social sciences and humanities in Russian higher school: renaissance of «pentadisciplinary»?	72
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I.</i> Evaluation modality of students' patriotic consciousness: historical and cultural aspect (on the example of the Republic of Tatarstan)	80
<i>Alekseev S. A.</i> Peculiarities of local identity and local patriotism among Kazan student youth	90

PEDAGOGICS

<i>Talipov R. R., Shageeva F. T.</i> Preparing a physical education teacher for coaching activities at a secondary school	95
<i>Latypova E. R., Gaisin A. S.</i> Non-linguistic means of communication in intercultural communication	100
<i>Gavrilova O. E., Nikitina L. L.</i> Features of master's students' future designers' mastering of modern digital technologies used in professional activities in the light industry	105
<i>Serezhkina A. E.</i> Formation of students' patriotic orientation through digital educational materials	113

Н. А. Коробова, Е. А. Богомолова, Е. Е. Харламова

**АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ**

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-стратегия, ESG-трансформация, эффективность, российская промышленность.

Цель данного исследования заключается в проведении анализа ключевых этапов ESG-трансформации промышленных предприятий России. В данной статье рассмотрен условный перечень аспектов ESG для оценки устойчивости компаний, а именно экологический, социальный и управленческий аспекты. Особое внимание было уделено проблеме эффективности внедрения устойчивого развития выделены некоторые рычаги положительного влияния компании при внедрении ESG-повестки (содействие роста выручки, снижение затрат, минимизация вмешательства регулирующих и юридических органов, повышение производительности, оптимизация инвестиций и капитальных затрат). В рамках исследования проведен анализ ESG-трансформации российских предприятий, рассмотрены методики внедрения и ключевые проблемы на каждом из этапов. В процессе анализа был изучен опыт передовых компаний, таких как «Русал», «Интерфакс», «Норникель», «Полюс», «Дом.рф», которые могут служить примером для заимствования передового опыта в реализации ESG-концепции, такого как использование современных технологий в процессе производства, снижения выбросов, реализации энергосберегающих технологий и повышения эффективности потребления природных ресурсов. Традиционная организация обычно стремится по-настоящему только к прибыли, а ESG рассматривает как способ улучшить показатели. Устойчивая компания непрерывно ищет баланс между коммерческой эффективностью и пользой природе, обществу, миру. Это более гармоничное и потому более устойчивое развитие. Полученные результаты позволяют заключить, что эффективность без выживания не представляет ценности. Понимание данной истины заставит компании сосредоточиться не только на количественной, но и действительной оценке.

N. A. Korobova, E. A. Bogomolova, E. E. Kharlamova

**ANALYSIS OF THE MAIN STAGES OF ESG TRANSFORMATION
OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN RUSSIA**

Keywords: sustainable development, ESG strategy, ESG transformation, efficiency, Russian industry.

The purpose of this study is to analyze the key stages of the ESG transformation of industrial enterprises in Russia. This article discusses a conditional list of ESG aspects for assessing the sustainability of companies, namely environmental, social and managerial aspects. Special attention was paid to the problem of the effectiveness of the implementation of sustainable development, and some levers of the company's positive influence in the implementation of the ESG agenda were highlighted (promoting revenue growth, reducing costs, minimizing regulatory and legal interference, increasing productivity, optimizing investments and capital expenditures). As part of the study, an analysis of the ESG transformation of Russian enterprises was carried out, implementation methods and key problems at each stage were considered. During the analysis, the experience of leading companies such as Rusal, Interfax, Norilsk Nickel, Polyus, Dom.rf was studied, which can serve as an example for borrowing best practices in the implementation of the ESG concept, such as the use of modern technologies in the production process, reducing emissions, and implementing energy-saving technologies and increasing the efficiency of natural resource consumption. A traditional organization usually only really strives for profit, and ESG sees it as a way to improve performance. A sustainable company continuously seeks a balance between commercial efficiency and benefits to nature, society, and the world. This is a more harmonious and therefore more sustainable development. The results obtained allow us to conclude that efficiency without survival is of no value. Understanding this truth will force companies to focus not only on quantitative, but also on actual evaluation.

Современный мир становится все более единым, изменчивым и одновременно хрупким. Глобализация связала экономики развитых стран. Одновременно глобальными стали и проблемы. Эпидемии превращаются в пандемии, локальные войны и голод порождают массовую иммиграцию, а последствия экологических катастроф сказываются на всем мире. То же касается и бизнеса. Можно ли было представить ещё шестьдесят лет назад, чтобы компания платила штрафы за ущемление прав зарубежного персонала или экологические нарушения? Новые технологии сделали нашу жизнь более комфортной, но одновременно подняли уровень запросов к её качеству. Наши современники считают нормой то, что век назад было бы редкой роскошью: здоровую еду, усиленный рабочий день, права человека. Однако для многих миллионов обитателей планеты голод и ежедневная борьба за жизнь так и остались реальностью. При этом пандемия COVID-19 показала, насколько по-разному можно воспринимать даже очевидные глобальные угрозы. Пока весь мир боролся с болезнью, кто-то отчаянно доказывал надуманность проблемы. К счастью, правительства, врачи и фармацевты сделали свою работу, пандемия осталась в прошлом, а голоса скептиков затихли. Организации и компании, которые занимаются устойчивым развитием, сталкиваются с похожим отношением к своей работе. Около сорока лет ООН, государства и бизнес-сообщества совместно занимаются решением глобальных экологических, социальных и экономических проблем. Но до сих пор есть и те, кто всерьез рассуждает о «естественном изменении климата» и «надуманности проблем», а их возражения обычно сводятся к простому выводу: «Можно ничего не делать». Однако следование принципам устойчивого развития уже стало необходимым условием успеха современной компании. Сегодня без ESG-трансформации почти невозможно выйти на крупнейшие международные рынки сбыта или капитала, удержать перспективную молодежь, избежать репутационных рисков и движение в этом направлении продолжается [1].

Глобальные кризисы требуют комплексного решения на всех уровнях. С точки зрения биз-

неса это означает работу одновременно с тремя аспектами ESG – экологическими, социальными и управленческими. Например, в настоящее время, мы невольно становимся свидетелями изменения климата, включая экстремальные погодные явления [2]. Недавняя тепловая волна, охватившая Европу летом 2019 г., помимо перечисленных негативных последствий также привела к значительному таянию ледяного щита Гренландии, что способствует повышению уровня мирового океана и в конечном итоге может создать угрозу затопления жилищ огромного количества людей и ключевых экономических центров. Затопление, в свою очередь, создаст миграционный отток, когда население начнет переселяться из подверженных риску регионов на территории, расположенные выше относительно уровня моря, что, вероятно, усилит напряженность в отношениях между странами [3]. Таким образом, мы делаем вывод, что недопустимо рассматривать каждый аспект в отдельности. Необходимо работать в комплексе. В таблице мы представили примерный перечень ESG-аспектов. Стоит отметить, что данный перечень не является исчерпывающим.

Многие российские компании волнует вопрос «Выгодно ли бизнесу заниматься устойчивым развитием или нет?». Это можно понять по цифрам. На конец 2021 года ответственные инвесторы управляли средствами общей стоимостью более 121,3 трлн долларов, или почти половиной мировых активов. Может ли быть так, чтобы все эти крупнейшие банки, фонды и компании занимались убыточной для себя деятельностью и вынужденно подписывали принципы PRI, причем с каждым годом их количество росло?

Исходя из этого, необходимо выделить следующие рычаги положительного влияния компании при внедрении ESG-повестки: содействие росту выручки, снижение затрат, минимизация вмешательства регулирующих и юридических органов, повышение производительности, оптимизация инвестиций и капитальных затрат. В связи с этим для предприятий России является неизбежной необходимостью ESG-трансформации и последовательное внедрение в практику ведения бизнеса ESG-политики [4].

Таблица – Основные аспекты ESG (составлено авторами по данным [5, 6])

Экологические аспекты	Социальные аспекты	Аспекты управления
Борьба с изменением климата	Права человека	Добросовестная конкуренция
Управление отходами	Человеческий капитал	Налоговая прозрачность
Использование природных ресурсов	Местные сообщества	Риск-менеджмент
Экологическое воздействие в цепочке поставок	Качество продукции	Противодействие мошенничеству и коррупции
	Социальное воздействие в цепочке поставок	Деловая этика
		Корпоративное управление

ESG-трансформация меняет компанию практически полностью – от корпоративной культуры до производственных процессов, от отчетности до общественных инициатив, от эффективности труда до сокращения всех видов неравенства. Это комплексный и многоступенчатый процесс, который можно условно разделить на пять этапов (рис. 1). Остановимся подробно на каждом из этапов и проведем анализ ESG-трансформации крупных предприятий в России [7].

На первом этапе происходит **формирование образа компании**. Стейкхолдеры должны сформулировать, что конкретно означает для компании стать устойчивой. Чем полнее, точнее и согласованнее будет понимание у всех заинтересо-

ванных сторон, тем легче будет проходить трансформация. Толчком для начала ESG-трансформации может стать обострение конкретной проблемы. Например, в «Экологической стратегии» компании «Норильский никель» три из четырех целей были ориентированы на интересы внешних стейкхолдеров и снижение экологических рисков. Во многом такая направленность была связана с разливом дизельного топлива на ТЭЦ-3 в районе Норильска. Компания решала конкретную задачу – ликвидировать последствия аварии и не допустить подобного в будущем. Пример «Норникеля» показывает, что стейкхолдеры – это далеко не всегда акционеры или инвесторы. Список возможных внутренних и внешних стейкхолдеров представлен на рис. 2.

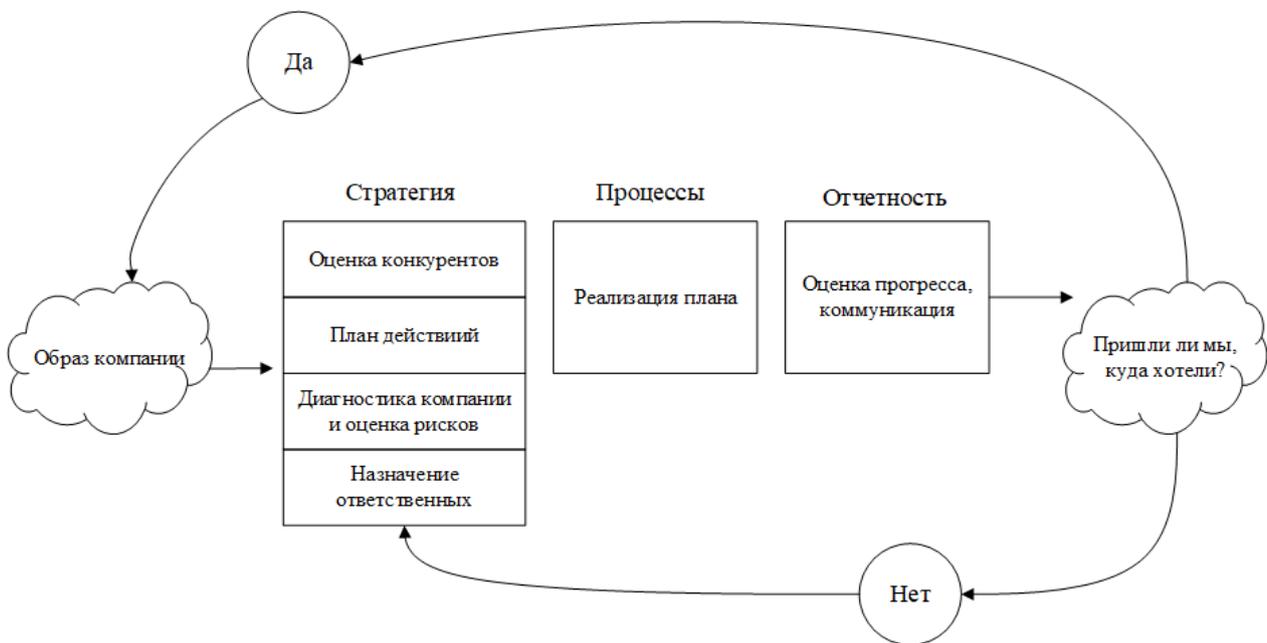

Рис. 1 – Этапы ESG-трансформации (по материалам [6])

Рис. 2 – Классификация стейкхолдеров (по материалам [8])

Для более эффективной работы (при обработке запросов) лучше всего разбить стейкхолдеров на группы по двум параметрам: значимость и потенциал для улучшения ESG-практик компании (рис. 3).

В первую очередь необходимо учитывать те запросы, которые имеют высокий потенциал для улучшения ESG-практики компании. Во вторую – запросы с низким потенциалом от значимых стейкхолдеров. В последнюю очередь учитываем запросы менее значимых стейкхолдеров с низким потенциалом для улучшения ESG-практики.

Главная задача первого этапа ESG-трансформации – сформировать общее видение стейкхолдерами будущего компании. Но поскольку абсолютно точно невозможно предсказать ни изменений окружающей среды, ни хода самой трансформации, необходимо время от времени возвращаться к этому вопросу с учетом накопленного опыта.

На втором этапе производится **оценка конкурентов, анализ внешней среды и диагностика компании**. Здесь необходимо определить, чего не хватает компании для достижения желаемой цели, нужно проанализировать её текущую бизнес-модель и оценить исходный уровень устойчивости на фоне конкурентов. На этом же этапе обычно проводят бенчмарк-анализ и дискуссии стейкхолдеров, чтобы конкретизировать и согласовать их запросы от трансформации [9]. Трансформация обычно занимает несколько лет, и другие компании не стоят на месте. Комплексно оценить текущую и будущую ситуацию на рынке для стратегического

планирования помогают выявление и анализ трендов. Приведем некоторые примеры применения бенчмаркинга в крупных российских организациях.

Пример 1: по прогнозам McKinsey, спрос на низкоуглеродный металл увеличивается с 26 млн тонн в 2021 году до 62 млн к 2030 году. В рамках этого тренда РУСАЛ развивает выпуск алюминия с низким углеродным следом под брендом ALLOW, который позволяет клиентам компании сократить углеродный след своих продуктов [10].

Пример 2: национальный ESG Альянс и группа «Интерфакс» запустили «Сервис сравнения ключевых показателей нефинансовой отчетности российских компаний». Это портал, на котором собрана информация из ESG-метрик сотен российских компаний. Данные отсортированы по 50 параметрам – можно выбирать компании, например, из конкретной отрасли, с заданным размером выручки и численностью персонала, объемом выбросов парниковых газов. Сервис удобно использовать для быстрого поиска наиболее похожих на свою компанию организаций или ESG-лидеров конкретного сегмента рынка [11].

На начальных этапах ESG-трансформации этот подход полезен для разработки собственной методологии – обычно компания не сразу определяет, какие показатели использовать для диагностики и мониторинга. На поздних этапах рейтинги дают необходимую внешнюю оценку.

Рис. 3 – Приоритизация стейкхолдеров (по материалам [5])

На третьем этапе происходит **разработка плана действий**. Здесь необходимо определить приоритеты в задачах, промежуточные цели и выделить ресурсы. Цели и сроки обязаны быть максимально конкретными, а компания должна объявить о них во всеуслышание – например, опубликовать в открытых источниках. Для определения приоритета в задачах выделяют четыре основных подхода: традиционный (фокусируется на финансовых последствиях ESG-рисков и возможностей для компании); «новый» (фокусируется на значимости ESG-рисков и возможностей для стейкхолдеров); двойная существенность (сочетает традиционный и новый подход); динамическая существенность (использует тот же подход, что и двойная существенность, но учитывает возможность изменения параметров, в том числе резкого).

Стоит помнить, что стратегия устойчивого развития и план её реализации должны быть не отдельной «забавой руководства», а полноценной частью стратегического плана. После утверждения стратегии и плана компания делает первый значимый для внешней среды шаг – публикует свои цели и планы в открытых источниках. Данный шаг можно считать первым результатом ESG-трансформации, т.к. это означает, что компания взяла на себя добровольную ответственность за их достижение, открыто объявила о приверженности ценностям устойчивого развития и стремлении к изменению своей бизнес-модели.

На четвертом этапе проводится **назначение ответственных лиц**. Чем выше в управленческой вертикали будет находиться руководитель, который непосредственно отвечает за ESG-трансформацию, тем быстрее она пойдет. Многое зависит от корпоративной культуры: одни компании формируют единую команду для трансформации, другие разбивают задачу на дивизионы, третьи выделяют «актив» в каждом подразделении. С продвижением трансформации устойчивые практики постепенно сливаются с основной деятельностью компании, из-за чего потребность в выделенных сотрудниках снижается.

К назначению ответственных за ESG-мероприятия не стоит подходить формально – каждый показатель должен быть измеряемым, проверяемым и мотивирующим. Иными словами, сотрудников или руководителей только тогда можно считать по-настоящему ответственными за конкретный ESG-показатель, когда общая оценка их работы напрямую привязана к нему. Консалтинговая компания Boston Consulting Group (BCG) совместно с бизнес-школой INSEAD выделили шесть основных подходов к интеграции ESG-повестки в работу советов директоров компаний. Эту классификацию можно использовать и для других форм управления, чтобы оценить, насколько высшее руководство вовлечено в процесс ESG-трансформации (рис. 4).

Рис. 4 – Классификация назначения ответственных (по материалам [5])

Руководители должны не только рассказывать о планируемых изменениях, но и сами

демонстрировать следования новым принципам. Например, если сотрудники слышат на корпоративных собраниях о важности снижения потребления нефтепродуктов, но и каждый день видят, что топ-менеджер использует автотранспорт с большим расходом топлива, они отнесутся ко всем реформам с большим скепсисом. Напротив, если высшее руководство регулярно встречается с рядовыми сотрудниками, прямо отвечает на неудобные вопросы и рассматривает по сути все инициативы, то и менеджеры среднего звена будут вынуждены так же активно взаимодействовать с персоналом.

Последний, пятый этап – **реализация плана, оценка прогресса и корректировка**. Этот этап необходим для проведения измерения объективных показателей по каждой цели и отчетности по ним. Поскольку меняется и внешняя среда, и сама компания, периодически необходимо возвращаться к этапам 1 и 2 – согласовывать видение и оценку текущего состояния компании стейкхолдерами с учетом полученного опыта.

Важно, чтобы эта работа проходила открыто, с максимальным охватом заинтересованных сторон. Сама практика такого общения – большой шаг в направлении ESG-трансформации. Приведем некоторые примеры раскрытия информации в крупных российских компаниях.

Пример 1: Компания «Норникель» презентует уже 20-й годовой отчет об устойчивом развитии, который соответствует международным и российским стандартам и проходит общественное заверение. Данный отчет является инструментом коммуникации с широкой стейкхолдерской аудиторией. В нем раскрывается наиболее полная информация о результатах деятельности в области устойчивого развития [12].

Пример 2: С 2021 г. российская золотодобывающая компания «Полюс» формирует и публикует «Водный отчет» на официальном сайте организации. Как отмечает руководитель по устойчивому развитию: «Мы не рассчитывали на такой пролонгированный положительный эффект. Внешние стейкхолдеры интересуются как мы решили такую-то задачу, почему выбрали такой подход, почему вообще решили сделать отчет» [13].

Пример 3: Для выстраивания долгосрочных отношений с клиентами, компания Дом.РФ имеет сильные рыночные позиции. Часть средства она инвестирует в сферу зеленого строительства, или скупает устойчивые облигации. Такой подход позволяет компании выйти на перспективный рынок, привлечь инвесторов или крупных клиентов [14].

Подводя итог данной работы, хочется отметить, что процесс ESG-трансформации не всегда реализуется так, как было запланировано ранее. Например, сложности с соответствием перечня ESG-показателей отраслевой принадлежности компании, что затрудняет сопоставление результатов ESG-оценки и диагностику ESG-зрелости компании [13]. Также, одной из самых сложных задач для промышленных предприятий является поиск источников финансирования для реализации ESG-программ. Обычно инвестиционные ESG-программы финансируются за счёт собственных средств предприятия, что может быть финансово обременительно. Тем не менее, зарубежная практика показывает, что такие инвестиции окупаются в средне- и долгосрочной перспективе [15].

С другой стороны, эксперты едины во мнении, что компании, придерживающиеся принципов ESG, имеют неоспоримые преимущества: повышается инвестиционная привлекательность компании, увеличивает рост производительности и финансовой устойчивости, сокращение углеродного следа и современных технологий, позволяющих возобновлять энергию и способствовать повышению эффективности деятельности предприятий, положительная репутация организации, которая формируется на основе лояльности сотрудников, оценки партнеров и клиентов [16].

Но с нашей точки зрения, самое главное – новый взгляд на мир и свое место в нем. Традиционная организация обычно стремится по настоящему только к прибыли, а ESG рассматривает как способ улучшить показатели. Устойчивая компания непрерывно ищет баланс между коммерческой эффективностью и пользой природе, обществу, миру. Это более гармоничное и потому более устойчивое развитие.

Литература

1. Харламова Е.Е., Кондакова Е.Е., Ермилова И.А. Устойчивое развитие промышленных предприятий Волгоградской области как основное направление экономической политики региона // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2(33). С. 22-27.
2. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Устойчивое развитие как идеологический императив современного мира // Управление устойчивым развитием. 2020. № 4 (29). с. 62-68.

3. Бриль Г., Келл Г., Раше А. Устойчивое инвестирование: Навигатор по миру ESG. Москва: Альпина ПРО, 2024. 568 с.
4. Шаронов А., Дубовицкая Е. Устойчивое развитие. Как обеспечить рост бизнеса и создать долгосрочные ценности. Москва: МИФ, 2025. 320 с.
5. Дегтярёва В.В. Критерии ESG-концепции управления корпоративными инновациями промышленных предприятий // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 16-19.
6. Основы ESG-концепции устойчивого развития на предприятии: сущность, принципы. URL: <https://www.robeco.com/enint/glossary/sustainable-investing/esg-definition> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Смотров Т.И., Наролина Т.С., Пургаева И.А., Некрасова Т.А. ESG-трансформация российских предприятий // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. № 11 (155). С. 60-73. DOI 10.17308/meps/2078-9017/2022/11/60-73. EDN YANIAD.
8. Потапова К.М., Волкова Е.А. Анализ внутренних и внешних стейкхолдеров предприятия и совершенствование взаимоотношений с ними // Управление развитием социально-экономических систем. Проблемы и перспективы: сборник научных трудов. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2016. С. 94-104. EDN ХНКНРР.
9. Олейников А.А., Харламова Е.Е., Абулькин И.Р., Маврин Д.Д. Применение технологии ESG-бенчмаркинга для повышения эффективности деятельности промышленных предприятий в России // Финансовый менеджмент. 2024. № 3. С. 167-181.
10. Устойчивое развитие компании «РУСАЛ». URL: <https://rusal.ru/sustainability/> (дата обращения: 23.06.2025).
11. Экономика информационного агентства «Интерфакс». URL: <https://esg-disclosure.ru/partnerstvo/> (дата обращения: 23.06.2025).
12. Устойчивое развитие компании «Норникель». URL: <https://nornickel.ru/sustainability/> (дата обращения: 23.06.2025).
13. Устойчивое развитие компании «Полюс». URL: <https://sustainability.polyus.com/ru/> (дата обращения: 23.06.2025).
14. Устойчивое развитие компании «Дом.РФ». URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/about/sustainable-development/> (дата обращения: 23.06.2025).
15. Побирченко В.Р. ESG-трансформация в контексте устойчивого пространственного развития // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: Сборник трудов XVI Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 12 апреля 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 158-160.
16. Гаранина Е.А. Накопия И.М., Мирошниченко Т.В. Развитие ESG-трансформации промышленных предприятий в условиях цифровизации // Индустриальное, инновационное и финансовое развитие России: факторы и тенденции: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Сочи, 07-08 апреля 2023 года. Москва: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2023. С. 60-65. EDN PFCJXT.

Сведения об авторах:

©**Коробова Нина Александровна** – студент магистратуры Волгоградского государственного технического университета, Российская Федерация, Волгоград, e-mail: ninusha02@mail.ru.

©**Богомолова Екатерина Алексеевна** – студент магистратуры Волгоградского государственного технического университета, Российская Федерация, Волгоград, e-mail: ekaterina5011@mail.ru.

©**Харламова Екатерина Евгеньевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и финансы производственных систем», Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация, Волгоград, e-mail: sikaterina@mail.ru.

Information about the authors:

©**Korobova Nina Alexandrovna** – Master's degree student, Volgograd State Technical University, Russian Federation, Volgograd, e-mail: ninusha02@mail.ru.

©**Bogomolova Ekaterina Alekseevna** – Master's degree student, Volgograd State Technical University, Russian Federation, Volgograd, e-mail: ekaterina5011@mail.ru.

©**Kharlamova Ekaterina Evgenieva** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «Management and Finance of Production Systems», Volgograd State Technical University, Russian Federation, Volgograd, e-mail: sikaterina@mail.ru.

А. А. Колесник

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И БИЗНЕСА ПРИ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: региональная экономика, потребность работодателей, soft skills, профессионализм, цифровая платформа.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью эффективного взаимодействия образовательных организаций и бизнес-структур для обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами в соответствии с текущими потребностями рынка труда на территории конкретного региона. Цель написания настоящей статьи – выявление особенностей, перспективных направлений взаимодействия образовательных организаций и бизнес-сообщества для подготовки кадров, востребованных на региональном рынке труда. В теории вопроса подчеркнута важность такого взаимодействия, так как его отсутствие ведет к стагнации образовательного процесса, а также ухудшению экономического потенциала региона в целом. Описаны факторы, указывающие на важность сотрудничества бизнеса и образовательных организаций (необходимость формирования персонала, соответствующего современным требованиям и отставание части образовательных учреждений за изменениями, происходящими в бизнес-среде). Выделена необходимость профессиональной ориентации студентов через проекты, «стартапы». На примере ХМАО – Югры показана важность внедрения гибких навыков «soft-skills» в образовательный процесс. Отдельно выделены перспективные направления развития сотрудничества между учебными заведениями и бизнес-структурами с помощью цифровой платформы. Данная платформа должна стать той интегрированной средой, которая объединит в себе потребности региона в кадрах с возможностями их обеспечения за счет выпуска практико-ориентированных специалистов на территории округа. В заключение представлены основные логические выводы по написанному в настоящей статье материалу, состоящему из теоретических и аналитических вопросов.

A. A. Kolesnik

INTERACTION BETWEEN EDUCATIONAL ORGANISATIONS AND BUSINESS IN TRAINING PERSONNEL IN THE REGION

Keywords: regional economy, employers' needs, soft skills, professionalism, digital platform.

The relevance of the topic is determined by the need for effective interaction between educational organizations and business structures to provide the regional economy with qualified personnel in accordance with the current needs of the labour market in a particular region. The purpose of this article is to identify the peculiarities, promising areas of interaction between educational organizations and the business community for the training of personnel in demand in the regional labour market. The theory of the issue emphasises the importance of such interaction, the absence of which leads to stagnation of the educational process, as well as deterioration of the economic potential of the region as a whole. The factors indicating the importance of cooperation between business and educational organisations are described (the need to form staff that meets modern requirements and the responsibility of some educational institutions for the changes taking place in the business environment). The necessity of students' professional orientation through projects, «startups» is highlighted. The example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra shows the importance of introducing flexible soft-skills in the educational process. Promising areas for the development of cooperation between educational institutions and business structures through a digital platform are highlighted separately. This platform should become an integrated environment that will combine the region's needs in human resources with opportunities to provide them by producing practice-oriented specialists on the territory of the district. The conclusion presents the main logical conclusions on the material written in this article, consisting of theoretical and analytical issues.

Введение

Современные реалии рынка труда и постоянное совершенствование производственно-технологических процессов требуют тесного взаимодействия образовательных организаций и бизнеса во всех регионах нашей страны. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО – Югра), обладая значительным потенциалом развития благодаря наличию богатого природно-ресурсного потенциала, нуждается в высококвалифицированных кадрах, способных эффективно адаптироваться к постоянно меняющимся требованиям рынка труда. В таком контексте анализ процесса взаимодействия между образовательными учреждениями и бизнес-сообществом на уровне региона представляет собой важную исследовательскую задачу, направленную на оптимизацию подготовки специалистов как высшего, так и среднего профессионального звена. Вопросы трансформации образовательного процесса находятся в фокусе исследований ученых разных регионов с начала 21 века [1], но по-прежнему идет поиск эффективных технологий. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена не только потребностями рынка труда, но и необходимостью создания эффективных механизмов взаимодействия, которые позволят образовательным учреждениям оперативно и качественно реагировать на изменения в экономической среде региона.

Необходимость постоянного совершенствования образовательных программ и их актуализации в соответствии с современным спросом на человеческие ресурсы обуславливает важность тесного сотрудничества между образовательными организациями и хозяйствующими субъектами региона. Такое взаимодействие позволит повысить качество подготовки выпускников-специалистов, сформировать у них необходимые профессиональные компетенции и практические навыки, востребованные современным производством. Кроме того, активное участие работодателей в образовательном процессе будет способствовать более эффективному трудоустройству молодых специалистов, что, в свою очередь, положительно скажется на уровне социально-экономического развития всего региона.

Исследование процесса взаимодействия образовательных учреждений и бизнеса в ХМАО – Югре позволит выявить существующие особенности партнерства, а также определить ключевые направления их дальнейшего развития. В результате повысится качественный уровень подготовки высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать

производственные задачи уже на начальном этапе своей карьеры.

В условиях цифровизации экономики, имеющиеся подходы к подготовке кадров становятся недостаточными. Поэтому важно рассмотреть современные идеи по разработке образовательных программ, которые должны основываться на реальных потребностях бизнеса (работодателей) и учитывать специфику региона. Так, в статье будут представлены новые направления подготовки кадров, которые учитывают, помимо профессиональной узкоспециализированной ориентации, приобретение и развитие гибких навыков «soft skills». Крайне важно, чтобы образовательные учреждения не только реагировали на изменения потребностей бизнеса, но и формировали у студентов навыки, которые будут востребованы в будущем.

Исследование в статье направлено на снижение разрыва между образовательными учреждениями и бизнесом. По итогу проведенной работы будут предложены конкретные шаги, которые помогут улучшить качественный состав новых кадров после обучения в образовательных организациях и обеспечить их соответствие требованиям современного рынка труда. Это, в свою очередь, будет способствовать экономическому развитию ХМАО – Югры в целом.

Теоретические аспекты регионального взаимодействия образовательных организаций и бизнеса

Взаимодействие образовательных организаций и бизнеса в любом регионе представляет собой деятельность, напрямую влияющую на комплексное развитие субъекта Российской Федерации.

При взаимодействии образовательных организаций и бизнес-компаний последние имеют возможность участвовать в образовательных программах, предоставляя свои требования. Студенты, в свою очередь, могут получать актуальную информацию о том, какие навыки и знания ценятся в современных условиях функционирования хозяйствующих субъектов. Это сотрудничество помогает молодым специалистам найти возможности профессионального развития, а также устанавливает каналы для обратной связи между студентами и работодателями. В результате укрепляется связь между профессиональной подготовкой и реальными потребностями рынка труда.

По мнению Т. Д. Карминской и В. Ф. Исламутдинова, без активного сотрудничества между учебными заведениями и бизнесом возможна стагнация образовательного процесса,

что, в свою очередь, негативно отразится на общем состоянии экономики региона в целом [2]. Напротив, налаженное взаимодействие образовательных хозяйствующих субъектов реального сектора экономики позволит обеспечить в нем подготовку новых современных кадров. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности региональной экономики, ее динамичному развитию и росту производительности труда.

Существует несколько факторов, которые свидетельствуют о важности данного взаимодействия образовательных организаций и бизнеса на территории региона:

- необходимость формирования персонала, соответствующего современным требованиям;

- значительное количество образовательных учреждений не успевает за качественным составом изменений, происходящих в бизнес-среде, что приводит к несоответствию навыков выпускников высших или средних профессиональных учебных заведений требованиям работодателя.

Следует отметить, что многие хозяйствующие субъекты, имеющие сложный производственно-технологический процесс, нуждаются в специалистах, имеющих, прежде всего, практические навыки. Эти навыки могут быть получены в результате знания рабочих производственных процессов уже в студенческом возрасте. Н. Б. Акуленко и О. А. Елина подчеркивают, что наличие подобного опыта положительно сказывается на адаптации выпускников к практической деятельности и повышает их конкурентоспособность [3]. Так, контакты образовательных организаций с предприятиями реального сектора экономики могут предполагать совместное формирование образовательных программ, организацию производственных практик, а также привлечение представителей бизнеса к преподавательской деятельности в высшем или среднем профессиональном учебном заведении, а возможно – еще и в старших классах среднего общего образования. Такое сотрудничество позволит повысить практическую направленность учебного процесса без его лишней теоретизации.

Доступность и качество образовательных ресурсов позволяет использование современных технологий, включая онлайн-курсы и гибкий график обучения под потребности обучающегося, образовательного учреждения и работодателя-бизнесмена. Здесь, по мнению Н. Б. Акуленко и О. А. Елиной, важно обеспечить именно студенту (программу обучения, его время), что имеет особое значение в контексте подготовки кадров для бизнеса региона [3].

Кроме того, в настоящее время образовательные организации регионального и федерального уровней разрабатывают и внедряют различные комплексные программы в отношении профессиональной ориентации будущего специалиста.

Профессиональная ориентация также играет важную роль в процессе выбора будущей трудовой деятельности. Она нацелена на выявление индивидуальных предпочтений студентов и их соответствие характеру профессии. Взаимодействие образовательных организаций с работодателями конкретного региона является основным фактором формирования актуальных профессиональных компетенций у студентов. Представители бизнеса активно участвуют в разработке образовательных программ: они делятся своим экспертным мнением и опытом о востребованных навыках. Например, работодатели выступают в качестве наставников, проводя мастер-классы и организуя производственные практики для обучающихся студентов высших и средних профессиональных учебных заведений. Кроме того, совместные проекты и стажировки, организуемые в союзе с бизнесом, позволяют студентам получить опыт работы ещё до окончания учебного заведения. В результате студенты получают не только практический опыт работы с реальными проектами, но и развивают необходимые навыки, например, навыки координации усилий различных заинтересованных сторон, управления задачами, эффективной коммуникации.

Профессиональная ориентация студентов в учебных заведениях требует особого внимания со стороны как образовательных учреждений, так и региональных бизнес-организаций. Существует множество факторов, которые влияют на выбор профессионального пути будущими молодыми специалистами высших и средних профессиональных учебных заведений, включая интересы, способности, рыночные условия и потребности различных отраслей. Важность профессиональной ориентации заключается в поддержке студентов в процессе выбора своей будущей профессии, карьерных целей и возможностях. Она включает в себя мероприятия, направленные на информирование студентов о требованиях рынка труда в части актуализации профессий на текущий момент времени.

Не менее значимой в процессе взаимодействия образовательных организаций и бизнеса на территории регионов Российской Федерации является роль выпускных квалификационных работ и практик (учебных, производственных, преддипломных и т.д.) для профессиональной ориентации выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений.

Работодатели, в свою очередь, могут напрямую оценивать уровень подготовки студентов и выявлять наиболее перспективных потенциальных кандидатов на востребованные предприятием специальности. Кроме того, активное вовлечение студентов учебных заведений разного уровня в различные проекты, «стартапы», реализуемые в тесном взаимодействии с бизнесом, его процессами, также способствует их профессиональной ориентации.

Действующие подходы для взаимодействия образовательных организаций и бизнеса требуют учета специфики региона, а также потребностей бизнеса, который функционирует в нем. Поэтому далее важно рассмотреть взаимодействие образовательных организаций и бизнеса по подготовке кадров в регионе на примере известного в стране региона ХМАО – Югры, который характеризуется наличием богатых природных ресурсов.

Практическое взаимодействие образовательных организаций и бизнеса в процессе подготовки кадров ХМАО – Югры: состояние, проблемы, пути решения

Образовательная деятельность на территории ХМАО – Югры ведется по широкому перечню специальностей и направлений подготовки. В настоящее время в автономном округе реализуются 105 программ среднего профессионального образования и 75 программ высшего образования, ориентированных на обеспечение потребностей нефтегазового комплекса, строительной индустрии, транспортной инфраструктуры, энергетики, социальной сферы и иных отраслей региона.

По данным интернет-портала Департамента образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, ежегодно образовательные учреждения исследуемого округа осуществляют прием контингента, обучающегося на бюджетной основе. Так, в 2023-2024 учебном году за счет средств регионального бюджета был произведен прием 7 283 студентов на программы среднего профессионального и 3099 студентов – на программы высшего образования. При этом отмечается положительная динамика роста контрольных цифр приема: в 2023 г. выделено на 678 бюджетных мест больше, чем в 2022 г., в том числе 475 мест по программам федерального проекта «Профессионалитет» [4].

Так, в настоящее время в ХМАО – Югре наблюдается рост интереса к новым направлениям подготовки кадров, что объясняется изменением потребностей экономики региона. Одним из значительных шагов в этом направлении

стало внедрение федерального проекта «Профессионалитет» национального проекта «Образование».

Федеральный проект «Профессионалитет» предоставляет возможность образовательным организациям среднего профессионального образования на территории ХМАО – Югры адаптировать свои учебные программы под реальные запросы бизнес-компаний: пересмотр содержания учебных курсов, внедрение современных образовательных технологий, использование практических кейсов и взаимодействие с работодателями в процессе обучения. К примеру, на базе БУ «Нижневартовский строительный колледж» (по данным информации на сайте учреждения), создаются совместные лаборатории с участием бизнес-компаний, что позволит студентам получать практические навыки на примере реальных проектов [5].

Следует отметить, что для успешной реализации данного проекта в анализируемом регионе важно учесть особенности функционирования отраслей. Необходимо формирование компетенций по работе в условиях северного климата, а также по взаимодействию с особенностями корпоративных культур крупных нефтегазовых компаний.

Ожидается, что через некоторое время результаты внедрения проекта «Профессионалитет» окажут позитивное воздействие на профессиональную ориентацию молодежи с рабочими специальностями.

Помимо сугубо практических навыков, как отмечено на сайте АО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Окружная телерадиокомпания «Югра», в рамках программы «Профессионалитет» будет уделено внимание развитию у обучающихся гибких коммуникативных навыков («soft skills»), что сделает их более универсальными специалистами, способными адаптироваться к происходящим во внешней среде изменениям [6].

Формирование «надпрофессиональных» («soft skills») компетенций у обучающихся является важным фактором успешной профессиональной самореализации и карьерного роста. Учебные заведения ХМАО – Югры, взаимодействуя с предприятиями региональной экономики, интегрируют в образовательные программы модули по развитию таких навыков, как коммуникативные способности, критическое мышление, креативность, эмоциональный интеллект и т.д.

Так, студенты всех подразделений БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет» поддерживают необходимость обладания гибкими коммуникативными

навыками («soft skills»), что показали результаты опроса (см. таблицу).

Таблица – Результаты опроса студентов института экономики и управления БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет» относительно поддержки обладания гибкими навыками («soft skills») в профессиональной деятельности

Наименование кафедры	Общая численность студентов	Число опрошенных студентов, ед.	Число студентов, ответивших «Да»	Число студентов, ответивших «Нет»	Число студентов, отказавшихся ответить на вопрос
Кафедра Государственного и муниципального управления и управления персоналом	305	176	145	31	0
Кафедра Менеджмента и бизнеса	205	158	102	54	2
Кафедра экономических и учетных дисциплин	390	201	166	30	5
Всего	900	535	413	115	7

В таблицу сведены результаты исследования, проведенные автором настоящей статье на базе института экономики и управления БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет» для оценки важности студентами обладания «гибкими» навыками («soft skills») в профессиональной деятельности. В качестве гипотезы исследования было принято, что если число опрошенных студентов составит более 50 % общей численности студентов в разрезе каждой кафедры, и число студентов, ответивших «Да», будет больше 50 % от числа опрошенных, то выборка будет статистически значимой, и имеет место необходимость внедрения гибких навыков в образовательный процесс. Общий объем выборки (число опрошенных студентов) составляет 535.

По результатам, представленным в таблице, подтверждается гипотеза исследования автора настоящей статьи о значимости гибких навыков («soft skills») для студентов. Так, каждая кафедра представлена более половиной опрошенных от общей численности студентов. На кафедре государственного и муниципального управления и управления персоналом 176 из 305 студентов прошли опрос (57,8 %), на кафедре менеджмента и бизнеса – 158 из 205 студентов (77,1 %), а на кафедре экономических и учетных дисциплин – 201 из 390 студентов (51,5 %). Кроме того, среди опрошенных студентов имеет место высокий уровень поддержки важности «гибких» навыков: на кафедре государственного и муниципального управления и управления персоналом 145 из 176 студентов

(82,0 %) отметили важность данных навыков, на кафедре менеджмента и бизнеса – 102 из 158 (64,6 %), а на кафедре экономических и учетных дисциплин – 166 из 201 (82,6 %). В целом, 413 из 535 студентов (77,1 %) института экономики и управления БУ ВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный университет» подчеркивают необходимость обладания навыками «soft skills».

Полученные данные не только подтверждают статистическую значимость выборки, но и подчеркивают необходимость интеграции гибких навыков в образовательный процесс, что делает актуальным внедрение инновационных подходов к подготовке специалистов в современных условиях.

Одним из перспективных направлений в этом контексте является создание единой цифровой платформы для взаимодействия образовательных организаций и бизнес-структур на территории ХМАО – Югры. В настоящее время на уровне Российской Федерации, как было подчеркнуто на круглом столе, состоявшемся 11.02.2025 г. в ГБПОУ РС (Я) «ЯИПК», важным ресурсом для решения вопросов трудоустройства является государственная информационная система «Работа России» Федеральной службой по труду и занятости. Этот ресурс способствует автоматизации взаимодействия между работодателями и образовательными учреждениями в сфере трудоустройства и организации производственной практики для студентов. Платформа, как отмечено на сайте сетевого издания

«SAKHALIFE.RU», предоставляет централизованный доступ к базе данных выпускников высших и средних профессиональных образовательных учреждений, что значительно упрощает поиск подходящих кандидатов для работодателей [7].

Важно отметить, что наличие аналогичных платформ на уровне регионов, в т.ч. и на территории ХМАО – Югры, может способствовать более эффективному взаимодействию участников процесса подготовки кадров. Платформа должна стать интегрированной информационно-коммуникационной средой, объединяющей потребности предприятий региона в квалифицированных кадрах с возможностями образовательных организаций по подготовке специалистов.

Механизм функционирования предлагаемой платформы на территории ХМАО – Югры предполагает размещение работодателями заявок на подготовку кадров с определенными компетенциями. Учебные заведения, имеющие лицензии на соответствующие образовательные программы, могут оперативно реагировать на эти запросы и предлагать варианты реализации совместных образовательных проектов. Платформа также может включать базу данных об актуальных вакансиях, о возможности прохождения студентами практик на определенных предприятиях, что позволит обучающимся ориентироваться в возможностях трудоустройства и дальнейшего профессионального развития.

Использование единой цифровой платформы взаимодействия образования и бизнеса в ХМАО – Югре будет способствовать повышению скорости и качества согласования образовательных программ с потребностями бизнеса. Ожидается, что данный инструмент позволит оперативно адаптировать содержание и технологии подготовки кадров под требования рынка труда. Кроме того, цифровая платформа будет способствовать более эффективному трудоустройству выпускников высших и средних учебных заведений, поскольку они будут своевременно проинформированы об актуальных вакансиях и смогут напрямую взаимодействовать с потенциальными работодателями.

Заключение. Взаимодействие образовательных организаций и бизнеса в регионе отражают необходимость данного сотрудничества для комплексного развития субъекта Российской Федерации. Важность данного взаимодействия подтверждается необходимостью формирования персонала, соответствующего современным требованиям, а также несоответствием

профессиональных навыков выпускников высших или средних профессиональных учебных заведений требованиям работодателей. Решение этих проблем особенно актуально для высокотехнологичных и быстроразвивающихся отраслей региональной экономики.

Сотрудничество образовательных организаций и бизнес-сектора может включать совместное формирование образовательных программ, организацию производственных практик, а также привлечение представителей работодателя к преподавательской деятельности. Использование современных технологий, в свою очередь, включая онлайн-обучение с гибким графиком, также способствует обеспечению потребностей обучающихся образовательных учреждений и работодателей-бизнесменов.

Образовательная деятельность на территории ХМАО – Югры ведется по широкому перечню направлений подготовки, обеспечивая потребности ключевых отраслей региональной экономики. Наблюдается положительная динамика роста контрольных цифр приема, в том числе за счет реализации федерального проекта «Профессионалитет» для средних учебных заведений.

Внедрение данного проекта позволяет образовательным организациям ХМАО – Югры адаптировать учебные программы под реальные запросы бизнес-компаний. Это достигается за счет применения современных образовательных технологий, использования практических кейсов и тесного взаимодействия с работодателями в процессе обучения. Особую значимость в рамках данного проекта приобретает формирование у обучающихся не только профессиональных, но и гибких коммуникативных навыков («soft skills»).

Перспективным направлением дальнейшего развития сотрудничества между образовательными организациями и бизнес-структурами является создание единой цифровой платформы. Платформа должна стать интегрированной информационно-коммуникационной средой, объединяющей потребности предприятий региона в квалифицированных кадрах с возможностями учебных заведений по их подготовке. Это позволит обеспечить оперативное реагирование на запросы работодателей, информирование студентов об актуальных вакансиях и возможностях прохождения студенческих практик.

Таким образом, развитие взаимодействия образовательных организаций и бизнес-структур ХМАО – Югры способствует повышению качества подготовки кадров в соответствии с текущим рыночным спросом и создает предпосылки для ее комплексного развития.

Литература

1. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Развитие инновационной инфраструктуры исследовательских университетов через трансформацию образовательного процесса // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 15. С. 287-292.

2. Карминская Т.Д., Исламутдинов В.Ф. Влияние высшего и среднего профессионального образования на развитие экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Экономика региона. 2021. № 2. С. 445-459.

3. Акуленко Н.Б., Елина О.А. Современные технологии в бизнес-образовании – требования рынка труда // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2012. № 12. С. 11-16.

4. Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Итоги социально-экономического развития отрасли «Образование» за 2023 г. URL: <https://depobr.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya> (дата обращения: 12.05.2025)

5. Нижневартровский строительный колледж. Профессионалитет – новый уровень среднего профессионального образования. URL: <https://nskcollege.ru/professionalitet/> (дата обращения: 12.05.2025)

6. Телерадиокомпания Югра – главный канал региона. Колледжи Югры будут готовить кадры по программе «Профессионалитет» URL: https://ugra-tv.ru/news/society/kolledzhi_yugry_budut_gotovit_kadru_po_programme_professionalitet/ (дата обращения: 12.05.2025)

7. Сетевое издание «SAKHALIFE.RU». Норголд: от производственной практики до трудоустройства. URL: <https://sakhalife.ru/norgold-ot-proizvodstvennoj-praktiki-do-trudoustrojstva/> (дата обращения: 12.05.2025)

Сведения об авторе:

©**Колесник Анна Андреевна** – аспирант, ассистент кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский Государственный университет, Российская Федерация, Сургут, e-mail: Korotina-1996@inbox.ru.

Information about the author:

©**Kolesnik Anna Andreevna** – Postgraduate student, Assistant of the Department of State and Municipal Management and Personnel Management, Surgut State University, Russian Federation, Surgut, e-mail: Korotina-1996@inbox.ru.

В. З. Панина, Э. К. Панина

**РОЛЬ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: НАУЧНЫЙ ВКЛАД И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ**

Ключевые слова: риск-менеджмент, корпоративное управление, китайские предприятия, институциональная среда, гуаньси, государственное регулирование, устойчивость бизнеса.

Исследование анализирует специфику, эффективность и результативность систем риск-менеджмента на китайских предприятиях. Актуальность обусловлена необходимостью адаптации универсальных принципов риск-менеджмента к уникальной институциональной среде Китая с доминирующей ролью государства, культурными факторами («гуаньси») и спецификой корпоративного управления. Цель работы – выявление ключевых факторов успешности риск-менеджмента, анализ специфических методов и оценка их роли в обеспечении конкурентоспособности компаний. Методологию составили: системный анализ концепций риск-менеджмента, обобщение вторичных данных, сравнительный анализ практик в различных типах компаний и кейс-стади (Huawei, BYD). Результаты систематизировали детерминанты эффективности риск-менеджмента, доказав важность адаптации к местным реалиям. Выявлены уникальные практики: использование «гуаньси», интеграция государственных приоритетов, роль парткомов в контроле рисков и внедрение технологий (AI, Big Data). На основе данных (рост внедрения ERM до 78 %, корреляция с повышением ROE на 15-20 %) доказано положительное влияние риск-менеджмента на устойчивость бизнеса. Научная новизна заключается в обосновании формирования «гибридной» модели китайского риск-менеджмента и эмпирической верификации её вклада в устойчивость. Практическая значимость включает рекомендации для китайских компаний, помощь международным инвесторам в оценке рисков и возможности использования выводами зарубежными фирмами для адаптации своих подходов к риск-менеджменту.

V. Z. Panina, E. K. Panina

**RISK MANAGEMENT IN MODERN CHINESE BUSINESS: SCIENTIFIC INSIGHTS
AND PRACTICAL IMPLICATIONS**

Keywords: risk management, corporate governance, chinese enterprises, institutional environment, guanxi, state regulation, business resilience.

This study examines the specifics, efficiency, and effectiveness of risk management systems in Chinese enterprises. The relevance stems from the need to adapt universal risk management principles to China's unique institutional environment, characterized by the dominant role of the state, cultural factors («guanxi»), and specifics of corporate governance. The aim is to identify key success factors of risk management, analyze context-specific methods, and assess their role in enhancing corporate competitiveness. The methodology included: systematic analysis of risk management concepts, synthesis of secondary data, comparative analysis of practices across different company types, and case studies (Huawei, BYD). The results systematized determinants of risk management effectiveness, proving the critical importance of adaptation to local realities. Unique practices were identified: strategic use of guanxi, integration of state priorities, the role of Party committees in risk control, and adoption of technologies (AI, Big Data). Data (78 % ERM adoption growth, 15-20 % ROE improvement correlation) confirmed risk management's positive impact on business resilience. The scientific novelty lies in substantiating the formation of a unique «hybrid» Chinese risk management model and empirical verification of its contribution to sustainability. Practical significance includes recommendations for Chinese companies, assistance to international investors in risk assessment, and insights for foreign firms adapting their risk management approaches to the Chinese context.

Введение

Современная деловая среда Китая характеризуется исключительной динамичностью и высоким уровнем неопределенности, порожаемой интенсивной конкуренцией, стремительным технологическим развитием, активным государственным регулированием, особенностями правовой системы и глубоко укорененными культурными нормами [1]. В этих условиях эффективное управление рисками трансформируется из вспомогательной функции в критический фактор выживания и долгосрочного успеха предприятий. Хотя значимость риск-менеджмента как дисциплины общепризнана в мировой теории и практике управления [2], его реализация в специфическом китайском контексте изучена недостаточно полно.

Теоретический анализ фундаментальных концепций РМ, заложенных Фрэнком Найтом (разграничение риска и неопределенности) [3] и развитых в современных стандартах (COSO ERM, ISO 31000), указывает на необходимость их глубокой адаптации к локальным условиям. Уникальность китайского контекста определяется несколькими взаимосвязанными факторами:

Во-первых, институциональная среда отличается доминирующей ролью государства, реализуемой через всеобъемлющее регулирование, масштабные промышленные политики (например, «Сделано в Китае») и значительное присутствие государственных предприятий (ГЭК) в ключевых отраслях [4]. Это порождает специфические политические и регуляторные риски, требующие особых подходов к мониторингу и управлению.

Во-вторых, культурные факторы, укорененные в конфуцианской традиции, такие как иерархичность, приоритет долгосрочных доверительных отношений («гуаньси») и коллективизм, существенно влияют на коммуникацию рисков, процессы принятия решений и этические аспекты РМ [5, 6].

В-третьих, модели корпоративного управления в Китае представляют собой синтез западных элементов и местных особенностей, ключевой из которых является формализованная роль партийных комитетов внутри компаний (особенно в ГЭК, но и во многих крупных частных фирмах), вовлеченных в надзорные функции [7, 8]. Наконец, переходный характер экономики, несмотря на гигантские успехи, проявляется в менее развитых рынках капитала, информационной асимметрии и особенностях правоприменения [9], создавая дополнительные вызовы для РМ.

Таким образом, научная проблема данного исследования заключается в недостаточной разработанности комплексного понимания того, как универсальные принципы и методы риск-менеджмента адаптируются и эффективно функционируют в уникальной институциональной, культурной и управленческой среде Китая, и каким образом специфические китайские практики РМ влияют на устойчивость и конкурентоспособность предприятий. Целью работы является выявление ключевых факторов эффективности риск-менеджмента в китайских компаниях и оценка его стратегической роли в обеспечении их долгосрочной жизнеспособности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают системы и практики риск-менеджмента, применяемые на современных китайских предприятиях различных форм собственности (государственные, частные, смешанные) и масштабов деятельности, с особым фокусом на крупный корпоративный сектор и технологические компании как наиболее продвинутые в данном направлении. Предметом исследования являются специфические факторы, методы и результаты реализации РМ в контексте китайских институциональных, культурных и управленческих реалий.

Методологическая база исследования основана на комплексном подходе, сочетающем несколько методов:

1. Теоретический анализ: систематизация и критический анализ существующих научных концепций в области риск-менеджмента, корпоративного управления, институциональной экономики (работы Д. Норта, У. Скотта [10, 11]), кросс-культурного менеджмента (Г. Хофстеде [12]), а также специализированных исследований китайского бизнеса, менеджмента и корпоративного управления (Дж. Чайлд [13], Г. Реддинг [14], Цинь Сяоцзюнь [15], Чэнь Шуйцин [16]). Это позволило сформировать концептуальные рамки для понимания адаптации РМ в Китае.

2. Анализ вторичных данных: изучение и обобщение данных из открытых источников, включая:

- Официальные отчеты регулирующих органов Китая (например, CBIRC);
- Исследования и обзоры международных консалтинговых компаний (PwC, Deloitte, McKinsey & Company) по состоянию риск-менеджмента в Азии и Китае [17-19];
- Публикации в рецензируемых научных журналах по экономике, менеджменту и регионоведению;

– Открытые корпоративные отчеты (годовые отчеты, отчеты об устойчивом развитии) ведущих китайских компаний (Huawei, BYD, Alibaba, Tencent и др.);

– Статистические данные о финансовых показателях и инцидентах, связанных с рисками.

3. Сравнительный анализ: сопоставление подходов к РМ в различных типах китайских компаний, а также выявление особенностей по сравнению с западными моделями.

4. Кейс-стади (анализ конкретных ситуаций): глубокое качественное исследование практик РМ на примере конкретных компаний-лидеров (Huawei, BYD, лидеров FinTech), демонстрирующих успешную реализацию адаптированных систем управления рисками. Анализ включал изучение публично доступной информации об их стратегиях, структурах управления, кризисных ситуациях и мерах по их преодолению.

Данный комплекс методов позволил обеспечить релевантность, достоверность и глубину исследования, отвечая на поставленные вопросы о специфике, детерминантах эффективности и вкладе РМ в успех китайских предприятий.

Результаты и их обсуждение

Проведенное исследование выявило значительную эволюцию практик риск-менеджмента в китайских компаниях за последнее десятилетие, от фрагментарных мер к более комплексным и интегрированным системам. Этот прогресс подтверждается эмпирическими данными. Так, по данным исследования PwC China (2023), доля крупных китайских компаний, имеющих выделенную функцию РМ или специализированный отдел, достигла 78 %, что свидетельствует о растущей институционализации этой функции [17]. Более того, аналитики McKinsey отмечают прямую корреляцию между зрелостью систем РМ и финансовыми результатами: компании с внедренными системами ERM демонстрируют в периоды экономической волатильности рентабельность собственного капитала (ROE) на 15-20 % выше, чем их менее подготовленные конкуренты [18]. Эти данные указывают на ощутимый вклад эффективного РМ в финансовую устойчивость.

Ключевым результатом исследования является выявление и анализ специфических методов РМ, доказавших свою высокую эффективность именно в китайском контексте.

Во-первых, стратегическое использование института «гуаньси» выходит за рамки нетворкинга, превращаясь в мощный инструмент

управления операционными, регуляторными и репутационными рисками. Крупные компании электронной коммерции, такие как JD.com и Alibaba, активно опираются на развитые сети гуаньси для обеспечения надежности и устойчивости своих сложных цепочек поставок, эффективно смягчая риски сбоев и недобросовестности партнеров [19]. Этот неформальный механизм часто компенсирует несовершенство формальных контрактных отношений и судебной системы.

Во-вторых, ярко выражена государственно-ориентированная составляющая РМ. Успешные компании, особенно в стратегических или регулируемых секторах (например, возобновляемая энергетика), активно выстраивают тесные рабочие отношения с регуляторами, стремятся к участию в государственных программах и строго следуют национальным отраслевым стратегиям. Лидеры рынка, такие как Goldwind (ветроэнергетика) или LONGi (солнечные панели), минимизируют политические и регуляторные риски именно благодаря глубокой интеграции своих бизнес-стратегий и систем РМ с государственными приоритетами развития [20].

В-третьих, уникальной особенностью является роль партийных комитетов в системе управления рисками, особенно на государственных и смешанных предприятиях, но также распространяющаяся на крупный частный бизнес. Парткомы вовлекаются в надзор за соблюдением законодательства, этическими нормами, кадровой безопасностью и идеологической выдержанностью. Это создает дополнительный, сугубо китайский, механизм контроля за комплаенс-рисками и рисками репутации, тесно связанными в местных условиях с политической лояльностью и социальной ответственностью [8]. Вовлечение парткомов добавляет веса и ресурсов функциям внутреннего контроля.

В-четвертых, китайские компании, особенно технологические лидеры, демонстрируют высокие темпы внедрения передовых технологий в практику РМ. Компании в сфере финансовых технологий (FinTech), такие как Ant Group и Tencent, используют большие данные и искусственный интеллект для оценки кредитных рисков, мониторинга мошенничества и киберугроз с беспрецедентной точностью и скоростью, что приводит к значительному снижению уровня проблемных кредитов (NPL) и операционных потерь [21]. Технологии становятся ключевым мультипликатором возможностей РМ.

Наглядным подтверждением эффективности комплексного, адаптированного к контексту риск-менеджмента служат кейсы китайских компаний-чемпионов. Технологический гигант

Huawei задолго до кризиса инвестировал в создание мощной, многогранной системы РМ. Она включала не только традиционные элементы, но и детально проработанный политический риск-менеджмент, выразившийся в стратегической диверсификации цепочек поставок, создании буферных запасов критических компонентов, масштабных инвестициях в собственные R&D и развитии альтернативных экосистем (например, операционная система HarmonyOS). Эта система позволила Huawei продемонстрировать выдающуюся устойчивость и сохранить значительную часть глобального бизнеса даже в условиях беспрецедентных внешних санкций [22]. Другой пример – BYD, лидер в производстве электромобилей и аккумуляторов. Ключевым элементом его успеха стало эффективное управление рисками цепочки поставок и технологическими рисками через стратегию глубокой вертикальной интеграции, особенно в производстве литий-ионных батарей. Это обеспечило компании беспрецедентный контроль над критическими ресурсами и технологиями, снизив зависимость от внешних поставщиков и гарантировав стабильность производства в периоды глобальных дефицитов [23].

Обсуждение результатов также выявило сохраняющиеся вызовы. Наиболее значимым является существенное отставание в зрелости систем РМ в секторе малого и среднего предпринимательства (МСП) по сравнению с крупными корпорациями. Многие МСП не обладают достаточными ресурсами для создания полноценных отделов РМ и часто ограничиваются реактивными мерами. В некоторых государственных предприятиях наблюдается формальный подход к РМ, не интегрированный в стратегию и операционную деятельность. Сложности вызывает оценка и управление «мягкими» рисками (репутация, корпоративная культура, человеческий фактор), а также сохраняется дефицит высококвалифицированных специалистов по РМ, понимающих китайскую специфику [24]. Эти проблемы обозначают направления для дальнейшего развития.

Важным аспектом обсуждения является наблюдаемая тенденция к формированию уникальной «гибридной» модели китайского риск-менеджмента. Эта модель представляет собой синтез традиционных, укорененных в культуре и институтах подходов (стратегическое использование гуаньси, активное взаимодействие с государством, роль парткомов) и современных, технологически продвинутых методов (AI, Big Data, FinTech). Так, гуаньси-сети дополняются цифровыми платформами для прозрачности цепочек поставок, а взаимодействие с регуляторами все чаще опирается на государственные

цифровые системы и аналитику данных. Партийные комитеты расширяют фокус надзора на кибербезопасность и ESG-риски. Этот гибридный подход, эволюционируя, становится отличительной чертой и источником устойчивости китайского бизнеса, позволяя эффективно управлять рисками в уникальной среде.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило центральную гипотезу о критически важной и стратегической роли эффективного риск-менеджмента в обеспечении устойчивости и конкурентоспособности современных китайских предприятий в условиях высокой неопределенности.

Научный вклад работы заключается в следующем:

- Систематизация факторов эффективности: убедительно доказано, что успешность РМ в Китае неразрывно связана с адаптацией к уникальным институциональным (доминирующая роль государства, порождающая специфические политические и регуляторные риски), культурным (ключевая роль «гуаньси» и коллективистских ценностей в коммуникации и снижении рисков) и управленческим (формализованная роль партийных комитетов в надзоре за комплаенсом и репутацией) факторам. Прямое применение западных моделей без глубокой контекстуализации неэффективно.

- Выявление и анализ специфических методов: исследование выявило и проанализировало ключевые контекстно-зависимые практики РМ, доказавшие свою результативность в Китае: стратегическое использование гуаньси как инструмента снижения операционных и регуляторных рисков; глубокая интеграция государственных приоритетов в корпоративную стратегию и РМ для минимизации политических рисков; систематическое вовлечение партийных структур в процессы контроля; активное внедрение передовых технологий (AI, Big Data) для повышения точности и скорости управления рисками.

- Эмпирическое подтверждение влияния на устойчивость: на основе анализа статистических данных и кейсов (Huawei, BYD, лидеры FinTech) продемонстрирована прямая положительная корреляция между зрелостью адаптированных систем РМ и ключевыми показателями устойчивости бизнеса – финансовой стабильностью (более высокая ROE в кризисы) и конкурентоспособностью, особенно в условиях внешних шоков.

- Определение практической ценности: результаты исследования имеют практическую

значимость для различных стейкхолдеров: руководства китайских компаний (особенно МСП) для аудита и оптимизации систем РМ; международных инвесторов для более точной оценки специфических рисков китайского рынка и факторов устойчивости компаний; иностранных компаний, работающих в Китае или с китайскими партнерами, для адаптации своих подходов к РМ к местным реалиям и построения эффективных отношений.

Основные выводы исследования сводятся к следующим тезисам:

1. Контекстная адаптация универсальных принципов РМ к уникальным институциональным, культурным и управленческим реалиям Китая является обязательным условием его эффективности.

2. Государство выступает мощнейшим внешним фактором, формирующим риск-ландшафт; успешные компании проактивно интегрируют понимание государственных приоритетов в свою стратегию и РМ.

3. Традиционные институты (гуаньси) и специфические структуры (парткомы) при грамотном использовании трансформируются в значимые конкурентные преимущества для управления ключевыми рисками на китайском рынке.

4. Инвестиции в передовые технологии (AI, Big Data) кардинально расширяют возможности прогнозирования, мониторинга и реагирования на риски.

5. Существует значительный разрыв в зрелости систем РМ между крупными корпорациями/технологическими лидерами и сектором МСП, требующий целенаправленных усилий по развитию инфраструктуры и кадров.

6. Наиболее эффективные системы РМ в Китае представляют собой динамично развивающиеся «гибриды», синтезирующие традиционные сильные стороны (управление отношениями, учет госполитики) с передовыми технологиями и адаптированными международными стандартами.

Таким образом, построение и постоянное совершенствование комплексной, глубоко контекстуализированной системы риск-менеджмента является стратегическим императивом для обеспечения долгосрочной устойчивости, конкурентоспособности и инновационного потенциала китайских предприятий в глобальной экономике. Будущее китайского РМ видится в углублении гибридизации и профессионализации, особенно в МСП и в сфере управления новыми, возникающими рисками.

Литература

1. Scott W.R. *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*. 4th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. 368 p.
2. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
3. Li P.P. *Toward a Geocentric Framework of Organizational Form: A Holistic, Dynamic and Paradoxical Approach* // *Organization Studies*, 1998. Vol. 19. No. 5. P. 829-861.
4. COSO. *Enterprise Risk Management – Integrating with Strategy and Performance*. New York: Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2017. 118 p.
5. Knight F.H. *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Hart, Schaffner & Marx; Houghton Mifflin, 1921. 381 p.
6. Naughton B. *The Chinese Economy: Adaptation and Growth*. 2nd ed. Cambridge: MIT Press, 2018. 610 p.
7. Liu G., Liu Y. *Political Risk and Corporate Risk Management: Evidence from China* // *Journal of Corporate Finance*. 2021. Vol. 68. P. 101928.
8. Fan Y. *Questioning Guanxi: Definition, Classification and Implications* // *International Business Review*. 2002. Vol. 11. No. 5. P. 543-561.
9. Chen M.-J. *Inside Chinese Business: A Guide for Managers Worldwide*. Boston: Harvard Business Review Press. 2001. 288 p.
10. Lin L.W. *The Corporate Governance Model of China: How Much Control Does the Communist Party Have Over Enterprises?* // *Columbia Journal of Asian Law*. 2017. Vol. 30. No. 2. P. 222-267.
11. Tsui A.S., Schoonhoven C.B., Meyer M.W. [et al.] *Organization and Management in the Midst of Societal Transformation: The People's Republic of China* // *Organization Science*. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 133-144.
12. Allen F., Qian J., Qian M. *Law, Finance, and Economic Growth in China* // *Journal of Financial Economics*. 2005. Vol. 77. No. 1. P. 57-116.
13. Chen X. *Corporate Governance of State-Owned Enterprises in China: A Review and Recommendations* // *China Economic Journal*. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 305-322.
14. Chen S. *The Impact of National Culture on Corporate Governance Practices: A Comparative Study of China and the US* // *Management and Organization Review*. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 645-671.

15. Child J. Management in China during the Age of Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 336 p.
16. Redding S.G. The Spirit of Chinese Capitalism. Berlin: De Gruyter, 1993. 267 p.
17. PwC China. Risk Management Survey of Chinese Enterprises 2023. Beijing: PwC Publications, 2023. 42 p.
18. McKinsey & Company. The State of Risk Management in Asian Financial Institutions. Shanghai: McKinsey Report, 2022. 30 p.
19. Zhang S., Andrews-Speed P., Zhao X. Political and Institutional Analysis of the Successes and Failures of China's Wind Power Policy // Energy Policy. 2013. Vol. 56. P. 331-340.
20. Huang Y., Wang B. Development and Regulation of FinTech in China: A Review // China Economic Journal. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 241-258.
21. Liu H. Global R&D Strategies in an Era of Anti-Globalization: The Case of Huawei // Journal of International Business Studies. 2022. Vol. 53. P. 1565-1585.
22. Wu X., Zhang R. Vertical Integration and Risk Management: The Case of BYD in the EV Battery Industry // International Journal of Production Economics. 2023. Vol. 255. P. 108698.
23. Deloitte China. Risk Management Maturity Survey: Chinese Enterprises 2022. Shanghai: Deloitte Publications, 2022. 36 p.
24. Zhou K.Z., Poppo L., Yang Z. Relational Ties or Customized Contracts? An Examination of Alternative Governance Choices in China // Journal of International Business Studies. 2008. Vol. 39. No. 3. P. 526-534.

Сведения об авторах:

©**Панина Венера Zufаровна** – старший преподаватель кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sadvenera@mail.ru.

©**Панина Элина Константиновна** – докторант Школы экономики и менеджмента, Университет Китайской Академии наук, Китайская народная республика, Пекин, e-mail: helloelya603@gmail.com.

Information about the authors:

©**Panina Venera Zufarovna** – Senior Lecturer of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sadvenera@mail.ru.

©**Panina Elina Konstantinovna** – PhD Student of the School of Economics and Management, University of the Chinese Academy of Sciences, People's Republic of China, Beijing, e-mail: helloel-ya603@gmail.com.

М. Р. Вахитов**О РОЛИ «УМНОЙ» СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ**

Ключевые слова: политика импортозамещения, стратегия «умной» специализации, технологический суверенитет, инновационный потенциал, технологическая модернизация, региональная экономическая система, модернизация технологической базы региона.

В период усиления структурных и конъюнктурных особенностей политики санкций в отношении российской экономики и ее регионов, формируется острая необходимость в принятии ответной адекватной политики импортозамещения, которая сводится не только к замене импортной продукции и услуг национальными товарами, но и реализует потребность в формировании собственной политики технологического развития региональных экономических систем. В настоящее время, достижение технологического суверенитета на уровне регионов – это сквозной принцип развития российской экономики в целом, что определяет актуальность тематики данной статьи. Цель статьи заключается в идентификации инновационного потенциала региональных экономических систем и стратегии «умной» специализации в реализации политики импортозамещения в направлении достижения технологического суверенитета на уровне государства. В ходе исследования выполнено следующее: определены основные направления технологической модернизации региональных экономических систем и государства в целом; обозначена роль стратегии «умной» специализации регионов в реализации политики импортозамещения; выявлены тренды инновационного потенциала в рамках стратегии «умной» специализации региона при реализации политики импортозамещения; проведена конфигурация гетерогенной динамики инновационного потенциала региона в рамках стратегии «умной» специализации при реализации политики импортозамещения; систематизированы принципы стратегии «умной» специализации регионов при реализации политики импортозамещения. Обосновано, что управление инновационным потенциалом региона в рамках реализации политики импортозамещения должно быть основано на стратегии «умной» специализации, с ее особенностями, принципами с учетом компонентного состава действий по достижению технологического суверенитета государства в целом – цели, ресурсного обеспечения, институциональных способностей, инструментов и механизмов реализации, инструментария и оценки эффективности, системы риск-менеджмента.

M. R. Vakhitov**ON THE ROLE OF «SMART» SPECIALIZATION OF REGIONS IN THE IMPLEMENTATION OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY**

Keywords: import substitution policy, smart specialization strategy, technological sovereignty, innovation potential, technological modernization, regional economic system, modernization of the technological base of the region.

In the period of increasing structural and conjuncture features of the sanctions policy towards the Russian economy and its regions, there is an urgent need to adopt a response adequate import substitution policy, which is reduced not so much to replacing imported products and services with national goods, but also a need to form our own policy of technological development of regional economic systems. At present, achieving technological sovereignty at the regional level is a cross-cutting principle of development of the Russian economy as a whole, which determines the relevance of the topic of this article. The purpose of the article is to identify the innovative potential of regional economic systems and the strategy of «smart» specialization in the implementation of import substitution policy in the direction of achieving technological sovereignty at the state level. The following was accomplished in the course of the study: the main directions of technological modernization of regional economic systems and the state as a whole were determined; the role of the strategy of «smart» specialization of regions in the implementation of import substitution policy was outlined; trends in innovative potential were identified within the framework of the strategy of «smart» specialization of the region in the implementation of import substitution policy; The heterogeneous dynamics of the region's innovation potential was configured within the framework of the «smart» specialization strategy in implementing the import substitution policy; the principles of the «smart» specialization strategy of regions in implementing the import substitution policy were systematized. It was substantiated that the management of the region's innovation potential in implementing the import substitution policy should be based on the «smart» specialization strategy, with its features, principles,

taking into account the component composition of actions to achieve the technological sovereignty of the state as a whole – the goal, resource provision, institutional capabilities, tools and mechanisms for implementation, tools and performance assessment, risk management system.

В настоящее время формируется острая необходимость в принятии ответной адекватной политики импортозамещения, которая сводится не только к замене импортной продукции и услуг национальными товарами, но и реализует потребность в формировании собственной политики технологического развития региональных экономических систем. Реализаций региональной технологической политики опирается на инновационный потенциал региона, как базис его научно-технического и инновационного развития, способного ответить вызовам импортозамещения и санкциям. В настоящее время, достижение технологического суверенитета на уровне регионов – это сквозной принцип развития российской экономики в целом. В этом отношении справедливо утверждать, что переход от технологического импортозамещения к технологическому суверенитету опирается на инновационный потенциал регионов (научную составляющую, технику, рациональное использование ресурсов и т.п.).

Цель статьи заключается в идентификации инновационного потенциала региональных экономических систем и стратегии «умно» специализации в реализации политики импортозамещения в направлении достижения технологического суверенитета на уровне государства.

Задачи статьи:

– определить основные направления технологической модернизации региональных экономических систем и государства в целом;

– обозначить роль стратегии «умной» специализации регионов в реализации политики импортозамещения;

– выявить тренды инновационного потенциала в рамках стратегии «умной» специализации региона при реализации политики импортозамещения;

– провести конфигурацию гетерогенной динамики инновационного потенциала региона в рамках стратегии «умной» специализации при реализации политики импортозамещения;

– систематизировать принципы стратегии «умной» специализации регионов при реализации политики импортозамещения.

В настоящее время в регионах России и в национальной экономической системе в целом в условиях действия антироссийских санкций назрела проблема трансформации политики импортозамещения, в которой ключевыми целями трансформации выступают следующие:

– ликвидация институциональных барьеров, затрудняющих развитие науки, технологий и инноваций в регионах;

– модификация процессов проектирования и разработки аналогов зарубежных технологий отечественными производителями, которые будут внедрены в промышленность для выпуска продукции, отличающейся высоким уровнем конкурентоспособности и наукоемкости;

– изменение политики предоставления преференций для видов экономической деятельности, где имеется высокий удельный вес импортных технологий, запасных частей и т.п. для их протекции в силу высокой уязвимости;

– модификация научно-производственных цепочек, формирование опытных образцов, наукоемких технологий и высокотехнологичных производств из-за замены зарубежного оборудования на российское [1-3].

В целом можно выделить поступательное движение в реализации политики импортозамещения и достижения технологического суверенитета по цепочке трансформационных процессов (рис. 1).

Особый акцент в данном вопросе сделан на реализации политики превосходства и опережающего развития, в том числе трансформацию сферы науки, инноваций, способных к созданию технологий превосходства, превосходящие по своим характеристикам зарубежные разработки и продукты, что обеспечит опережающие, прорывное развитие регионов и национальной экономики в целом.

Полагаем, что реализация политики импортозамещения и достижения технологического суверенитета должна осуществляться в рамках концепции «умной» специализации регионов, которая позволяет максимально использовать инновационный потенциал регионов.

Стратегия «умной» специализации на уровне региона представляет собой региональную стратегию инновационной и научно-технической деятельности, в которой очерчиваются перспективы приобретения конкурентных преимуществ благодаря наращиванию инновационного потенциала региона с учетом конъюнктурных трендов, исключая при этом фрагментацию результатов и дублирование усилий. Как правило, стратегия «умной» специализации встраивается и дополняет региональную стратегию инновационного развития.

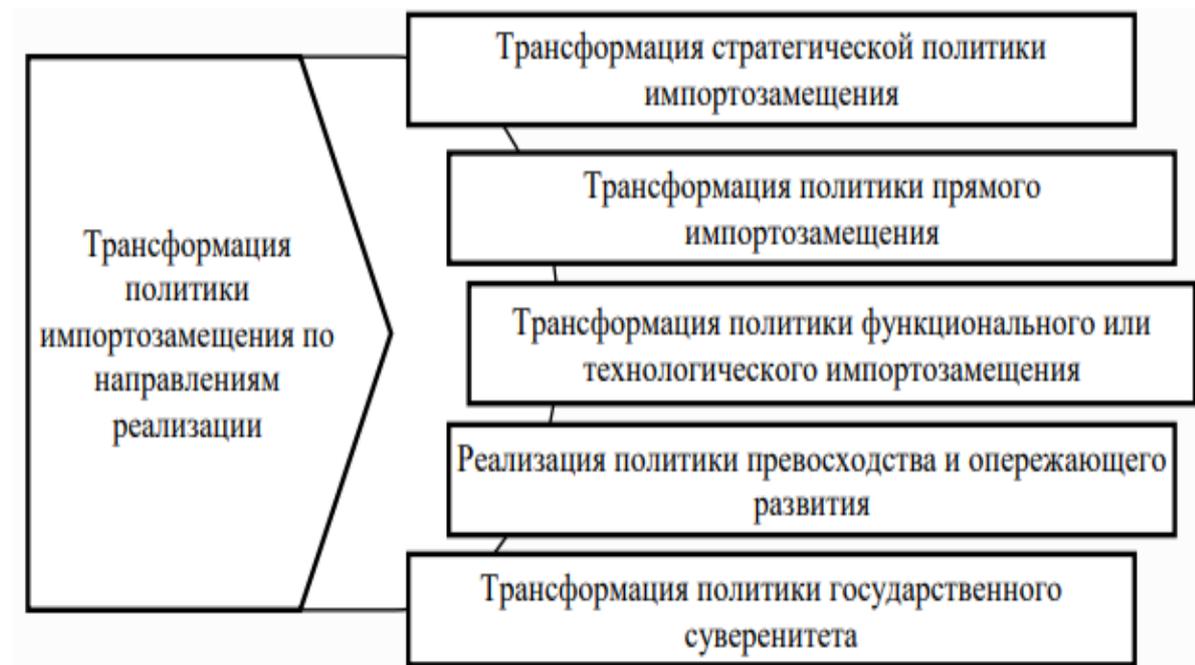

Рис. 1 – Направления модификации политики импортозамещения и достижения технологического суверенитета [4, с. 62]

Применительно к реализации политики импортозамещения на основе стратегии «умной» специализации регионов, можно выделить следующие ее отличительные черты:

- «умное» импортозамещение на основе знаний, науки и инноваций;
- достижение устойчивого экономического роста на основе собственных научных разработок и технологий;
- инклюзивное импортозамещение посредством роста качества жизни населения регионов, достижения социально-экономической, научно-технической и пространственной интеграции регионов.

Стратегия «умной» специализации регионов при реализации политики импортозамещения и достижения технологического суверенитета предполагает взаимосвязь таких категорий, как:

- соконкуренция – сотрудничество конкурирующих предприятий для достижения общей цели в сфере инноваций;
- ко-специализация знаний – приобретение новых знаний в процессе обучения, которое дает стимулы для отдельных субъектов или групп субъектов расширять перечень ролей, формировать междисциплинарные навыки и компетенции для укрепления и развития основ взаимовыгодного сотрудничества;
- ко-эволюция – взаимное развитие систем и субъектов, переход их на новую ступень развития (новый технологический уклад) [5-7].

Драйвером реализации политики импортозамещения является использование инновационного потенциала региональных экономических систем. Следует указать, что инновационный

потенциал регионов формируется благодаря действию трех критически важных факторов – занимаемой позиции, склонности и результативности, которые структурированы в виде индикаторов ресурсов (факторы производства, знания, технологии), процессов (соконкуренция, ко-специализация, ко-эволюция) и индикаторов результатов (уровень концентрации рынка, показатели экономической эффективности, новые технологии, новые знания). Развитие инновационного потенциала региона в рамках стратегии «умной» специализации региона отражено на рисунке (рис. 2).

Согласимся с мнением ряда исследователей, что стратегия «умной» специализации региона при реализации политики импортозамещения должна быть основана на модели тройной спирали – научное сообщество, бизнес-сообщество, органы государственной власти, как ее базовой основы, с дополнением в ее состав четырехзвенной спирали инноваций, в которой ядром реализации инновационного потенциала региона являются потребители (общество). Они определяют характер инновационного процесса, кроме того, активно в нем участвуют: как конечные потребители, как со-работчики и со-создатели.

Таким образом, исходя из системного подхода к управлению регионом при реализации политики импортозамещения и достижения технологического суверенитета можно сформулировать конфигурацию гетерогенной динамики инновационного потенциала региона в рамках стратегии «умной» специализации. Состав данной предлагаемой конфигурации представлен на рисунке (рис. 3).

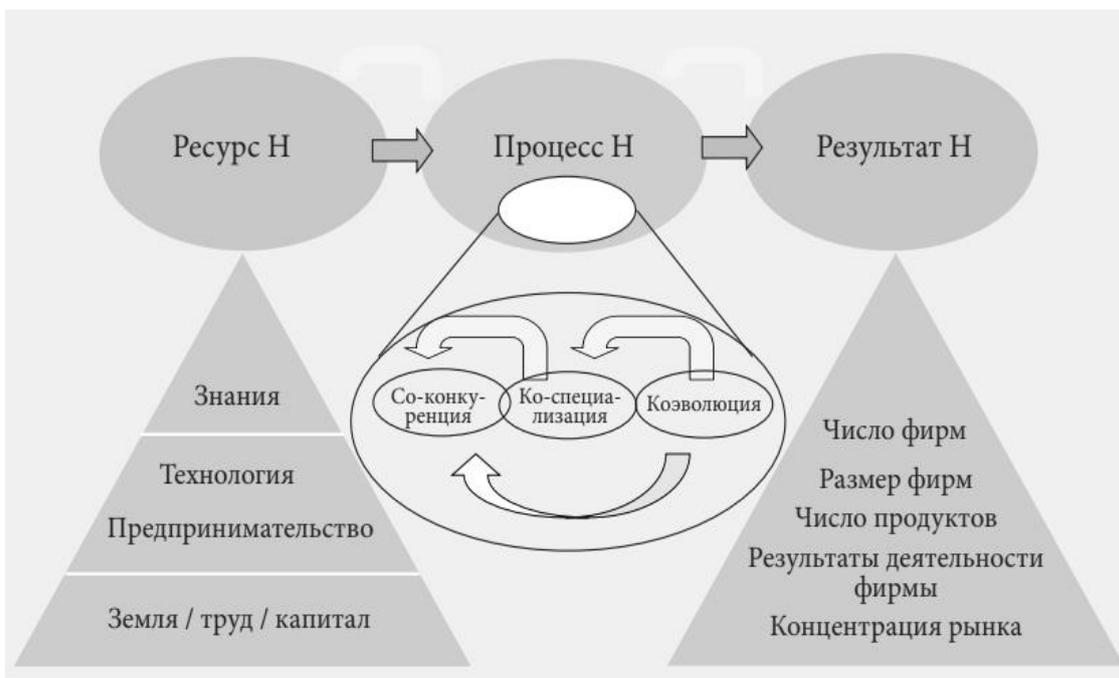

Рис. 2 – Развитие инновационного потенциала в рамках стратегии «умной» специализации региона [8, с. 34]

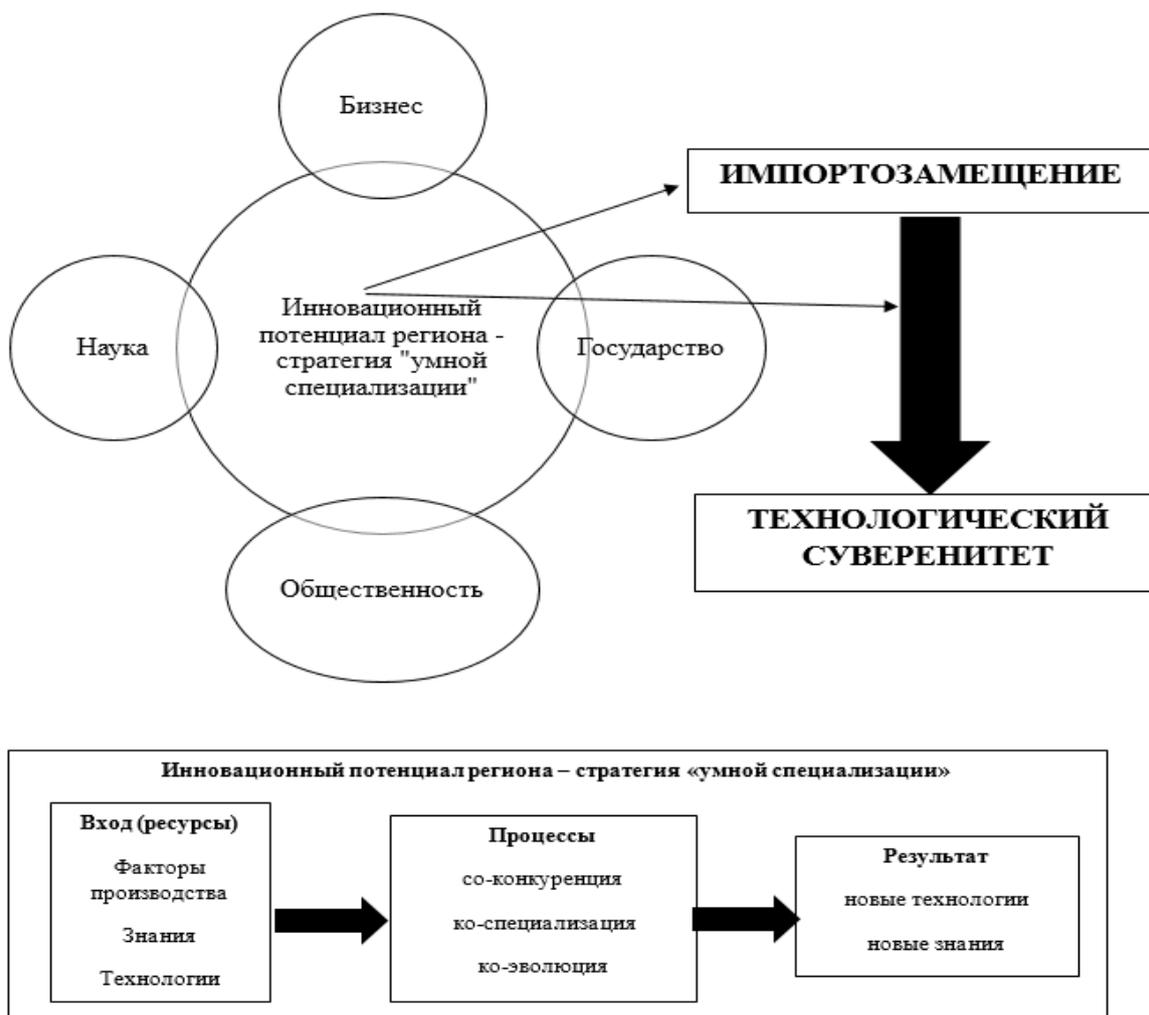

Рис. 3 – Конфигурация гетерогенной динамики инновационного потенциала региона в рамках стратегии «умной» специализации при реализации политики импортозамещения (составлено автором)

Важно выделить принципы стратегии «умной» специализации регионов при реализации политики импортозамещения. Среди них особо подчеркнем следующие:

– комплексность – поддержка инновационного развития не отдельных предприятий региона, а видов экономической деятельности, укрепление их межсекторальных связей;

– открытые инновации – взаимное сотрудничество субъектов хозяйствования, государства, научного сообщества и граждан; приоритетность в научных открытиях;

– диверсификация по специализации – на основе конкурентных преимуществ и ключевых факторов успеха региона;

– приоритет в экспериментировании – принятие, одобрение, поощрение неудач, попыток поиска новых знаний;

– инклюзивность – представление в стратегии инновационного и научно-техниче-

ского развития в независимости от уровня развития региона, его географических, экономических и социокультурных особенностей, если предлагаются с его стороны действенные инновационные проекты;

– цифровизации – использование цифровых платформ для коллаборации участников инновационной и научно-технической деятельности.

Таким образом, полагаем, что управление инновационным потенциалом региона в рамках реализации политики импортозамещения должно быть основано на стратегии «умной» специализации, с ее особенностями, принципами с учетом компонентного состава действий по достижению технологического суверенитета государства в целом – цели, ресурсного обеспечения, институциональных способностей, инструментов и механизмов реализации, инструментария и оценки эффективности, системы риск-менеджмента.

Литература

1. Шкодинский С.В., Кушнир А.М., Продченко И.А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 2. С. 75-96.
2. Барсегян Н.В., Ван А.И., Уренцова А.Р. Сравнительный анализ категорий «импортозамещение» и «технологический суверенитет» в условиях рисков развития закрытых инновационных систем // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3 (46). С. 30-35.
3. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Simaeva E.P., Stolyarova A.N., Kharisova G.M., Petrova E.V. Transport and communication space development in open innovation model // Espacios. 2018. Т. 39. № 9. С. 27-36.
4. Оруч Т.А. Развитие методологии и инструментария процессов импортозамещения технологических инноваций промышленных предприятий России. дисс. ... д-ра эконом. наук. Самара, 2023. 414 с.
5. Савцова А.В., Цекоев К.А. Умная специализация регионов как стратегия реализации мер инновационного социально-экономического развития // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 5. № 6. С. 374-380.
6. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 12(9). С. 2377-2394.
7. Кудрявцева С.С. Логистическое обеспечение инновационной деятельности промышленных предприятий Республики Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2013. № 1. С. 47-52.
8. Carayannis E., Grigoroudis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10, No. 1. P. 31-42.

Сведения об авторе:

©**Вахитов Марсель Ринатович** – старший преподаватель кафедры оборудования пищевых производств, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: VakhitovMR@corp.knrtu.ru.

Information about the author:

©**Vakhitov Marsel Rinatovich** – Senior Lecturer of the Department of Food Production Equipment, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: VakhitovMR@Corp.knrtu.ru.

Г. Н. Мустафина

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ
УСТОЙЧИВОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ**

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятия, цифровизация бизнес-процессов, цифровой потенциал предприятия, внешние и внутренние угрозы экономической безопасности предприятия, механизмы обеспечения экономической безопасности предприятия.

В современных экономических условиях цифровизация бизнес-процессов становится ключевым фактором обеспечения устойчивого развития и экономической безопасности хозяйствующих субъектов. В связи с чем целью работы является анализ влияния цифровизации бизнес-процессов на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов и определение механизмов укрепления их устойчивости в современных условиях. В работе рассмотрен опыт внедрения цифровизации в бизнес-процессы российских субъектов хозяйствования и оценены экономические и социальные эффекты от их использования. Автором сформулировано определение понятия «экономическая безопасность предприятия» и уточнен термин «цифровизация предприятия», обозначены ключевые угрозы экономической безопасности цифровизации бизнеса. Автор выявляет и доказывает корреляционную зависимость между уровнем экономической безопасности предприятия и «качеством» его цифрового потенциала, определяет ключевые направления цифровой трансформации бизнеса. Комплексный анализ влияния цифровизации на экономическую безопасность предприятий позволит разработать практические рекомендации по поэтапному внедрению цифровых технологий в бизнес-процессы и выявить ключевые факторы влияния цифровой трансформации на экономическую безопасность. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для разработки стратегий цифровизации предприятий, совершенствования механизмов управления рисками при внедрении цифровых технологий.

G. N. Mustafina

**DIGITALIZATION OF BUSINESS PROCESSES AS A TOOL TO STRENGTHEN
THE SUSTAINABILITY AND ECONOMIC SECURITY OF BUSINESS ENTITIES**

Keywords: economic security of the enterprise, digitalization of business processes, digital potential of the enterprise, external and internal threats to the economic security of the enterprise, mechanisms for ensuring the economic security of the enterprise.

In modern economic conditions, digitalization of business processes is becoming a key factor in ensuring sustainable development and economic security of business entities. In this regard, the purpose of the work is to analyze the impact of digitalization of business processes on the economic security of business entities and identify mechanisms to strengthen their sustainability in modern conditions. The paper examines the experience of introducing digitalization into the business processes of Russian business entities and evaluates the economic and social effects of their use. The author defines the concept of «economic security of an enterprise» and clarifies the term «enterprise digitalization», identifies key threats to the economic security of business digitalization. The author identifies and proves the correlation between the level of economic security of an enterprise and the «quality» of its digital potential, identifies key areas of digital business transformation. A comprehensive analysis of the impact of digitalization on the economic security of enterprises will make it possible to develop practical recommendations for the phased introduction of digital technologies into business processes and identify key factors influencing digital transformation on economic security. The practical significance of the research lies in the possibility of using the results obtained to develop enterprise digitalization strategies and improve risk management mechanisms for the introduction of digital technologies.

Введение

Финансово-хозяйственная деятельность хозяйствующих субъектов создает ВВП и формирует материальную основу российского общества, а предприятия являются ключевыми элементами экономической системы государства, в значительной мере обеспечивающими достижения национальных целей развития. И от эффективного решения задачи укрепления и поддержания оптимального уровня экономической безопасности субъектов хозяйствования зависит экономическая безопасность и устойчивость российской экономики, в последние годы функционирующей в условиях беспрецедентного внешнего санкционного давления, дополненных издержками проводимой Специальной военной операции.

Для сохранения завоеванного места на рынке и повышения своей конкурентоспособности, субъекты хозяйствования сегодня вынуждены адекватно реагировать на динамично изменяющуюся конъюнктуру и условия функционирования, стремясь не допустить перехода из потенциальных в реальные вызовы и угрозы, способных привести к усложнению или прекращению функционирования, а также любому сколь-нибудь значимому снижению ресурсного потенциала, осуществляя для этого «постоянный контроль проблемных ситуаций организаций, анализ факторов, вызывающих угрозы, и составление расчетов пороговых значений для определения данных угроз» [1]. И хотя, экономическая безопасность каждого конкретного предприятия формируется под воздействием множества факторов, перечень которых во многом предопределяется видом его деятельности и избранной бизнес-стратегией, общим требованием для практически всех хозяйствующих субъектов является приверженность инновационному пути развития, основным вектором которого на сегодня стала цифровизация бизнес-процессов и последующая цифровая трансформация предприятия.

Теоретико-методологические подходы к определению понятий «экономическая безопасность предприятия» и «цифровизация»

Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов относительно недавно стала самостоятельным объектом изучения отечественной науки и хотя труды авторитетных российских ученых, таких как А. А. Андреева, В. А. Богомолова, И. Р. Бажутина, Л. С. Гафурова, В. С. Гусева, М. П. Власова, С. И. Василишина, О. Ю. Дягеля, В. К. Сенчагова и др. на сегодня

сформировали достаточно солидную концептуальную основу, значительное число связанных с данной проблематикой вопросов все ещё остаются без ответа и нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении. На сегодня существует множество определений категории «экономическая безопасность предприятия» и исследователи при его трактовке демонстрируют как разнообразие взглядов, так и множественность подходов к формулированию этого понятия. Так, заместитель руководителя Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору В. В. Козивкин в своих работах рассматривает экономическую безопасность предприятия как «комплексное понятие, которое включает в себя совокупность факторов, связанных не столько с внутренним состоянием самого предприятия, сколько с воздействием внешней среды, с ее субъектами, с которыми предприятие вступает во взаимосвязь» [2]. А известный российский экономист В. К. Сенчагов определял экономическую безопасность предприятия как «защищенность его научно-технического, технологического, производственного и кадрового потенциала от прямых (активных) или косвенных (пассивных) экономических угроз, например, связанных с неэффективной научно-промышленной политикой государства или формированием неблагоприятной внешней среды, и способностью к его воспроизводству» [3]. В свою очередь, коллектив ученых под руководством профессора Г. А. Скачко под экономической безопасностью понимает «умение предприятия, посредством грамотного распределения и использования ресурсов, получать максимально высокий результат, достигая ежемесячных целей и анализируя возможность постоянного повышения эффективности своей деятельности, направленной на быстрый рост компании и поддержание ее конкурентоспособности на высоком уровне» [4].

При этом практически все авторы, выделяя «два главных ее компонента – развитие и устойчивость» [5], согласны с утверждением, что для конкретного субъекта она достигается «эффективным применением ресурсов для предупреждения угроз и обеспечения стабильной деятельности» [6, с. 105]. Исходя из общих целей и задач субъектов предпринимательства, экономическую безопасность предприятия можно рассматривать как «состояние, при котором важнейшие оценочные показатели ее деятельности максимально приближены к показателям, заданным бизнес-стратегией» [7], а «опасность возникновения неблагоприятных событий не превышает допустимой величины» [5].

Рассматривая цифровизацию в качестве «системного подхода к использованию цифровых ресурсов для повышения производительности труда, конкурентоспособности и экономического развития в целом» [8] и разделяя мнение о том, что «формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности России, конкуренции отечественных компаний» [9], мы все же придерживаемся позиции ряда российских ученых утверждающих, что «цифровая экономика не является новым, вновь возникшим отдельным и самостоятельным видом или формой экономики», а представляет собой «очередной этап эволюции экономической системы, основанный на доминировании информационно-цифровых технологий в рамках уже шестого технологического уклада» [10]. При этом, для раскрытия заявленной темы данной работы, на наш взгляд, достаточно опираться на официальную трактовку понятия «**цифровая экономика**», где она рассматривается как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [11].

Необходимо признать, что цифровизация экономики кардинально изменила как экономическую среду в целом, так и правила взаимодействия хозяйствующих субъектов всех уровней, которые теперь, в условиях цифровизации общества, для сохранения своей эффективности просто вынуждены свою финансово-хозяйственную деятельность строить на базе информационно-цифровых технологий, отказавшись от старых экономических моделей. Как и в случае с категорией «экономическая безопасность предприятия» понятие «цифровизации» на сегодня имеет множество трактовок. Так коллектив авторов под руководством профессора Т. Ю. Кудрявцева рассматривает цифровизацию как «переход от аналоговых и физических систем к цифровым и виртуальным» и «процесс, который предполагает использование цифровых технологий и оцифрованных данных для трансформации бизнес-процессов, бизнес-моделей, бизнес-операций» [12]. Группа исследователей во главе с С. В. Харитоновым рассматривает цифровизацию в качестве «процессов, связанных с внедрением информационно-коммуникационных технологий в производство, сервис и управление» [13]. Обобщая вышеперечисленные точки зрения, под цифровизацией хозяй-

ствующего субъекта в рамках настоящей работы, мы будем понимать процедуру формирования цифрового потенциала предприятия через внедрение цифровых технологий во все сферы его деятельности, выходящую за рамки тривиальной замены аналогового или физического ресурса на цифровой или информационный, и приводящую к его коренной трансформации на основе цифровых технологий.

Актуальные угрозы экономической безопасности и алгоритмы процесса цифровизации субъектов хозяйствования

В настоящее время цифровизация хозяйствующих субъектов напрямую связана с физическим выживанием любого бизнеса и на фоне усиления конкуренции и цифровой трансформации потребителей вкупе с законодательными требованиями регулятора, практически стала основным вектором стратегии развития мирового и российского предпринимательства.

На сегодня, ключевыми направлениями процесса цифровизации предприятий являются:

- автоматизация бизнес-процессов и создание внутренней цифровой инфраструктуры;
- активное применение аналитики данных и работа с инновациями; интеграция с облачными технологиями;
- обучение и развитие персонала, совершенствование его навыков и компетенций, формирование корпоративной цифровой культуры;
- развитие электронной коммерции; внедрение цифрового партнерства и систем коммуникации с клиентами;
- управление ценностью продуктов и услуг;
- разработка мобильных приложений; внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения.

Как и любая инновация, процесс цифровизации субъектов хозяйствования находится в зоне повышенного риска и подвержен целому ряду внешних и внутренних угроз экономической безопасности, главными из которых, на наш взгляд, являются:

- нехватка знаний и компетенций существующего персонала и дефицит компетентных специалистов данного профиля на национальном рынке труда;
- сопротивление персонала внедрению цифровизации и перестройки внутрикорпоративной культуры;
- высокая стоимость цифровизации и отсутствие возможности финансирования про-

цесса за счет собственных ресурсов, усугубленными ограниченностью источников внешних инвестиций;

– несовершенство технологий и слабая производственная база для выпуска качественного отечественного оборудования;

– недостаточная степень цифровой грамотности россиян и недоверие к инновациям;

– несовершенство российского законодательства в данной сфере;

– проблемы сохранения конфиденциальных данных и отсутствие действенных механизмов противодействия угрозам несанкционированного доступа к ним.

Заключение

1. Цифровизация финансово-хозяйственной деятельности субъектов экономики стала устойчивым трендом и ключевым вектором развития бизнеса всех уровней и в современных реалиях является обязательным условием его физического выживания, поддержания конкурентоспособности и экономической устойчивости, повышения инвестиционной привлекательности и экономической безопасности.

2. Внедрение цифровизации в бизнес-процессы предприятия необходимо проводить на системной основе, которая наряду с экономическими эффектами (увеличение производительности труда, снижение затрат, расширение

клиентской базы и т.д.) должна обеспечить трансформацию корпоративной культуры и повысить компетентность и квалификацию персонала, существенно прирастив его социально-экономический потенциал.

3. Цифровизация предприятия формирует и укрепляет его цифровой потенциал, являющийся неотъемлемой частью общего социально-экономического потенциала субъекта, «качество» которого напрямую влияет на способность последнего эффективно противодействовать внутренним и внешним угрозам и поддерживать оптимальный уровень собственной экономической безопасности.

4. Предприятия крупного бизнеса являются лидерами процесса цифровизации, т.к. обладают для этого необходимыми кадровыми и финансовыми ресурсами, в то время как мелкий бизнес сталкивается на пути своей цифровизации с трудно решаемыми проблемами ограниченности ресурсов и отсутствием внешних инвестиций.

5. Зафиксированные случаи «провальной» цифровой трансформации отдельных предприятий не могут повлиять на общенациональный тренд по цифровизации и в значительной мере объясняются цифровой незрелостью компаний, неготовностью владельцев к постоянным инвестициям, ошибками в выборе инструментов и стратегии цифровизации, а в отдельных случаях в отсутствии или дефиците квалифицированных кадров.

Литература

1. Мельников А.Б., Маханько Г.В. Экономическая безопасность. Краснодар: Изд-во КубГАУ, 2015. 171 с.
2. Козивкин В.В. Экономическая безопасность промышленного предприятия. Бизнес, менеджмент и право. 2016. URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=297 (дата обращения: 15.07.2025).
3. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 813 с.
4. Скачко Г.А., Никандрова Л.К., Суркова Е.В. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Аудитор. 2020. № 5. С. 33-36.
5. Симонов С.Г., Хаматханова М.А., Сафонов Д.А. Экономическая безопасность малого бизнеса: системный подход // Фундаментальные исследования. 2016. № 1-1. С. 198-202.
6. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология. Москва: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
7. Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 2006. № 5. С. 20-31.
8. Титов Д. Как создать цифровую компанию. Экономика и жизнь. 2018. № 45 (9761). URL: <https://www.eg-online.ru/article/385100/> (дата обращения: 15.07.2025).
9. ТАСС. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 15.07.2025).
10. Шлычков В.В. Об отдельных аспектах процесса цифровизации и определении понятия «цифровая экономика» // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 95-99.
11. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 15.07.2025).

12. Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149-151. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11228.
13. Харитонов С.В., Мусина Д.Р., Тюрганов А.Г. Мягкое рыночное управление экономикой региона в контексте цифровой экономики // Экономика и управление. 2018. № 1 (139). С. 43-46.

Сведения об авторе:

©**Мустафина Гульяр Назметдиновна** – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий, Набережночелнинский государственный педагогический университет, Российская Федерация, Набережные Челны, e-mail: cit@tatngpi.ru.

Information about the author:

©**Mustafina Gulyar Nazmetdinovna** – Senior Lecturer of the Department of Computer Science and Computational Mathematics, Head of the Information Technology Center, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Russian Federation, Naberezhnye Chelny, e-mail: cit@tatngpi.ru.

В. В. Шлычков**СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННО-МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК:
АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность системы государственных закупок, угрозы экономической безопасности, система государственного контроля, эффективность государственных расходов.

Целью работы является проведение анализа современного состояния и определение перспективных направлений развития системы государственного и муниципального заказа в контексте обеспечения экономической безопасности и эффективности бюджетных расходов. В статье дана характеристика российского законодательства о госзакупках, проведена оценка существующей системы государственных закупок и её отдельных элементов, определен круг и функции субъектов, обозначены национальные цели в данной сфере и предложены механизмы и инструменты их достижения. На основе использования автором результатов ситуационного анализа автором сформулировано определение понятия «экономическая безопасность системы госзакупок», обозначены ключевые угрозы её защищённости и предложены методы купирования последних. В статье рассматриваются пути повышения эффективности госзакупок, ключевыми из которых являются внедрение в управленческий процесс ИИ и цифровизация реализуемых контрольных мероприятий, а также проводимых предварительных антикоррупционных экспертиз контрактов и законодательства в данной сфере. Автор выявляет и показывает зависимость между уровнем экономической безопасности существующей системы госзакупок и их экономической эффективностью. Раскрытие заявленной темы позволит сформировать алгоритм непрерывного совершенствования системы государственных закупок и укрепления её экономической безопасности. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании нормативно-правовой базы госзакупок, а исследование вносит вклад в развитие теоретических и практических аспектов обеспечения экономической безопасности системы государственного заказа в современных условиях.

V. V. Shlychkov**THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT: CURRENT THREATS
AND TOOLS FOR IMPROVING ECONOMIC SECURITY**

Keywords: national security, economic security of the public procurement system, threats to economic security, the system of state control, the effectiveness of public spending.

The purpose of the work is to analyze the current state and identify promising areas for the development of the state and municipal procurement system in the context of ensuring economic security and efficiency of budget expenditures. The article describes the Russian legislation on public procurement, evaluates the existing public procurement system and its individual elements, defines the range and functions of subjects, identifies national goals in this area and suggests mechanisms and tools to achieve them. Using the results of the situational analysis, the author formulated the definition of the concept of «economic security of the public procurement system», identified the key threats to its security and proposed methods to stop the latter. The article discusses ways to improve the efficiency of public procurement, the key of which are the introduction of AI into the management process and the digitalization of control measures, as well as the ongoing preliminary anti-corruption examinations of contracts and legislation in this area. The author identifies and shows the relationship between the level of economic security of the existing public procurement system and their economic efficiency. Disclosure of the stated topic will make it possible to form an algorithm for continuous improvement of the public procurement system and strengthening its economic security. The results obtained can be used in improving the regulatory framework for public procurement. The research contributes to the development of theoretical and practical aspects of ensuring the economic security of the government procurement system in modern conditions.

Введение

Отечественная наука в советский период своего развития не проявляла сколь-нибудь значимого интереса к изучению категории «экономическая безопасность» и только спровоцированные переходом российской экономики к рыночной модели хозяйствования нереализуемые общественные запросы подвигли российских ученых как к переосмыслению накопленного ранее зарубежного теоретического и практического опыта, так и к активизации собственных научных исследований в данной сфере, что нашло свое отражение в работах Л. И. Абалкина, В. А. Богомолова, С. Ю. Глазьева, В. С. Панькова, В. С. Загашвили, В. К. Сенчагова, А. Е. Суглобова и др. Несмотря на разнообразие подчас противоположных точек зрения, сегодня можно выделить два основных подхода при определении понятия «экономическая безопасность», которая в соответствии с системно-деятельностным подходом трактуется как состояние отсутствия или наличия опасности для объекта, а в рамках натуралистического – рассматривается как состояние защищенности его жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз.

В настоящее время отечественным мейнстримом бесспорно является признание экономической безопасности в качестве ключевого элемента системы национальной безопасности и её материальной основы. И с учетом того, что на пути достижения национальных целей развития «основное значение имеют процессы, в которых субъектами выступают органы государственного управления» [1, с. 54], проблема обеспечения приемлемого уровня экономической безопасности этих процессов имеет важнейшее не только теоретическое, но и прикладное значение, т.к. они напрямую влияют как на эффективность и устойчивость национальной экономики в целом, так и её отдельных элементов, включая систему государственных закупок, объемы которых составляют значительную часть расходов консолидированного бюджета РФ и в 2022 г. достигли 12,4 трлн руб., в 2023 г. – 12,6 трлн руб., в 2024 г. – 11,8 трлн руб. [2]. При этом в 1 квартале 2025 г. закупочная система продемонстрировала рост финансовых объемов относительно аналогичного периода предыдущего года на 17 %, что в абсолютных показателях составило 2,97 трлн руб. [3].

Экономическая безопасность, законодательная база, структура и механизмы организации системы государственных закупок

Мы разделяем мнение коллег о том, что государственные закупки являются «важным

объектом и одновременно инструментом государственного контроля и регулирования экономических процессов в стране» [4, с. 339] и от их обоснованности и рациональности в значительной мере зависит эффективность бюджетных расходов и «качество» управления государственными финансами в целом. Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что созданный на сегодня механизм осуществления госзакупок ориентирован на результат и позволяет заказчикам получить доступ к продуктам необходимого качества, а поставщикам – гарантировать стабильный спрос на свою продукцию как минимум в краткосрочной перспективе. И исходя из существующих на сегодня методико-теоретических подходов, экономическую безопасность системы государственных закупок можно определить, как состояние защищенности её элементов от внутренних и внешних угроз, при котором через механизм государственных закупок участниками процесса реализуются возложенные на них функции, достигаются национальные цели развития и эффективно решается задача обеспечения государственных и муниципальных нужд необходимыми товарами/работами/услугами (далее – ТРУ).

Основу российского законодательства в сфере госзакупок составляют Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 44-ФЗ) [5] и Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – ФЗ № 223-ФЗ) [6]. И если ФЗ № 44-ФЗ заказчиками закупок определяет федеральные и муниципальные бюджетные учреждения, казенные учреждения и органы власти, а сами закупки оплачиваются за счет бюджета, то по ФЗ № 223-ФЗ торги оплачиваются за счет доходов заказчиков и проводятся в интересах более широкого круга субъектов, к коим относятся госкомпании с долей участия государства более 50 %, компании-монополисты и бюджетные организации, оплачивающие товары или услуги поставщиков собственными средствами, а также за счет грантов. При этом заказчики, работающие по ФЗ № 223-ФЗ, обладают правом проводить торги и по ФЗ № 44-ФЗ, однако в обратную сторону этот принцип не действует.

Оба вышеуказанных нормативных акта допускают к участию в торгах юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых и физических лиц, не имеющие статуса ИП или плательщиков НПД, в отдель-

ных случаях устанавливая определенные ограничения по статусу поставщиков. Так, человек без оформленного статуса самозанятого или ИП не может претендовать на поставку товаров для государственных учреждений, но обладает правом после подтверждения соответствующей квалификации участвовать в торгах на выполнение работ или предоставление услуг. При этом организатор торгов наряду с соблюдением универсальных требований имеет право вводить собственные ограничения, допуская к участию в них только отдельные категории субъектов, таких как отечественные производители или представители малого бизнеса.

Необходимо признать, что ФЗ № 223-ФЗ является более «либеральным» законом и наделяет заказчиков дополнительными возможностями самостоятельно выбирать форму торгов, формулировать собственные требования к участникам, определять процедуру выбора поставщика и т.д., с необходимостью обязательного указания своих запросов в положении о закупке. Кроме того, заказчики, работающие по ФЗ № 223-ФЗ, имеют возможность проводить торги не только на федеральных электронных площадках, но и использовать возможности коммерческих электронных торговых площадок.

В соответствии с российским законодательством вся информация о госзакупках размещается на официальном сайте Единой информационной системы (далее – ЕИС), регулярно обновляется и находится в свободном доступе, а все государственно-муниципальные закупки проводятся через процедуры открытых (электронные конкурсы, аукционы и запросы котировок и др.) или закрытых (конкурсы и аукционы) торгов, с возможностью в отдельных случаях закупаться у единственного поставщика.

Сам порядок участия в закупках детально регламентирован нормами ФЗ № 44-ФЗ и ФЗ № 223-ФЗ и включает в себя следующие этапы: получение квалифицированной электронной подписи; регистрация в ЕИС; открытие спецсчета; подтверждение квалификации для контрактов более 20 млн руб.; подача заявки; проведение торгов; подписание в течение 5 календарных дней предоставленного организатором торгов контракта.

После заключения контракта участник закупки приобретает статус «поставщика» (подрядчика, исполнителя) (п. 4.1 введен [7]) и принимает на себя обязательства поставить указанные товары или выполнить определенные работы (оказать услуги). При этом заказчики по ФЗ № 223-ФЗ имеют право предусмотреть

расходы на обеспечение контракта, прописав их в положении о закупке, в то время как заказчики по ФЗ № 44-ФЗ, обязаны установить такое обеспечение в размере от 0,5 до 30 % от общей суммы договора. Если исполнитель смог уложиться в назначенный срок, заказчик в соответствии с условиями контракта переводит плату за заказ, а обеспечительные средства на спецсчете разблокируются.

После исполнения контрактов все заказчики обязаны разместить отчетность по проведенным закупкам на портале ЕИС. В рамках ФЗ № 44-ФЗ – это годовые отчеты о проведенных закупках продукции отечественного производства и торгах для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций. По ФЗ № 223-ФЗ заказчики отчитываются об общем количестве и объемах заключенных договоров, о выполнении норматива закупок у малых и средних предприятий, о закупках инновационной и высокотехнологичной продукции у субъектов МСП.

Инструменты повышения уровня экономической безопасности системы госзакупок и основные направления трансформации в 2025 г.

Основные задачи существующего на сегодня механизма поддержания приемлемого уровня экономической безопасности системы государственных закупок являются выявление рисков стабильности функционирования и повышение степени её защищённости от внешних и внутренних угроз, позволяющей в условиях возрастающих геэкономической и геополитической турбулентностей бесперебойно и в запрашиваемых объемах обеспечивать государственные и муниципальные нужды необходимыми ТРУ. А инструментами обеспечения экономической безопасности системы госзакупок являются сочетание контрольных и ограничительных мер, позволяющих эффективно достичь национальных целей развития и поддержать отечественных товаропроизводителей через установление национального режима в данной сфере.

В ушедшем году Минфин РФ, являющийся «федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на исполнение функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере закупок» [8], достаточно результативно проводил работу по оптимизации и актуализации законодательства в сфере государственно-муниципальных закупок и созданию условий для эффективного решения задач импортозамещения

при закупочных процедурах. По его инициативе в августе 2024 г. был принят Федеральный закон от № 318-ФЗ, который унифицировал правила проведения закупок при предоставлении национального режима, наделив Правительство РФ полномочиями на установление изъятий из национального режима в определенных случаях и предоставлять преференции конкурирующей с иностранными российской продукции или товарам из стран ЕАЭС [9].

В условиях усиления внешнего санкционного давления и нарастания инфляционных тенденций, система государственных закупок постоянно совершенствуется и в 2025 г. основными тенденциями этого процесса стали ужесточение правовой регламентации осуществляемых процедур, повышение экономической эффективности механизма закупок и интенсификация социальной ответственности субъектов закупочной деятельности.

Последние дополнения и изменения в Федеральном законе № 44-ФЗ ввели следующие законодательные новации:

– в целях поддержки отечественных товаропроизводителей и поставщиков были отменены разрозненные многочисленные подзаконные акты и проведена унификации национального режима, в рамках которой были введены единые правила закупок и обязательные требования использовать характеристики российских товаров при описании объекта госзакупки;

– введено единое правило «второй лишней» в закупках, ограничивающее допуск иностранной продукции, заявки на которую не подлежат рассмотрению при наличии российских аналогов;

– все этапы закупочного процесса без каких-либо исключений переведены в электронный формат;

– предусмотрена возможность закупки идентичных и однородных товаров в пределах установленных лимитов закупок (600 тыс. руб.) для ЕД поставщика;

– установлены унифицированные формы обязательной отчетности об объемах закупок товаров российского происхождения, выполненных работах и услугах, проведенных или оказанных российскими лицами.

В свою очередь, корректировка ФЗ № 223-ФЗ привела к:

– унификации национального режима, который стал единым как для закупок по ФЗ № 44-ФЗ, так и для ФЗ № 223-ФЗ;

– установлению в случаях, предусмотренных соответствующими постановлениями Правительства РФ, запрета и ограничений допуска к участию в закупках для иностранных товаров;

– введению новых форм отчетности, аналогичных ФЗ № 44-ФЗ.

Кроме того, в целях обеспечения информационной и экономической безопасности как органам государственной власти, так и заказчикам по ФЗ № 223-ФЗ теперь запрещено использовать программное обеспечение иностранного производства на значимых объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ). Также в 2025 г. был скорректирован перечень заказчиков, обязанных согласовывать планы закупок и изменения в части проведения закупок у субъектов МСП, который при исключении ряда юридических лиц дополнился более чем двухсот новыми организациями. При этом в рамках реализации новой концепции развития закупок малого объема в настоящее время проводится работа по формированию каталога товаров и определению конкретных площадок для проведения «малых закупок», объем которых нельзя признать малозначительным для российской экономики, т.к. только в 2025 г. он оценивается в 1 трлн руб. [10].

При этом можно отметить усиление финансового, качественного и правового государственного контроля всех этапов государственных закупок, а анонсированное ФАС РФ введение в эксплуатацию ГИС с использованием ИИ «Антикартель», созданной на цифровой платформе РФ «Гостех» [11], безусловно, ещё больше повысит прозрачность заключаемых сделок и эффективность контрольных процедур.

Одновременно в целях усиления ответственности участников закупочного процесса и повышения дисциплины при выполнении контрактных обязательств, с 1 марта 2025 г. в КоАП РФ внесены изменения, предусматривающие новые составы нарушений и размеры штрафов в сфере закупок, которые, в свою очередь, требуют последующей актуализации соответствующих статей УК РФ. В частности, административный кодекс дополнен нормами, устанавливающими ответственность электронных торговых площадок (ЭТП) за нарушение правил проведения закупок, а также банков за нарушение порядка блокирования и прекращения блокирования денежных средств на счетах участников закупок [12].

Заключение

Действующая в России система государственных закупок успешно адаптируется как к требованиям цифровой экономики, так и

к внешним и внутренним угрозам экономической безопасности, и в условиях внешнего санкционного давления достаточно эффективно решает задачи достижения национальных целей развития и обеспечения государственных и муниципальных нужд необходимыми ТРУ.

Тренд на постоянное возрастание финансовой нагрузки на систему госзакупок говорит о её востребованности и высокой устойчивости, создает благоприятные условия для повышения эффективности бюджетных расходов при осуществлении закупочной деятельности,

превращая госзакупки в действенный инструмент государственного регулирования социально-экономических процессов и проводника государственной политики в данной сфере.

Дальнейшее снижение издержек и повышение уровня экономической безопасности системы государственных закупок возможны через широкое внедрение современных информационно-цифровых технологий во все этапы закупочного процесса, укрепление исполнительской дисциплины её участников, актуализации действующего законодательства и повышения эффективности государственного контроля.

Литература

1. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учебное пособие. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.
2. Официальный сайт Федерального казначейства. Витрины данных информационно-аналитической системы. URL: <http://datamarts.roskazna.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Краткая информация об исполнении федерального бюджета. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения: 17.07.2025).
4. Экономическая безопасность в новой реальности. Теория и методология. Москва: ЮНИТИ-Дана, 2024. 407 с.
5. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: <https://base.garant.ru/70353464/> (дата обращения: 17.07.2025).
6. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: <https://base.garant.ru/12188083/> (дата обращения: 17.07.2025).
7. Официальное опубликование правовых актов. Федеральный закон от 28.06.2022 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280063> (дата обращения: 17.07.2025).
8. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2017 г. № 446 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71656478/> (дата обращения: 17.07.2025).
9. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (документ не вступил в силу). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409394237/> (дата обращения: 17.07.2025).
10. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Информация Минфина России от 17 марта 2025 г. «Минфин России разработал законопроект о регулировании малых закупок». URL: <https://base.garant.ru/411672169/> (дата обращения: 17.07.2025).
11. Федеральная антимонопольная служба России. ФАС разработала законопроект о создании ГИС «Антикартель». URL: <https://fas.gov.ru/news/33273> (дата обращения: 17.07.2025).
12. Официальное опубликование правовых актов. Федеральный закон от 28.12.2024 г. №500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280002> (дата обращения: 17.07.2025).

Сведения об авторе:

©**Шлычков Владимир Валерьевич** – начальник, Межрегиональный филиал Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Владивостоке, Российская Федерация, Владивосток, e-mail: ShlychkovVV@roskazna.ru.

Information about the author:

©**Shlychkov Vladimir Valerievich** – Head, Interregional branch of the Federal State Institution «Center for Ensuring the Activities of the Treasury of Russia» in Vladivostok, Russian Federation, Vladivostok, e-mail: ShlychkovVV@roskazna.ru.

С. С. Кудрявцева

**ТАКСОНОМИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА:
НАУЧНЫЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Ключевые слова: бережливое производство, технологии бережливого производства, модель внедрения технологий бережливого производства, передовые технологии производства, бережливая цепь поставок.

В настоящее время перед предприятиями, отраслями и комплексами стоит острая задача использования организационных инноваций для повышения эффективности их функционирования. Одним из таких способов повышения экономической эффективности является внедрение технологий бережливого производства, которые показали свою действенность и результативность на многих промышленных предприятиях по всему миру вне зависимости от их организационно-правовой формы, размеров и сферы работы. Цель статьи состоит в раскрытии и обобщении принципов, моделей и особенностей реализации технологий бережливого производства, в том числе благодаря использованию передовых технологий производства, на современных предприятиях, а также по бережливой цепи поставок продукции. Цель статьи раскрывается в следующих научных задачах: систематизировать определения технологий бережливого производства; раскрыть сущность модели внедрения технологии бережливого производства на предприятиях; привести сравнительную характеристику бережливой цепочки поставок и традиционной цепочки поставок; представить структуру передовых технологий производства, используемых на современных предприятиях. При написании статьи использованы методы описания, сравнительного анализа, визуализации, индексный метод, графический метод, что дало возможность достичь результативных выводов по материалам проведенного исследования. В выводах обозначено, что технологии бережливого производства могут рассматриваться как действенный инструмент по реализации производственного потенциала отдельных предприятий, а также отраслей и комплексов, способствуя достижению их устойчивого развития, повышению производительности труда и оборудования, оптимальному использованию ресурсной базы и производственных площадей предприятия, укрепляя их конкурентоспособность за счет роста синергетической эффективности. Передовые технологии производства, включая инжиниринг, геоматику, автоматизацию и роботизацию процессов, Big Data способны привести новые способы реализации технологий бережливого производства в современной экономике.

S. S. Kudryavtseva

**TAXONOMY OF LEAN MANUFACTURING TECHNOLOGY:
SCIENTIFIC AND PRACTICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION**

Keywords: lean manufacturing, lean manufacturing technologies, lean manufacturing technology implementation model, advanced manufacturing technologies, lean supply chain.

Currently, enterprises, industries and complexes face an urgent task of using organizational innovations to improve the efficiency of their functioning. One of such ways to improve economic efficiency is the introduction of lean manufacturing technologies, which have demonstrated their effectiveness and efficiency in many industrial enterprises around the world, regardless of their organizational and legal form, size and scope of work. The purpose of the article is to disclose and generalize the principles, models and features of the implementation of lean manufacturing technologies, including through the use of advanced production technologies, in modern enterprises, as well as in the lean supply chain of products. The purpose of the article is revealed in the following scientific tasks: to systematize the definitions of lean manufacturing technologies; to reveal the essence of the model for implementing lean manufacturing technology at enterprises; to provide a comparative description of the lean supply chain and the traditional supply chain; to present the structure of advanced manufacturing technologies used in modern enterprises. When writing the article, the methods of description, comparative analysis, visualization, index method, graphical method were used, which made it possible to achieve effective conclusions based on the materials of the study. The conclusions indicate that lean manufacturing technologies can be considered as an effective tool for realizing the production potential of individual enterprises, as well as industries and complexes, contributing to their sustainable development, increasing labor and equipment

productivity, optimal use of the resource base and production areas of the enterprise, strengthening their competitiveness due to the growth of synergistic efficiency. Advanced manufacturing technologies, including engineering, geomatics, automation and robotization of processes, Big Data are capable of introducing new ways of implementing lean manufacturing technologies in the modern economy.

В настоящее время перед предприятиями, отраслями и комплексами стоит острая задача использования организационных инноваций для повышения эффективности их функционирования. Одним из таких способов повышения экономической эффективности является внедрение технологий бережливого производства, которые показали свою действенность и результативность на многих промышленных предприятиях по всему миру вне зависимости от их организационно-правовой формы, размеров и сферы работы.

Цель статьи состоит в раскрытии и обобщении принципов, моделей и особенностей реализации технологий бережливого производства, в том числе благодаря использованию передовых технологий производства, на современных предприятиях, а также по бережливой цепи поставок продукции.

Цель статьи раскрывается в следующих научных задачах:

- систематизировать определения технологий бережливого производства;
- раскрыть сущность модели внедрения технологии бережливого производства на предприятиях;
- привести сравнительную характеристику бережливой цепочки поставок и традиционной цепочки поставок;
- представить структуру передовых технологий производства, используемых на современных предприятиях.

При написании статьи использованы методы описания, сравнительного анализа, визуализации, индексный метод, графический метод, что дало возможность достичь результативных выводов по материалам проведенного исследования.

Бережливое производство представляет собой определенную систему организации разработки продукции и управление организацией ее производства, системой взаимодействия поставщиков с потребителями, когда продукция производится с небольшими потерями и с соблюдением всех требований потребителей [1, 2].

К основным принципам концепции «бережливое производство» относятся [3, 4]:

- определение ценности продукции;
- определение потока создания ценности;
- организация движения потока;
- вытягивание продукта;

– стремление к совершенству.

Бережливое производство направлено на формирование определенной системы организации производства продукции, основанной на сокращении затрат трудовых, материальных, временных ресурсов наряду с обеспечением точного соответствия производимой продукции требованиям потребителей [3].

В. Вальчук отмечает, что «бережливое производство – это деятельность, направленная на устранение действий, которые не добавляют ценности конечному продукту (услуге) с точки зрения потребителей» [5].

Другие исследователи – А. С. Виханский и А. И. Наумов полагают, что суть технологий бережливого производства сводится к росту эффективности работы экономической системы, повышению производительности труда и оборудования, достижения более высоких показателей качества процессов и продукции, что, в конечном счете, отражается на повышении конкурентоспособности [6].

По мнению Д. Вумека «бережливое производство представляет собой прорывной подход к менеджменту и управлению качеством, который может обеспечить конкурентоспособность компании в долгосрочном периоде без осуществления существенных капиталовложений» [7].

Согласно концепции «бережливого производства», управление предприятием направлено на предотвращение потерь, а также оптимизацию процессов предприятия от этапа разработки продукта и его производства до этапа взаимодействия с поставщиками и клиентами.

К положительным сторонам системы управления, основанной на бережливом производстве, относятся:

- ориентация на результат;
- все возможные потери, которые могут возникнуть в процессе деятельности предприятия, должны быть минимизированы (экономические, материальные, временные и другие);
- направленность на удовлетворение потребностей клиентов с целью поддержания имиджа и постоянного улучшения;
- проведение регулярного мониторинга.

В бережливом производстве выделяются две основные категории: «процесс» и «персонал» [8, 9].

Процесс способствует реализации всех операции для получения желаемых результатов, обеспечивает бесперебойное протекание производственных процессов (изделия, обеспечивающие ресурсы, информацию) и упорядочивает механизмы достижения целей предприятия. Для поддержания качества любого процесса необходима эффективная команда, включающая руководителя предприятия и персонал, а также проведение обучения и повышения их квалификации на всех уровнях управления. Благодаря достижению оптимального баланса между этими двумя категориями, можно создать инновационный подход к управлению бизнесом, направленный на увеличение темпов и эффективности труда работников с целью увеличения прибыльности и рентабельности компании в целом.

Концептуальная суть технологии бережливого производства содержит обозначенные выше принципы ее внедрения, а также организационные условия, которые необходимы для ее применения на уровне предприятий, что отражено на соответствующей схеме (рис. 1).

На представленной схеме внедрения технологии «бережливого производства» отражены основные принципы и цели бережливого производства, его ключевые приоритеты, направленность на партнёрство с поставщиками и взаимодействия с ними, стремление к постоянному совершенствованию, обучению и повышению профессионализма сотрудников, их вовлеченность во все этапы реализации бизнес-процессов, выявление проблем и проведение необходимых корректирующих мероприятий для достижения поставленных целей, а также принятие соответствующих мер по устранению этих недостатков.

Для бережливого производства главной целью является не снижение затрат, например, на закупку дешевых или плохих материалов, что в конечном итоге приведет к ухудшению качества продукта или его конечной стоимости, а наоборот, уменьшение потерь, возникающих на каждом из этапов бизнес-процессов предприятия.

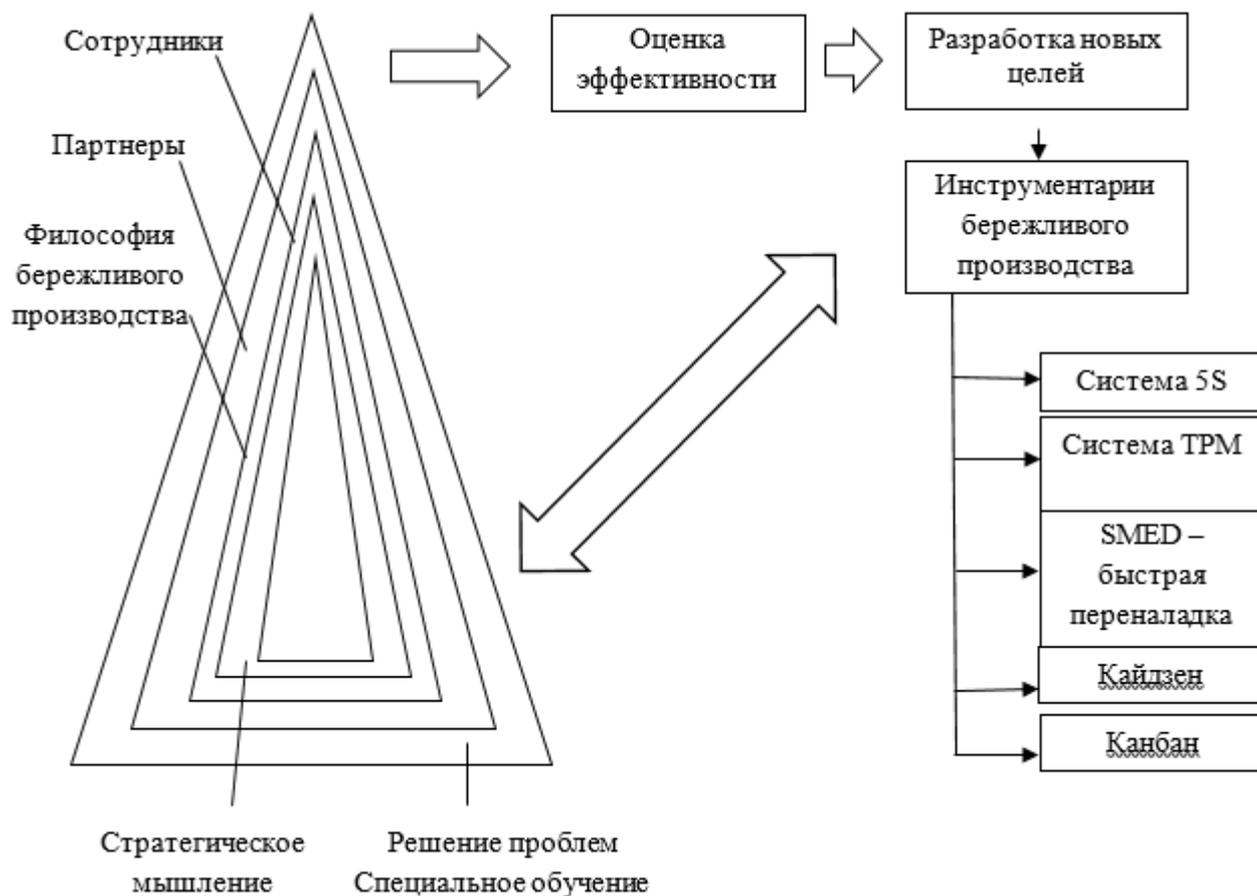

Рис. 1 – Модель внедрения технологии бережливого производства на предприятиях (обобщено автором)

Н. С. Давыдова формулирует основные задачи концепции бережливого производства следующим образом [10]:

- высокие стандарты в области качества процессов определяют уровень качества конечных товаров или услуг;
- достижение оптимальных издержек производства и административных расходов;
- повышение скорости реакции на флуктуации внешней среды;
- рост производственной эффективности благодаря рациональному использованию производственных площадей и эксплуатации производственного оборудования.

Согласно концепции бережливого производства, любые действия, которые не создают ценности для потребителей, рассматриваются как издержки.

Благодаря внедрению бережливого производства на предприятии, происходит полная переориентация и улучшение цепи поставок продукции. В процессе трансформации цепи поставок из традиционной в бережливую они меняются по следующим направлениям: быстрая доставка точно в срок, адаптивные и прочные отношения с партнерами, гибкая и эффективная система прогнозов, эффективное взаимодействие и обмен информации, а также постоянное улучшение.

В формировании цепи связанных процессов, в модели SCM рассматриваются именно поставщики. Данное утверждение следует из необходимости для каждого производителя в цепи, чтобы его поставщики нижнего уровня обеспечивали технологические входы в нужное время, в нужном количестве и в нужном качестве.

Сравнительная характеристика бережливой и традиционной цепи поставок указана в таблице (см. таблицу).

Экономная цепь поставок рассматривается как интегрированное целое для всего потока сырья для потребителя. Поэтому этапами, по которым продукт или услуга перемещается от компаний к поставщику или потребителю, не трансформируются естественно в процедуру сложения стоимости, а формируются в результате активов, экономически организованных и регулируемых многочисленными факторами. К таким факторам относится географическое расположение сырья, удобство конфигурации технологий и квалификация персонала. Кроме того, внедрение бережливого производства направлено на устранение всех выявленных потерь, что в свою очередь указывает на обеспечение емкости и стабильности этой технологии. основополагающим принципом бережливого производства является то, что экономический эффект, связан с плохим исполнением подпроцесса, выходящего за пределы места исполнения, то есть это ущерб как заказчику, так и поставщику.

Одним из инструментов, способствующих внедрению технологий бережливого производства является применение передовых технологий производства, динамика которых в экономике России демонстрирует уверенный рост – их количество возросло с 218,1 тыс. в 2015 г. до 296,1 тыс. в 2024 г. (прирост составил 35,8 %) [11]. В структуре передовых технологий производства, обеспечивающих инструментальную основу реализации концепции бережливого производства, доминировали производство, обработка и сборка – 33,5 %, средства связи и геоматика – 18,3 %, проектные и инженеринговые работы – 14,2 % (рис. 2).

Таблица – Сравнительная характеристика бережливой и традиционной цепи поставок (обобщено автором)

Характеристика	Традиционная цепь поставок	Бережливая цепь поставок
Поставщики	много	несколько
Фокус на связи	конфронтационные	долгосрочные
Основные критерии отбора	цена	производительность
Продолжительность контракта	краткосрочные	долгосрочные
Будущее ценообразование	увеличение	уменьшение
Количество заказов	большие партии	небольшие партии

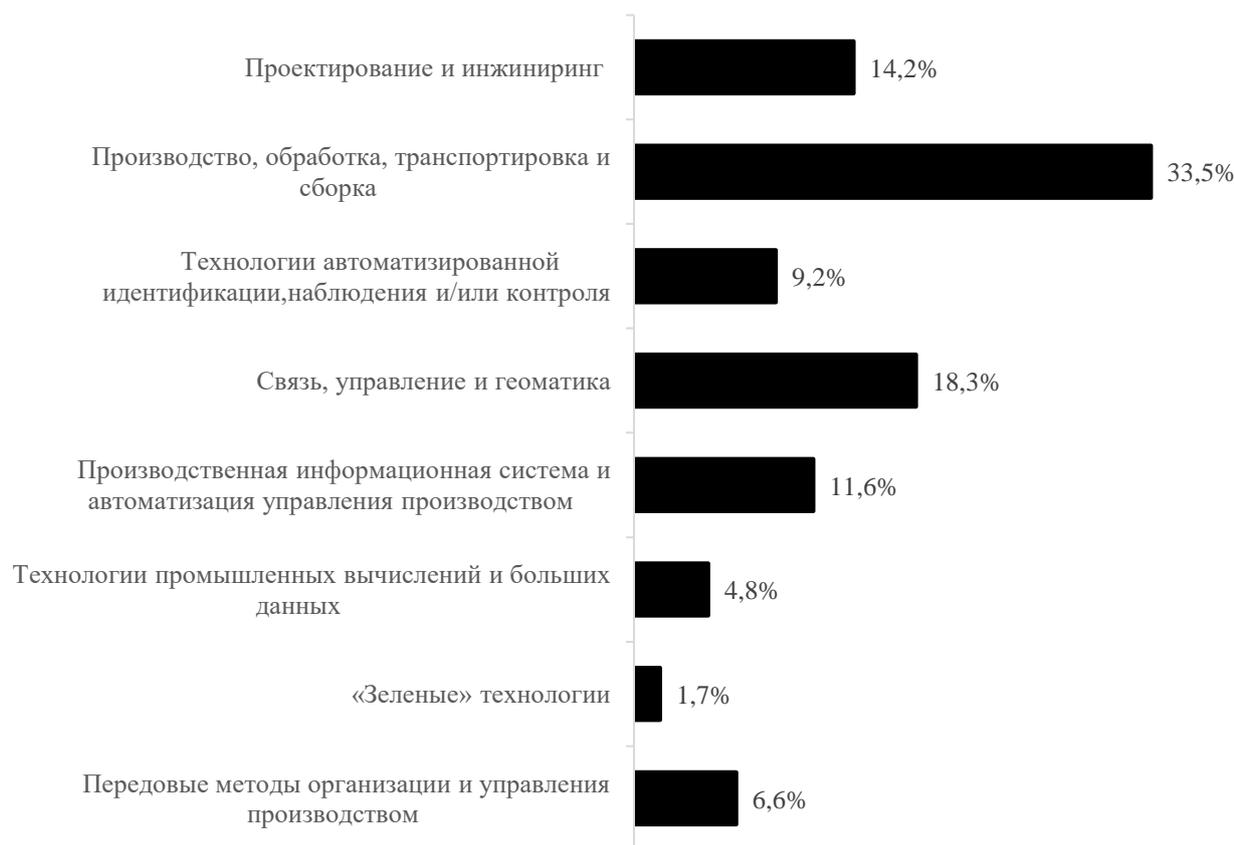

Рис. 2 – Структура применяемых передовых технологий производства на российских предприятиях, в процентах (составлено автором по данным источника [11])

Таким образом, технологии бережливого производства могут рассматриваться как действенный инструмент по реализации производственного потенциала отдельных предприятий, а также отраслей и комплексов, способствуя достижению их устойчивого развития, повышению производительности труда и оборудованию, оптимальному использованию ресурсной

базы и производственных площадей предприятия, укрепляя их конкурентоспособность за счет роста синергетической эффективности. Передовые технологии производства, включая инжиниринг, геоматику, автоматизацию и роботизацию процессов, Big Data способны привести новые способы реализации технологий бережливого производства в современной экономике.

Литература

1. Уткина, Д.О. Ильшева М.А. Практики внедрения бережливого производства в российских компаниях // Весенние дни науки: сборник докладов, Екатеринбург, 21-23 апреля 2022 года. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2022. С. 869-874.
2. Барсегян Н.В. Реализация принципов бережливого производства в условиях цифровой трансформации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2021. № 6 (91). С. 93-102.
3. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Бережливое производство: история и современность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17, № 9 (402). С. 1650-1669.
4. Кудрявцева С.С., Какаджанов В. Систематизация трендов промышленного сектора экономики для достижения его устойчивого развития // Управление устойчивым развитием. 2023. № 6 (49). С. 19-24.
5. Executive.ru. Вальчук В. Потерянная потеря. URL: <https://www.executive.ru/management/practices/1479804-poteryannaya-poterya> (дата обращения: 11.06.2025).
6. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 576 с.
7. Вумек Дж., Джонс Д. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. Москва: Альпина Паблишер, 2013. 472 с.
8. Абдикеев Н.М., Данько Т.П., Ильдеманов С.В., Киселев А.Д. Реинжиниринг бизнес-процессов. Москва: Эксмо, 2022. 592 с.

9. Кудрявцева С.С. Подготовка кадров для регионального промышленного комплекса в условиях цифровой экономики // Казанский педагогический журнал. 2019. № 5 (136). С. 25-30.
10. Давыдова Н.С. Бережливое производство: монография. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления, ГОУВПО «УдГУ», 2012. 138с.
11. Росстат. Наука, инновации и технологии. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 11.06.2025).

Сведения об авторе:

©**Кудрявцева Светлана Сергеевна** – доктор экономических наук, профессор кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sveta516@yandex.ru.

Information about the author:

©**Kudryavtseva Svetlana Sergeevna** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sveta516@yandex.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4

DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_47

Р. Р. Хизбуллина

ЭКСТЕРИОРИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИИ СЕМЕЙНЫХ ТРАДИЦИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Ключевые слова: молодёжь, экстерииоризация, патриотизм, духовно-нравственная ценность, семья, цифровизация.

В представленной статье анализируется роль семейных традиций в экстерииоризации ценности патриотизма в современных условиях масштабирования цифровизации. С опорой на источниковую базу отмечается, что цифровая среда сегодня определяется в качестве одного из условий, опосредующих формирование взглядов и ценностей молодого поколения. В работе на основе данных авторского социологического опроса молодежи в возрасте 14-35 лет (n=1539) Республики Татарстан выявлено, что молодые люди отмечают патриотизм как традиционную ценность, определяя важную роль семьи в патриотическом воспитании, не исключая при этом пользу цифровизации в вопросах масштабирования знаний и мероприятий патриотической направленности. Основываясь на данных, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) о настроениях россиян в части потребительского патриотизма и особенностях общения молодежи 18-35 лет с друзьями, близкими в онлайн- и офлайн-форматах, а также на основе оценки Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики вовлеченности детей до 14 лет сформировано понимание значимости цифровизации в системе коммуникации для молодого поколения и его активного вовлечения в цифровую среду. В целом, большинство (73,2 %) опрошенной молодежи считают, что мероприятия по патриотическому воспитанию, вне зависимости от формата их реализации так или иначе могут способствовать формированию патриотизма как базовой ценности у молодого поколения. Вместе с тем, вопрос об особенностях и условиях экстерииоризации и интерииоризации духовно-нравственных и патриотических ценностей у молодежи в условиях их активной вовлеченности в цифровую среду остается актуальным и представляет дальнейший исследовательский интерес.

R. R. Khizbullina

EXTERIORIZATION OF PATRIOTISM AS A SPIRITUAL AND MORAL VALUE IN THE CONTEXT OF FAMILY TRADITIONS AND DIGITALIZATION OF SOCIETY

The work was carried out at the expense of a grant from the Tatarstan Academy of Sciences provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending a doctoral dissertation, performing research work, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

Keywords: youth, exteriorization, patriotism, spiritual and moral value, family, digitalization.

The presented article analyzes the role of family traditions in exteriorizing the value of patriotism in modern conditions of scaling up digitalization. Based on the source base, it is noted that the digital environment today is defined as one of the conditions that mediate the formation of the views and values of the younger generation. Based on the data of the author's sociological survey of young people aged 14-35 (n = 1539) of the Republic of Tatarstan, it was determined that young people note patriotism as a traditional value, determining the important role of the family in patriotic education, while not excluding the benefits of digitalization in matters of scaling

knowledge and patriotic events. Based on data provided by the Russian Public Opinion Research Center (JSC «VCIOM») on the mood of Russians in terms of consumer patriotism and the peculiarities of communication between young people 18-35 years old and friends close in online and offline formats, as well as on the basis of an assessment by the Institute for Statistical Research and Knowledge Economics of the Higher School of Economics of the involvement of children under 14, an understanding of the importance of digitalization in the communication system and the involvement of the younger generation in the digital environment. In general, the majority (73.2 %) of the surveyed youth believe that patriotic education activities, regardless of the format of their implementation, in one way or another can contribute to the formation of patriotism as a basic value among the younger generation. At the same time, the question of the peculiarities and conditions of exteriorization and interiorization of spiritual, moral and patriotic values among young people in the context of their active involvement in the digital environment remains relevant and is of further research interest.

Введение. Экстериоризация духовно-нравственных ценностей в настоящее время может быть рассмотрена как результирующая влияния агентов социализации конституирующих традиционные базовые ценности на уровне первичных социальных групп (например, семьи), социальных групп, формирующих представление о ценностях в рамках реализации образовательной деятельности и воспитательной работы образовательных организаций (академических групп, внеурочных социально-культурных и др.) и на институциональном уровне. В современных исследованиях (К. Т. Джумаева, З. И. Норова) отмечается, что агенты социализации на уровне семьи и семейного воспитания, социальных групп опосредуют формирование духовно-нравственных ценностей и способствуют воспитанию гражданско-патриотических чувств уважения к Малой Родине, сопричастности к ее судьбе и страны, принимают участие в формировании знания о ее истории, культуре, национальных традициях и пр. [1].

Вместе с тем, по оценкам Е. Н. Юдиной и И. В. Алексеенко социальные сети наряду с семьей и образовательными учреждениями становятся одним из институтов социализации. Исследователи также отмечают, что сегодня большинство молодежи сталкивается с недостоверной информацией в социальных сетях [2], поскольку молодежи сегодня достаточно сложно ориентироваться в безграничном цифровом мире, где некорректная информация может экстериоризировать ошибочные взгляды, оценки, ценности и пр. [3].

В настоящее время цифровые технологии действительно трансформируют процесс социальной коммуникации и интериоризации ценностей – с одной стороны они масштабируют возможности и доступ к информации о проводимых мероприятиях социокультурной, патриотической направленности, с другой стороны выступают депривационным механизмом социальной коммуникации вне цифрового формата. А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова справедливо отмечают, что студенческая молодежь, находясь в стадии поиска мировоззренческих ориентиров,

является особо уязвимой возрастной группой для идеологических атак со стороны интернета [4]. Ученые Республики Татарстан не первое десятилетие разрабатывают проблемы патриотического сознания молодежи в разных аспектах [5,6,7]. Н. Н. Равочкин отмечает, – в то время, как в условиях реальной коммуникации и в процессе воспитания традиционное усвоение духовно-нравственных ценностей ассоциировано с реальными агентами социализации (например, первичными, как родители, родственники), выступающими в качестве социально активного и социально ответственного актора, цифровизация вносит коррективы в данный процесс. Другими словами, в процессе цифровизации может быть модифицирован вектор интериоризационного алгоритма духовно-нравственных ориентиров и нарративов молодежи, в связи с чем может искажаться значимость статусов и ролей, среди которых одно из центральных мест занимает институт семьи [8].

С целью выявления роли семьи в воспитании патриотизма как духовно-нравственной ценности и значения цифровизации в данном процессе было проведено авторское социологическое исследование молодежи Республики Татарстан.

Методы и материалы. В работе представлены результаты авторского социологического опроса молодежи (14-35 лет, n=1539, 2024-2025 гг., метод – анкетирование) в Республике Татарстан; респондентами дана оценка патриотизму как традиционной ценности; отмечена роль семьи в патриотическом воспитании и отражено отношение молодых людей к мероприятиям патриотической направленности. В основании выборки учитывался возраст респондентов от 14-35 лет, как характеризующий категорию «молодежь» [9]. В исследовании возраст являлся детерминантным социально-демографическим признаком обследуемой совокупности, поскольку позволил учитывать особенности когнитивного восприятия и отношения к патриотизму молодежи как социально-демографической группы. Также приведены данные ис-

следования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) о настроениях россиян в части потребительского патриотизма и частоты общения молодежью с друзьями, близкими в онлайн-формате и в обычной жизни, и данные (период 2011-2022 гг). активности молодежи в возрасте до 14 лет представленные Институтом статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики [10].

Результаты и обсуждение. В рамках проведенного авторского исследования определено, что сегодня у 89,1 % молодежи (по сово-

купности положительных ответов респондентов) сохранены традиции патриотического воспитания в семье; 10,9 % опрошенных отметили отсутствие таких традиций (рис. 1):

Согласно полученным данным, большинство опрошенных из числа обучающихся в представленных возрастных группах отмечают, что в их учебном заведении проводятся мероприятия патриотической направленности (79,8 % положительных ответов в возрасте 14-17 лет, 85,2 % – в возрасте 18-21 года, 72,9 % – в возрасте 22-25 лет) (рис.2).

Рис. 1 – Наличие в семьях респондентов традиций патриотического воспитания (%)

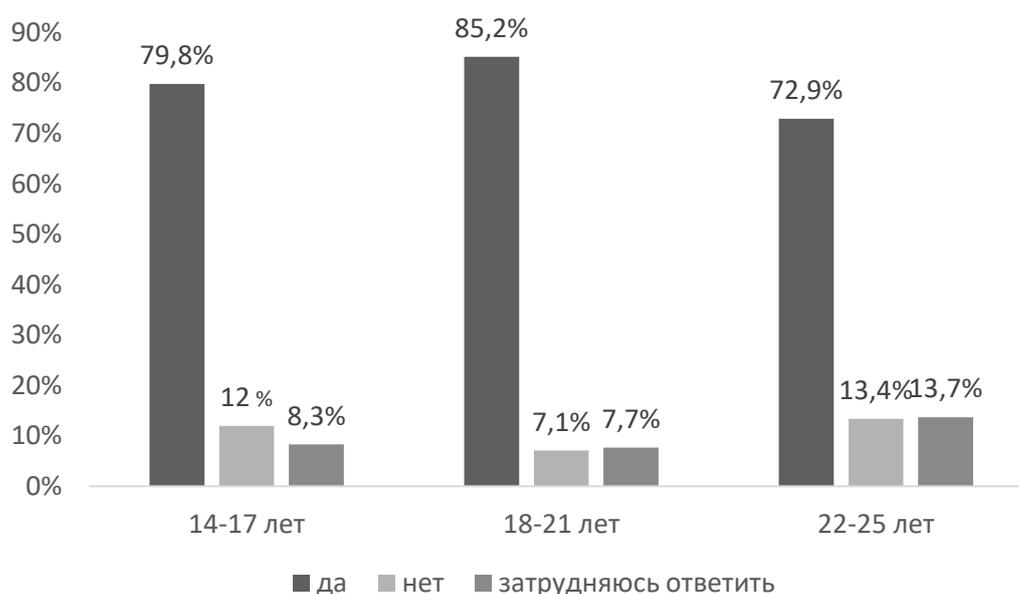

Рис. 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Проводятся ли в вашем учебном заведении мероприятия патриотической направленности», (%)

Отмечено, что 44,7 % респондентов, указывая на наличие в их городе/населенном пункте военно-патриотических и исторических клубов не принимают участие в их тематических мероприятиях, однако получают информацию о проводимых в городе патриотических акциях/событиях в социальных сетях и мессенджерах. Можно предположить, что часть опрошенных имеет признаки конформного патриотизма, который, согласно оценке отечественных исследователей С. М. Цыплаковой, Д. А. Цыплакова выражается в спокойном отношении к своей стране [10]. Данное предположение подкрепляется результатами, полученными в рамках исследования С. А. Алексеева, который в своем исследовании отмечает, что среди молодых людей, хотя и не принимавших участие в патриотических мероприятиях образовательных учреждений, доля тех, кто не относит себя к патриотам невелика [12,13,14]. Согласно результатам авторского опроса 52,9 % опрошенных обозначили, что интересуются историей отечественного искусства, музыки и достижениями своей страны, посещают музеи/театры/выставки (в том числе интерактивные), а также читают классические произведения отечественной литературы как посредством электронных книг, так и вне цифрового формата (традиционные печатные издания), участвуют в различных мероприятиях патриотической направленности, поддерживают создание национальных культурных проектов (23,9 %) и стараются поддерживать отечественных производителей, приобретая отечественные продукты/товары. Поддержка отечественных производителей, как показатель потребительского патриотизма имеет потенциальный исследовательский интерес, поскольку согласно данным ВЦИОМ, 2/3 россиян при одинаковой стоимости предпочтут продукт отечественного производства (учитывается важность конкретной рассматриваемой категории товара) [15].

В целом, результаты исследования демонстрируют, что 73,2 % опрошенной молодежи считают, что мероприятия по патриотическому воспитанию, вне зависимости от формата их реализации, так или иначе могут способствовать формированию патриотизма как базовой ценности у молодого поколения; 18,8 % респондентов дали отрицательный ответ («не будут/скорее не будут» – 7%/11,8 %); 8,1 % затруднились с ответом.

Таким образом, на момент описания эмпирических данных для 81,9 % опрошенной молодежи авторского опроса патриотизм является базовой традиционной ценностью (сумма ответов «да» – 53,6 % и «скорее да» – 28,3 %); 10,1 %

не отмечают патриотизм как базовую ценность (сумма ответов «скорее нет» – 8 %, «нет» – 11,8 %); затруднились с ответом 5,8 % опрошенных.

В основном патриотизм понимается молодежью как:

- любовь и уважение к истории и культуре своей страны, национальным традициям, языку, любовь к родной природе (32,5 %);

- гордость за свою страну, ее достижения и успехи, память о подвигах народа, а также служение Отечеству и ответственность за его судьбу, самоотверженность и защита Родины (32,3 %);

- уважение к государственным символам (гимн, флаг, герб), отождествление себя с гражданином своей страны и привязанность к стране, менталитету, образу жизни, приверженность к традиционным ценностям (18,5 %);

- занятие волонтерской/благотворительной деятельностью, участие в общественных организациях, чья работа направлена на развитие и благо родной страны (13,4 %).

Результаты, приводимые исследователем Д. Д. Тулегеновой на основании эмпирических исследований среди молодежи возрасте от 14 до 30 лет (n=2500 чел., 2022-2023 гг.) в федеральных округах России также демонстрируют высокую значимость патриотизма для современного молодого поколения, однако исследователь отмечает, что представление о патриотизме носит скорее социокультурный и эмоциональный характер [16].

В настоящее время вопрос о роли интернета в процессе экстерииоризации и интериоризации духовно-нравственных и патриотических ценностей у молодежи остается актуальным и представляет дальнейший исследовательский интерес. Так, например, согласно данным, представленным в статистическом сборнике «Цифровая экономика: 2024» [17] в 2022 году наиболее активной группой от 3-х до 14 лет стали молодые люди в возрасте 12-14 лет (рис. 3).

Отметим, что представленный возрастной диапазон является наиболее уязвимым в части экстерииоризации духовно-нравственных ценностей и цифровое влияние не должно превалировать над семейным воспитанием в части формирования духовно-нравственных и патриотических ценностей, что представляет актуальность в рамках дальнейших исследовательских задач.

По оценкам ВЦИОМ (n=518 россиян, 18-35 лет, 2025 г., метод – интернет-опрос) молодежная коммуникация все больше уходит в цифровую плоскость, а онлайн-среда, в том числе,

формирует общие смыслы с окружением, идентичность, картину мира (рис. 4) [17].

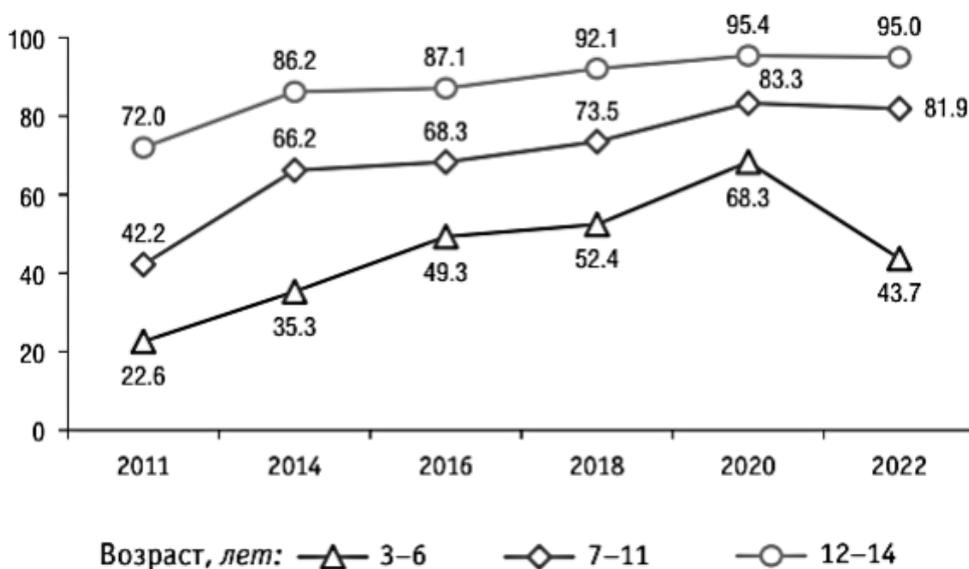

Рис. 3 – Использование интернета детьми по возрастным группам (в процентах от численности детей соответствующей возрастной группы, обучающихся в общеобразовательных организациях) [10]

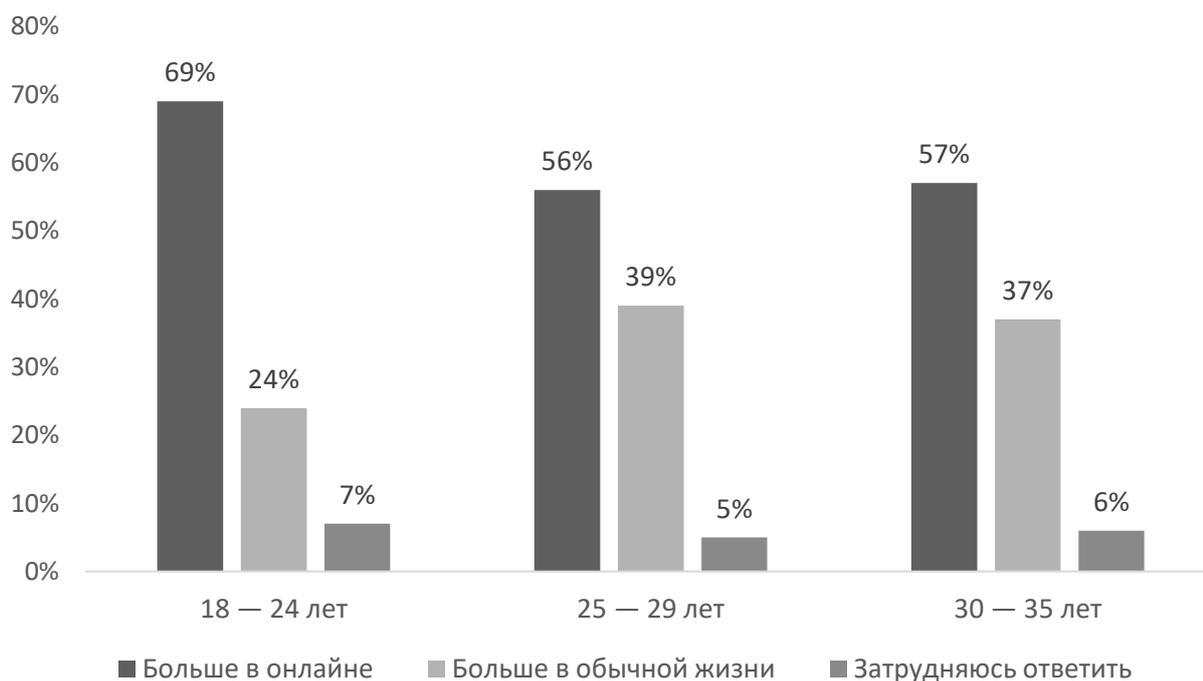

Рис. 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «В целом Вы общаетесь с друзьями, близкими больше в онлайн или в обычной жизни?», (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных) [17]

Отметим, что активная вовлеченность молодежи в цифровую среду является отражением развития информатизации и диджитализации, благодаря которой, в том числе масштабируется знание о патриотических мероприятиях и

событиях, сохраняются и архивируются (оцифровываются) значимые документы, связанные с историей, памятью и традициями страны. Вместе с тем актуализируется вопрос о поиске и расширении возможностей нивелирования инте-

грации в цифровое пространство контента, искажающего понимание духовно-нравственных ценностей, патриотизма и сохранение памяти о событиях истории.

Выводы. В настоящее время фиксируется большое количество проектов и мероприятий с привлечением интерактивных технологий и цифровых возможностей, реализуемых с целью формирования патриотических установок молодежи. В результате анализа полученных исследовательских данных отмечено, что в настоящее время сохраняются традиции патриотического воспитания в семье, фиксируется организация и масштабирование практик реализации мероприятий патриотической направленности на уровне образовательных учреждений.

Определено, что в большей степени оказали влияние на патриотические взгляды опрошенной молодежи родители (28,8 %), школа/вуз/учителя/преподаватели (по совокупности ответов – 44,9 %), средства массовой информации и социальные сети (13 %), друзья/знакомые (7,3 %). Полученные результаты дают возможность предположить, что цифровизация в настоящее время хотя и рассматривается в контексте алармизма, но также может быть использована во благо сохранения и масштабирования информации о мероприятиях патриотической направленности. Цифровые технологии, несмотря на существующие алармистские настроения относительно их влияния на ценности могут быть гибко встроены в систему сохранения традиций, например, посредством цифрового сбережения семейных архивов и доступа к

семейному наследию, выступая одним из инструментов сохранения преемственности традиций и ценностей поколений.

В современных условиях развития общества процесс цифровизации повсеместно проникающий в социальную среду и влияющий на социализацию может характеризоваться дуальностью восприятия в вопросе влияния на процесс экстерниоризации духовно-нравственных и патриотических ценностей молодежи, проявляясь с одной стороны, утилитарностью и возможностью доступа к цифровым архивам, ресурсам, интерактивным форматам, аккумулирующим наследие традиций и ценностей, (мультимедийные приложения, виртуальные экскурсии, подкасты и пр.), а с другой, как процесс, занимающий все больше времени молодого поколения и несущий определенные риски и угрозы для экстерниоризации традиционных ценностей.

В целом, результаты исследования формируют представление о понимании молодежью патриотизма как важной составляющей в комплементарной структуре духовных ценностей, экстерниоризируемых под влиянием агентов социализации: на уровне семьи и семейного воспитания, на уровне образовательных учреждений, в том числе посредством использования цифровых компонент в реализации мероприятий, профильных программ, ориентированных на воспитание духовно-патриотических чувств к истории, культуре и национальным традициям страны. Приведенные результаты могут быть учтены при разработке управления системой патриотического воспитания молодежи.

Литература

1. Джумаева К.Т., Норова З.И. Роль семьи в формировании патриотических качеств у детей // *Endless light in science*. № 1. 2023. С. 96-99.
2. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса // *Теория и практика общественного развития*. № 11. 2023. С. 120-126. DOI: 10.24158/tiprog.2023.11.13.
3. Розенберг Н.В., Рожкова Л.В. Интернет в жизни российской молодежи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. № 3 (67). 2023. С. 5-19. DOI:10.21685/2072-3016-2023-3-1.
4. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Информационно-когнитивная война и патриотическое сознание студенчества: ландшафт средств массовой коммуникации (на примере вузов Республики Татарстан) // *Управление устойчивым развитием*. 2024. № 3 (52). С. 64-73. DOI: 10.55421/2499992X_2024_3_64.
5. Тузиков А.Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 6 (25). С. 63-68.
6. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 1 (20). С. 48-54.
7. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Социокультурные основания множественной идентичности социальных групп молодежи в современных обществах: концептуализация и проблема измерений // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 4. С. 338-341.
8. Равочкин Н.Н. Трансформация ценностей в эпоху цифровизации // *Вестник Калмыцкого университета*. № 1 (57). 2023. С. 116-124. DOI:10.53315/1995-0713-2023-57-1-116-124.

9. КонсультантПлюс. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения 15.07.2025).
10. Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Вишневецкий К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 15.07.2025).
11. Цыплакова С.М., Цыплаков Д.А. Семейные ценности в контексте воспитания патриотизма // Новосибирский временник. № 1 (9). 2024. С. 46-49.
12. Алексеев С.А. Организация патриотического воспитания в общеобразовательных учреждениях: социологический аспект // Управление устойчивым развитием. 2024. № 5 (54). С. 78-83. DOI: 10.55421/2499992X_2024_5_78.
13. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Гаязова Э.Б., Алексеев С.А. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2016. № 6 (07). С. 67-77.
14. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Гаязова Э.Б., Алексеев С.А. Социокультурные особенности молодежного экстремизма Монография / Казань, 2015.
15. ВЦИОМ. «Потребительский патриотизм»: причины и следствия. URL: <https://wciom.ru/expertise/potrebiteleskii-patriotizm-prichiny-i-sledstvija> (дата обращения 15.07.2025)
16. Тулегенова Д.Д. Патриотизм в представлениях российской молодежи: политико-психологический анализ // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 108. С. 148-159. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-108-2025-148-159.
17. ВЦИОМ. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения 15.07.2025).

Сведения об авторе:

©**Хизбуллина Радмила Радиковна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: mine_post@inbox.ru.

Information about the author:

©**Khizbullina Radmila Radikovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, political science and law, Kazan State Power Engineering University, Russian Federation, Kazan, e-mail: mine_post@inbox.ru.

П. А. Корнилов, Р. И. Замалетдинов, К. А. Сапарова

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БОРЬБЫ ЗА СОХРАНЕНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ И УРОВНЯХ: ОТ НАУЧНОГО,
ГУМАНИТАРНОГО И ЭКОАКТИВИСТСКОГО ЗНАНИЯ
ДО СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАНИ**

Ключевые слова: социальный конструкционизм, биоразнообразие в социальных дискурсах и конструктах, образ борьбы за сохранение биоразнообразия, конструирование образа на социокультурных этапах и уровнях, образ войны за биоразнообразие в условиях урбанизации как социальный конструкт, социальные представления о биоразнообразии.

Рассмотрена проблема сохранения биологического разнообразия с позиций социального конструкционизма. Представлен процесс проблематизации научного термина «биоразнообразие» в различных социокультурных дискурсах и контекстах. Показано выдвижение темы биологического разнообразия на передний план социальных проблем как акт институционального и коллективного поведения. Проведен дискурсивный анализ конструирования проблематики сокращения биологических видов как одной из основных экзистенциальных угроз человечества. Прослеживается трансформация социально-экологической повестки в координатах темы биоразнообразия. Приведена характеристика формирования дискурса проблемности биоразнообразия в условиях урбанизации. Изучены диапазоны постановки проблематики «войны городов с животными видами за территорию» как области научных и социальных конструктов. Исследовано конструирование образа борьбы за сохранение биологического разнообразия на разных этапах и уровнях социального конструирования. Проанализированы результаты анкетного исследования социальных представлений по теме биоразнообразия у студентов соответствующих специальностей и случайных посетителей парков и зеленых зон Казани.

P. A. Kornilov, R. I. Zamaletdinov, K. A. Saparova

**CONSTRUCTING AN IMAGE OF THE STRUGGLE FOR THE CONSERVATION
OF BIODIVERSITY IN VARIOUS SOCIO-CULTURAL CONTEXTS AND LEVELS:
FROM SCIENTIFIC, HUMANITARIAN AND ECO-ACTIVIST KNOWLEDGE
TO THE SOCIAL IDEAS OF KAZAN RESIDENTS**

Keywords: social constructionism, biodiversity in social discourses and constructs, the image of the struggle for the conservation of biodiversity, image construction at socio-cultural stages and levels, the image of the war for biodiversity in the context of urbanization as a social construct, social representations about biodiversity.

The problem of conservation of biological diversity is considered from the standpoint of social constructionism. The process of problematization of the scientific term «biodiversity» in various socio-cultural discourses and contexts is presented. It is shown that the topic of biological diversity is brought to the forefront of social problems as an act of institutional and collective behavior. A discursive analysis of the construction of the problems of reducing biological species as one of the main existential threats to humanity is carried out. The transformation of the socio-ecological agenda is traced in the coordinates of the topic of biodiversity. The article describes the formation of a discourse on the problematic nature of biodiversity in the context of urbanization. The ranges of the formulation of the problem of the «war of cities with animal species for territory» as a field of scientific and social constructs have been studied. The article examines the construction of the image of the struggle for the conservation of biological diversity at different stages and levels of social construction. The results of a questionnaire study of social perceptions on the topic of biodiversity among students of relevant specialties and casual visitors to parks and green areas of Kazan are analyzed.

Сокращение биоразнообразия признается одной из основополагающих глобальных проблем на рубеже тысячелетий. Если актуальность и объективная значимость многих аналогичных тем (глобальное потепление, «зеленая энергетика», загрязнение окружающей среды и др.) в настоящее время ставится под сомнение и становится предметом научной и общественной дискуссии, то проблематизация необходимости сохранения биологического разнообразия повсеместно, включая городскую среду, наоборот, характеризуется своей устойчивостью и усилением позиций. Доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Эрнест Викторович Ивантер ещё в 2012 году отмечал: «Сегодня биологическое разнообразие – это «наше все», а ведь каких-то 30–40 лет назад о нем никто и не слышал. Этого слова нельзя было найти ни в толковых словарях, ни в энциклопедиях. Теперь же оно из специального научного термина превратилось в целую науку наук, особое мировоззрение со своей теорией, понятийным аппаратом, методологией, отцами-основателями, признанными авторитетами, апологетами и знаками» [1, с. 61]. Тематическая трансформация, по аналогии с другими экологическими проблемами, развивается от призыва просто «беречь природу» до заявлений об актуальности активной борьбы за сохранение окружающей среды. Одновременно природоохранная активность разветвляется на разные направления: борьбу за нетронутую природу, за свежий воздух, за чистую воду и почву и, соответственно, за биоразнообразие.

С одной стороны, данная проблематика кажется настолько самоочевидной, что и спорить трудно. Действительно, как можно усомниться в такой проблемности: ведь быть против биологического разнообразия – всё равно что отрицать саму жизнь. С другой стороны, задача науки заключается в том, чтобы на пути познания всё подвергать сомнению и исследовательскому вниманию. Если с вопросами сохранения нетронутых уголков природы и их естественного биоразнообразия всё более-менее понятно, то, как быть со средой непосредственного проживания человека, особенно с территорией городских поселений? Ведущий специалист и исследователь данной проблематики Т. С. Шивкова подчеркивает: «Показатели урбанизации заметно увеличиваются с каждым десятилетием. В настоящее время больше половины населения Земли проживает в городах. К 2050 году, как считают ученые, общая численность населения составит 9,2 миллиарда человек, и более 80 % будут проживать в городах. Общая площадь урбанизированной территории Земли сейчас составляет около 5 млн км², а к 2070 году она достигнет

19 млн км². Это значит, что около 13 % территории Земли и более 20 % жизнепригодной территории суши будут заняты городскими структурами» [2, с. 60–61]. Таким образом, проблема актуализируется всё больше самим развитием современного глобального мира.

В экологическом научном дискурсе по вопросам биологического разнообразия отчетливо прослеживается тенденция к обострению и поляризации подходов. С одной стороны, провозглашается почти смертельная угроза человечеству и необходимость борьбы с незримым врагом биоразнообразия. Порой даже, пусть и опосредованно, возникает некий образ призрачной войны: «Развивающиеся города «захватывают» природную территорию видов, которые или приспособляются к новым условиям, или вымирают, проигрывая «войну» за территорию. Задача сохранения биоразнообразия в городах – это задача сохранения природных сообществ, которые формируют среду обитания и делают ее благоприятной для человека: регенерируют воздух и воду, смягчают микроклимат, обеспечивают психологический комфорт» [2, с. 61]. С другой стороны, исследователи утверждают, что «все это не более чем массовое гипнотическое заблуждение, подобно эпидемии охватившее как людей, безоговорочно верящих в магию слова «биоразнообразия», так и тех, кто, казалось бы, вполне способен достаточно трезво оценивать суть этого явления». При таком подходе речь скорее идет не о трактовке данной проблемы как объективной реальности, а о формировании некой субъективной и иллюзорной.

В целом работу Э. В. Ивантера с характерным названием «Биоразнообразие – история одного заблуждения» [1] в полной мере можно охарактеризовать как серьезное исследование с позиций и в духе социального конструкционизма. В ней представлены вполне четкие характеристики процесса конструирования и обрисованы его контуры, этапы и публичные арены. Э. В. Ивантер отмечает, что «до начала 1990-х годов вопрос о биологическом разнообразии оставался мало кому интересным и никого не беспокоил. Но все изменилось буквально за один день, а именно 5 июня 1992 года, когда собравшиеся в Рио-де-Жанейро министры иностранных дел ряда стран приняли некую «Конвенцию о биологическом разнообразии», тут же объявленную ее авторами историческим манифестом цивилизованного человечества, обязательным для выполнения всеми государствами планеты. Не прошло и недели, как его подписало уже 145 государств» [1, с. 62]. Иными словами, был запущен конструкционистский процесс, который в результате коллективного поведения

многих акторов привёл к созданию некоего социального конструкта известного как «проблема сохранения биоразнообразия». Исследователь подчеркивает: «Именно с этого момента и началась настоящая вакханалия с использованием слов «биологическое разнообразие», навсегда скомпрометировавшая как само истинное значение этого явления, так и его научное содержание» [1, с. 62]. Снова возникает представление об образе и его конструировании. Таким образом, мы скорее имеем дело с некой ненаучной, иллюзорной деятельностью, которая, тем не менее, протекает в том числе и в рамках самой науки.

Сложность понимания и развития данной проблематики заключается в том, что в её определении давно участвуют не только ученые со своими исследованиями, но и многочисленные эоактивисты, политики, общественные деятели, блогеры, журналисты и вообще все, кто только пожелает. Да и в самой науке тема оказалась в прицеле множества дисциплин, направлений и парадигм. От естественных наук проблемой занимаются биология, экология, урбоэкология (или городская экология), география, урбанистика и др. Интересно, что со стороны общественных наук внимания уделяется не меньше, если не больше. Целый ряд научных отраслей, дисциплин и направлений так или иначе касаются данной тематики. В числе основных можно назвать: экономику и социологию, а также такие отрасли социологической науки, как социологический инвайронментализм (или инвайронментальная социология), социозэкология (или социальная экология), городская социология (или социология города) и пр. С другой стороны, всё громче звучат голоса тех, кто выступает против такого размывания предмета и пытается всё привести к единому знаменателю. Тот же Э. В. Ивантер давно указывает: «На самом же деле, вопреки бытующим сегодня представлениям, биоразнообразие – не какая-то специальная наука, тем более не особая область знаний, а всего лишь одно из важнейших экологических свойств любой живой системы (и биоценоза в том числе), и как таковое должно рассматриваться не само по себе и не отдельно от других свойств живого сообщества, а в рамках давно сложившейся научной дисциплины, получившей название биоценология (известная также как синэкология, или экология сообществ)» [1, с. 61].

Соответственно, проблематизация темы биоразнообразия полностью укладывается в теоретические рамки концепции «социальных проблем как коллективного поведения» одного из основоположников символического интеракционизма Герберта Блумера [3]. В координатах

данного подхода такие проблемные ситуации «не имеют независимого существования в качестве совокупности объективных социальных условий, а являются, прежде всего, результатами процесса коллективного определения» [4, с. 11]. Концепция Г. Блумера получила дальнейшее развитие в рамках конструкционистского направления в социологической науке. С нашей точки зрения, именно социальный конструкционизм представляется наиболее подходящим теоретико-методологическим инструментом, позволяющим наиболее полно исследовать хитросплетения научного изучения проблемы биоразнообразия и лабиринты её отражений в общественном мнении и социально-активистской деятельности.

С одной стороны, вопрос о сохранении биоразнообразия можно с полным правом отнести к числу основных современных инвайронментальных проблем. С другой стороны, данная проблематика почему-то не оказалась в центре сколько-нибудь серьезного внимания в рамках инвайронментализма. Возникновение в 60-70-х годах XX века инвайронментальной социологии также не привело к тому, что проблема биологического разнообразия стала предметом целенаправленного изучения. Объяснение этому, на наш взгляд, простое: инвайронментализм сконцентрировался на поиске первопричин экологического кризиса, исследовании фундаментальных проблем и выработке стратегических решений. Снижение биоразнообразия, по умолчанию, признавалось важным, но всё же вторичным явлением как следствие общих кризисных явлений в отношениях человека, общества и природы. Получение ответа на базовые вопросы автоматически должно было определить путь к восстановлению необходимого биологического разнообразия.

Теория социально-экологического подхода инвайронментальной социологии быстро переросла в практику социально-экологической деятельности, в которой тема биоразнообразия оказалась очень востребованной. Объяснить эоактивистам и широкой общественности значимость фундаментальных инвайронментальных проблем достаточно сложно, а угрозу сокращения биологического разнообразия понимают все, пусть и каждый по-своему. Данная тема стала мощным локомотивом для популяризации и продвижения экологической повестки. Таким образом, проблема биоразнообразия стала одной из основных в общественном дискурсе борьбы за охрану природы.

Рост внимания к экологическим проблемам и активизму в обществе, в свою очередь, способствовал популярности инвайронменталь-

ных проблем в исследовательской практике социологов. В результате выделилось несколько теоретико-методологических подходов, которые успешно применялись в рамках социологических исследований. Отечественные специалисты по инвайронментальным проблемам в социологии указывают, что «наиболее известными являются теория «жерновов производства», теория экологической модернизации, сетевой подход, мир-системный подход, социально-конструктивистский подход, акторно-сетевая теория и др.» [5, с. 202]. Всё это, как можно обнаружить, представляется как единый процесс социального конструирования, проходящий поэтапно, переходящий на разные уровни и протекающий в разных направлениях. Затронутыми оказались самые различные общественные сферы: от высших и элитарных, где принимаются концепции и решения – научных и политических, до массовых – СМИ, блогеров, социальных групп и экоактивистов.

Институциональное конструирование образа борьбы за биоразнообразие в рамках социального конструктивизма стоит рассматривать в координатах теории «дискурса выдвижения утверждений-требований» Питера Ибарра и Джона Китсьюза [6], а также «концепции публичных арен» Стивена Хилгартнера и Чарльза Л. Боска [7]. Социально-конструкционистский процесс проблематизации темы сохранения биологического разнообразия интересен для научного изучения тем, что в нем можно выделить четко определенные этапы. Точно можно зафиксировать ключевые точки, когда этап выдвижения утверждений-требований завершается окончательным признанием комплекса вопросов и условий, поднимаемых под эгидой биоразнообразия, связанных общими рамками социальной проблемы, требующей решения.

Символическим актом завершения данного процесса конструирования стало учреждение Международного дня биологического разнообразия, который первоначально предлагалось отмечать ежегодно 29 декабря, то есть тогда, когда вступила в силу принятая ООН Конвенция о биологическом разнообразии. Однако в 2000 году было принято решение о переносе данной даты на 22 мая. Вызвано это было тем, что хорошо описано в концепции С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска, а именно ситуацией конкуренции на публичных аренах. В конце декабря во многих странах и так отмечается много праздников и памятных дат, новая в них просто не вписывалась. С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск указывают, что «каждая арена имеет определенную «пропускную способность», ограничивающую число проблем, которые она может поддерживать одновременно» [8, с. 153]. Иными словами, новая дата

не выдержала конкуренцию и не вписалась в то, что конструкционизмом относится к «формированию повестки» (agenda setting).

Стоит отметить, что сама дата трактуется в рамках экоактивизма и близкой научной деятельности именно как определенный день победы, итог многолетних усилий и борьбы. Подобные особенности конструирования данного образа можно четко зафиксировать посредством дискурсивного и контент-анализа соответствующих текстов по теме биоразнообразия. Н. Л. Болотова, доктор биологических наук, профессор Вологодского государственного университета, заведующий кафедрой биологии и экологии в своем рассказе об истории праздника 22 мая отмечает: «Следует выделить основные вехи на пути к этой дате и многолетние усилия мирового сообщества. Первым шагом было подписание в 1902 г. в Париже рядом стран Международной конвенции по охране птиц. Начало изучения и сохранения биоразнообразия положено в 1948 г., когда был создан Международный Союз по охране природы и её ресурсов (МСОП, IUCN)» [9]. Собственно, в многочисленных глобальных и локальных документах, посвященных проблемам биологического разнообразия, тема борьбы заявляется прямым текстом. др.» [10].

Сторонами Конвенции в Нагое в 2010 г. был принят десятилетний Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия и первой же стратегической целью в нём было заявлено: «Ведение борьбы с основными причинами утраты биоразнообразия путем включения его тематики в деятельность правительств и общества» [9]. Соответственно, этап до первого празднования Международного дня биологического разнообразия 22 мая 2001 года является процессом выдвижения утверждений-требования и может быть охарактеризован как период проблематизации. В дальнейшем социальная проблема биоразнообразия активно конструируется как образ борьбы, с постоянным расширением тематики, в том числе через кооперацию с иной проблематикой, имеющей ярко выраженный общественный характер. Интересно, что одним из центральных проблемных полей такого социального взаимодействия стала борьба с нищетой. На это указывают неоднократно заявленные темы ежегодного праздника 22 мая: Биоразнообразие и борьба с нищетой – вызовы для устойчивого развития (2003 г.), Биоразнообразие, развитие и борьба с нищетой (2010 г.). Периодическое повторение проблематики может указывать на возникновение тематических волн в процессе конструирования.

Конструкционистский процесс протекает не только на публичных глобальных аренах,

в мировой научной сфере, на уровне социальных институтов и масштабного экоактивизма, но и на микроуровне сообществ обычных горожан и студенческой среды, профессионально изучающих проблему сохранения биологического разнообразия. Э. В. Ивантер констатирует: «Трудно найти сегодня более употребляемое научное понятие, чем «биоразнообразие». И к месту, и не к месту его используют все – от старших школьников до пенсионеров, но лишь немногие вкладывают в него хоть какой-то смысл, для остальных это не более, чем модный наукообразный термин, своеобразный антураж, формально свидетельствующий о некоем приобщении к корпорации современных передовых ученых» [1, с.61]. Всё это в очередной раз показывает масштаб, уровни и интенсивность социального конструирования образа борьбы за сохранение биологического разнообразия, которая давно уже перешагнула узкие рамки научного естествознания. Охватить и изучить данный нарастающий процесс во всей его полноте и многообразии сверху и донизу становится всё более значимой задачей с позиции современного конструктивизма в рамках социологической науки.

В целях изучения особенностей конструкционистского процесса на низовом уровне и того, как конструирование образа борьбы за биоразнообразие отражается в представлениях обитателей современных мегаполисов, был проведен анкетный опрос среди жителей города Казани. Анкетирование целенаправленно проводилось по одним и тем же вопросам, но в два этапа с разным контингентом опрошиваемых и с фактически противоположными условиями исследования. В первом случае опрос проводился с утра и до вечера 13-14 июля 2024 г. на территории парка им. Урицкого и в Горкинско-Ометьевском лесу. Специально были выбраны выходные (суббота и воскресенье), погожие летние дни, когда в парках бывает особенно много посетителей. Выбор респондентов был случайным, опрашивался каждый десятый посетитель парка. Опрашивающий на месте сам задавал респондентам вопросы и делал пометки в анкетах. Сигналом для прекращения опроса было исчезновение посетителей зеленых зон с наступлением темного времени суток. В результате удалось опросить 80 человек, большинство из которых составили женщины – 60, примерно столько же (65 респондентов) указало своим местом рождения город, остальные 15 отметили деревню или поселок. Аналогичное большинство выборки, а именно 67 человек, составили работающие и лишь небольшое число – учащиеся (6), пенсионеры (3) и другие категории граждан (4). Более сбалансированным получился возрастной диапазон опрошенных, в качестве основных можно

отметить следующие три группы: 16-29 лет – 20 респондентов, 30-39 лет – 35 и 40-49 лет – 12.

На втором этапе опрос проводился среди лиц, получающих образование по направлению 20.03.02 «Природообустройство и водопользование». Выборку данного исследования составили студенты 3 и 4 курсов Казанского (Приволжского) федерального университета. В рамках профессиональных компетенций данного направления подготовки, определённых учебным планом, предусмотрено рассмотрение вопросов, связанных с биологическим разнообразием территории. Студенты опрошиваемых групп уже прошли специализированную дисциплину «Биологическое разнообразие». Опрос проводился отдельно от учебных занятий 19 и 20 ноября 2024 г. Респонденты отвечали на вопросы в комфортной обстановке без ограничений по времени, с полным соблюдением анонимности, сами заполняли анкетные листы, сидя по одному за партой. В результате добровольного участия студентов в исследовании удалось опросить 20 человек, из которых 15 девушек и 5 парней, все в возрасте от 16 до 29 лет. Абсолютное большинство – урожденные горожане, причем не только жители Казани (17 человек), и только четверо указало, что работают.

В связи с этим интересно рассмотреть, насколько сильно различаются социальные конструкты образа биоразнообразия в представлениях условных экспертов в данной теме, к каковым можно отнести студентов, и обычных горожан, которые так или иначе посещают парки и зеленые зоны Казани. Стоит сразу отметить, что различия фактически небольшие, а те, что есть, легко объяснить объективными причинами, неравномерностью выборки и пр. Основные ответы на почти все вопросы анкеты у студентов и горожан практически совпадают. На банальные вопросы, например, «Как часто вы посещаете парки?» – в процентном соотношении от студентов получаем: «довольно часто (1-2 раз в неделю и чаще)» – 45 %, «не очень часто (1-2 раза в месяц)» – 40 % и «несколько раз в год» – 10 %. У обычных горожан основные ответы те же и выглядят следующим образом: 45 %, 22 % и 11 %. В качестве целей посещения парков были отмечены следующие: у студентов ответ «наслаждаюсь природой, гуляю» набрал 90 %, а у обычных горожан 63,75 %. Однако если к ним добавить второй по популярности ответ у городских посетителей парков, а именно «гуляю с ребенком» – 18,75 %, то получим близко к тем же 90 %. Понятно, что среди обычных горожан и выборка больше, и среди гуляющих в зеленых зонах много родителей с детьми, которые видят в этом главную цель своего визита. Среди современных

студентов по демографической статистике рождаемость крайне низкая и нет ничего удивительного, что данный вариант ответа поддержки не получил. Остальные ответы у обеих групп показали близкие проценты.

По ключевым вопросам можно увидеть схожую картину, с определенными поправками. На прямые вопросы: «Известно ли Вам понятие «биологическое разнообразие»? Понимаете ли Вы его смысл?» – абсолютное большинство студентов, что вполне логично, ответило утвердительно и только один отметил ответ «нет». Последнее свидетельствует о репрезентативности и степени доверия к обеспечению анонимности опроса, ведь фактически ответивший признался в отсутствии положенных знаний. Гораздо интересней, что среди посетителей городских парков и зеленых зон Казани на эти же вопросы тот же утвердительный ответ также дало большинство респондентов, что составило 42,5 %. Да, это, конечно, не 95 % как у студентов, но ведь они не изучали дисциплину «Биологическое разнообразие» и тем не менее уверены, что им известно и они всё понимают. Только 31,25 % ответили, что «нет» и 7,5 % затруднились с ответом. Секрет данного парадокса, вероятнее всего, раскрывается в третьей группе ответивших, которые указали вариант «что-то слышал(а) / читал(а)». И это ещё 18,75 % в дополнение к уже знающим.

Таким образом, можно констатировать, что тема биологического разнообразия уверенно перешагнула границы экспертного знания, доступного только для небольшого числа профессионалов и узких специалистов. Большинство людей вовлечено в процесс социального конструирования образа биоразнообразия. Они не получали специализированного образования и не работали в данной профессиональной области, но считают, что имеют по проблеме достаточно знаний, чтобы составить своё компетентное мнение. Соответственно, источником информации для большинства обычных людей выступают различные публичные арены, где и конструируется образ борьбы за биоразнообразие. К ним можно отнести различные традиционные СМИ (телевидение, радио), экоактивистские мероприятия, блогеров, паблики в интернете, группы в соцсетях, социальную рекламу и т.п.

Дальнейшие ответы показывают преломление специализированных знаний о биоразнообразии во мнениях студентов, призванных стать экспертами, и представлениях обычных горожан, до которых та же информация доходит в различных популяризованных и упрощенных версиях. На специализированный вопрос «Что, на Ваш взгляд, входит в понятие «биологическое разнообразие?» абсолютное большинство студентов (85 %) дает профессионально грамотный

ответ в полном соответствии с научной дефиницией биологии, а именно «разнообразие всех биологических видов, в том числе опасных для человека и/или ведущих паразитический образ жизни (комары, клещи, паразитические черви, борщевик Сосновского и т.д.)». Однако большинство обычных горожан также сориентировалось с этим ответом – 61,25 %, другая значительная группа ответила: «разнообразие растений и животных, созданное человеком в парках, садах, скверах» и это 30 %. Среди студентов таких тоже оказалось немало – 15 %. Тех же, кто затруднился с ответом, оказалось совсем мало – 6,5 %, и только из числа обычных горожан.

Наибольшие затруднения у посетителей парков и зеленых зон города Казани вызвал последний вопрос опроса под номером 15: «Готовы ли Вы отказаться от идеи благоустройства парковых пространств ради сохранения биологического разнообразия и устойчивого развития?». В данном случае пункт «затрудняюсь ответить» выбрало 46,25 % респондентов, что больше, чем у остальных вариантов ответа. Это единственный вопрос, где большинство призналось в затруднениях и, скорее всего, они объясняются соображениями морального характера, а не признанием в недостатке знаний по предмету. Формулировка носит несколько провокационный характер и ставит опрашиваемого перед дилеммой, готов ли он пожертвовать во многом личным комфортом ради биоразнообразия. Часть респондентов ответило: «да, готов, даже если это снизит комфорт при посещении парков» – 30 %, и чуть меньше выбрало противоположный ответ: «важнее комфорт и красота при посещении парков для меня и других людей, не готов» – 23,75 %. Стоит отметить, что у студентов данный вопрос вызвал схожие реакции, в том числе также стал единственным, который вызвал наибольшие затруднения – 40 %, по двум другим вариантам распределение ответов в процентном соотношении существенно не отличалось от выборки обычных горожан, составив соответственно 40 % и 20 %.

Могут возникнуть сомнения в том, насколько вдумчиво обычные горожане отвечали на вопросы и играет ли в их ответах какое-то значение параметр знания в том или ином виде. Легко предположить, что в условиях прогулки по парку респондент не захочет напрягаться и вникать в суть вопроса, от чего, соответственно, не задумываясь выбирает попавшиеся случайные ответы. Однако это не так: с одной стороны, участие в опросе носило исключительно добровольный характер и не было утомительным, включало всего 15 вопросов. С другой стороны, в распределении многих ответов становится очевидно: респонденты отвечали не

наобум, а отталкивались именно от того, что можно определить как их знание о предмете. Иными словами, они опирались на то, что определяли как свое знание о биоразнообразии, которое, соответственно, является продуктом социального конструирования, а не результатом профессионального изучения.

В этом плане контрольным можно признать 12-й вопрос «По Вашему мнению, благоустройство парков и скверов происходит в соответствии с принципом экологического благоустройства?» у студентов он не вызвал никаких затруднений, а вот у обычных горожан 21,25 % выбрало вариант «затрудняюсь ответить». Для выборки посетителей парков и зеленых зон Казани это второй исключительный случай подобного затруднения, потому что во всех остальных вопросах данный пункт только один раз превысил 10 %, а часто вообще не получал поддержки. Очевидно, что респондентов смутила профессиональная формулировка вопроса, предполагающая знание о принципе экологического благоустройства. Можно заметить, что опрашиваемые чутко реагируют на постановку специализированных вопросов открытым заявлением о своих затруднениях. Почему же этого не происходит по многим другим вопросам о биоразнообразии? Соответственно потому, что в одном случае они считают себя обладающими знаниями и способными дать ответы, а вот в другом – нет.

Исследование показывает, что обычные жители Казани не менее, чем студенты соответ-

ствующих специальностей, экоактивисты и другие акторы, вовлечены в процессы социального конструирования образов борьбы за сохранение биоразнообразия. С одной стороны, они являются продуктом данного конструкционистского процесса и носителями конструктов знаний, а, с другой, сами выступают активными конструкторами новых представлений об этом в обществе. Да, можно отметить, что многие вопросы носят специализированный характер и для обычных горожан сформулированы некорректно. Однако логично было бы ожидать, что на них соответственно будут даны ответы в духе «не знаю» и «затрудняюсь ответить», но этого не произошло. У респондентов не наблюдается признания в некомпетентности по данным темам биоразнообразия, наоборот есть претензии на экспертность своего мнения. Точно так же можно было ожидать, что будут серьезные расхождения в ответах между условно экспертной группой студентов, обладающих специализированными знаниями, и обычными посетителями городских парков и зеленых зон Казани, но и этого не обнаружено. Всё это указывает на взаимовлияние конструкционистского процесса, когда, с одной стороны, профессиональная информация о биоразнообразии, пусть в популярном и адаптированном варианте, поступает в общество и трансформирует его, а, с другой стороны, социальная активность борьбы за экологию в этой области начинает влиять на сферу образования, учебники, преподавателей и студентов.

Литература

1. Ивантер Э.В. Биоразнообразие – история одного заблуждения // Принципы экологии. 2012. Т. 1. № 4. С. 61-64.
2. Вшивкова Т.С. Сохранение биоразнообразия на урбанизированных территориях: международный опыт и региональный аспект // Сохранение биоразнообразия в Азиатско-Тихоокеанском регионе: 50-лет Программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера (МАБ)»: тезисы докладов пленарного заседания. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. С. 60-68.
3. Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 298-306.
4. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 11-25.
5. Мартыненко Т.С. Инвайронментальное неравенство: современные подходы к концептуализации понятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 200-214.
6. Ибарра П., Китсьюз Д. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 55-114.
7. Hilgartner S., Bosk Ch. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 94, No 1. P. 53-78.
8. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 145-184.

9. Санкт-Петербургский научный центр РАН (СПбНЦ РАН). Болотова Н.Л. Биологическое разнообразие и проблемы его сохранения. URL: https://old.spbrc.ru/ru/councils/ecology/school_science/bio_diversity (дата обращения: 04.06.2025).

10. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Устойчивое развитие как идеологический императив современного мира // Управление устойчивым развитием. 2020. № 4 (29). с. 62-68.

Сведения об авторах:

©**Корнилов Петр Анатольевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: pankorn@rambler.ru.

©**Замалетдинов Ренат Ирекович** – кандидат биологических наук, доцент кафедры природообустройства и водопользования Казанского федерального университета, Российская Федерация, Казань, e-mail: i.ricinus@rambler.ru.

©**Сапарова Ксения Андреевна** – магистрант кафедры природообустройства и водопользования Казанского федерального университета, Российская Федерация, Казань, e-mail: lks-a@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Kornilov Petr Anatolyevich** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: pankorn@rambler.ru.

©**Zamaletdinov Renat Irekovich** – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Resources and Water Management, Kazan Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: i.ricinus@rambler.ru.

©**Saparova Ksenia Andreevna** – Master's student at the Department of Environmental Management and Water Management, Kazan Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: lks-a@yandex.ru.

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков

**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ДИНАМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда
№ 25-28-00556, <https://rscf.ru/project/25-28-00556/>**

Ключевые слова. Российская цивилизация, идентификация, коллективная и социальная идентичность, цивилизационное измерение, гражданская идентичность, социологическое исследование.

Исследование идентификации студенческой молодежи выступает инструментом понимания конфигурации цивилизационных ценностей. Сегодняшняя медийная «повестка дня», политический и академический дискурсы отражают актуальность цивилизационных параметров идентификаций. В структуре социальной идентичности значительную роль играют конструкты «Мы» и «Они», определяющие мировоззренческие и поведенческие паттерны. В настоящее время активно продвигается идея российской цивилизационной самости как государства – цивилизации. Статья построена на результатах авторских исследований, подтверждающих этот мировоззренческий тренд. Авторы статьи исходят из теоретического посыла, что идентичность не является одномерным феноменом, а включает в себя локальное, общегражданское, этническое, цивилизационное, профессиональное, сетевое измерения. Речь идет о представлениях устойчивых версий осознания себя частью страны, народа, государства, региона. Эмпирические результаты также соответствуют теоретическому послы. Так европейцами в большой степени себя считают не более 24,2 % опрошенных студентов, а 24,3 % ощущают себя таковыми в небольшой степени. Еще менее выражена азиатская ориентация. Жителями Азии в большой степени себя ощущают 12,7 % респондентов, а в небольшой степени – 17,5 %. Данные результаты дают основание полагать, что в принципе имеется база для формирования российской цивилизационной идентичности, не сводимой ни к европейской, ни к азиатской.

R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov

**«US » AND «THEM» IN THE DYNAMICS
OF RUSSIAN IDENTITY OF UNIVERSITY STUDENTS: ON THE MATERIALS
OF THE TATARSTAN REPUBLIC**

**The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation
No. 25-28-00556, <https://rscf.ru/project/25-28-00556/>**

Keywords. Russian civilization, identification, collective and social identity, civilizational dimension, civic identity, sociological research.

The study of student youth identification serves as a tool for understanding the configuration of civilizational values. Today's media «agenda», political, and academic discourses reflect the relevance of civilizational parameters of identification. In the structure of social identity, the constructs «Us» and «Them» play a significant role, defining worldview and behavioral patterns. The idea of Russia's civilizational identity as a state-civilization is actively promoted nowadays. The article is based on the results of the author's research, which confirm this worldview trend. The authors of the article proceed from the theoretical premise that identity is not a one-dimensional phenomenon, but includes local, civic, ethnic, civilizational, professional, and network dimensions. This refers to the perception of stable versions of self-awareness as part of a country, people, state, or region. The empirical results also align with the theoretical premise. According to the survey, only 24.2 % of students consider themselves to be European to a large extent, while 24.3 % consider themselves to be European to a small extent. The Asian orientation is even less pronounced. 12.7 % of respondents feel that they are mostly Asian, and 17.5 % feel that they are mostly European. These results suggest that there is a potential for a Russian civilizational identity that is neither European nor Asian.

Социально-политические и, по факту, все другие интеграционные процессы в обществе неотделимы от осознания людьми своей принадлежности и сопричастности к социальным обществам. Смысловая обусловленность деятельности в контекстах «во имя и во благо страны, организации и т.п.», мобилизация на коллективные действия и занятие «не отшельнической» позиции предполагает идейно-ценностную интеграцию с неким коллективным субъектом и даже свою отстраненность от другого коллективного субъекта («МЫ» и «ОНИ»; «СВОЙ» и «ЧУЖИЕ»).

Идеи идентичности в социологической и социально-психологической науке данные процессы концептуализируются через понятия «ингруппа» (свой) и «аутгруппа» (чужие). Классическими в этом плане считаются труды Уильяма Грэм Самнера. В своей книге «Народные обычаи» (1906) он впервые ввёл в научный оборот термины «ингруппа» (in-group) и «аутгруппа» (out-group) [1]. В 1970-е-1980-е годы в трудах Анри Тэшфела и Джон Тёрнера формулируется понятие коллективной/социальной идентичности как подоплёки взаимодействия различных социальных общностей в социуме [2].

Исследование идентичности и множества ее разновидностей, выявляемых авторами, является междисциплинарным и представлено в академических трудах представителей научных направлений. Наиболее значимыми являются работы Л. М. Дробижевой, в которых показано, что «российская идентичность формировалась не только государством, но и усилиями самого общества» [3]. В статье В. В. Руденко применяется аксиологический подход, «имеющий существенное значение для оценки и анализа системы ценностей общероссийской идентичности, содержания этих ценностей, а также для рассмотрения общероссийской идентичности как конституционно-правовой ценности; анализируется концепция общероссийской гражданской идентичности и ее соотношение с культурной и этнической идентичностью, система ценностей, формирующих гражданскую идентичность» [4]. В энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля» под редакцией И. С. Семененко представлены результаты исследования ученых ведущих академических и университетских центров России о многообразии научных дискурсов изучения идентичности в социальных науках. Сегодня конструирования идентичностей превращается в ключевое направление публичной политики [5]. Педагогическим аспектам формирования идентичности посвящена работа Е. В. Чурило-

вой [6]. Фокус исследований юношеского возраста берет начала от работ Э. Эриксона [7]. Современных исследователей (Т. В. Бугайчук) интересует развитие гражданской идентичности молодежи [8]. Активно разрабатываются контексты этнической принадлежности (Е. Г. Аванесова) [9]. О. В. Попова представила результаты «экспертного опроса, ориентированного на поиски «рецептов» формирования определенных моделей идентичности новых поколений учащейся и студенческой молодежи, призванных подтвердить соответствие результата ожиданиям/запросу со стороны государства» [10].

Государства и корпорации не случайно уделяют проблематике формирования идентификаций большое внимание. Например, о необходимости укрепления гражданской идентичности говорилось в подписанном 2018 году указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [11] и в его многочисленных выступлениях. Проблема особенно актуализируется в обстоятельствах полиэтничного состава населения России и условиях информационной войны с «коллективным Западом», делающим ставку на подрыв общероссийской идентичности, особенно среди молодежи. Поэтому мониторинговые исследования динамики и специфики гражданской идентичности российской молодежи являются актуальными и практически значимыми.

Коллективная идентичность граждан страны – одна из важнейших социально-политических, социально-экономических и социально-культурных характеристик общества. В современных условиях обострения конфликтов в мире, вызванных миграционными волнами, фазовым переходом к новому технологическому укладу и геополитическим противоборством, идентичность российской молодежи становится условием безопасности и устойчивости российского общества перед лицом глобальных и региональных вызовов и неразрывно связана с успешностью проектов развития [12, 13].

Идентичность не является одномерным феноменом. Она включает в себя локальное, общегражданское, этническое, цивилизационное, профессиональное, сетевое измерения. Речь идет о представлениях устойчивых версий осознания себя частью страны, народа, государства, региона. Постоянная готовность ответа на вопросы типа: Кто такие МЫ? откуда МЫ? и Куда Движемся?

Исследование, проведенное авторами в 2021 году, показало, что абсолютным лидером идентификаций было ощущение общности со своей семьей и друзьями (83,8 %). Конечно, не стоит противопоставлять эту идентификацию

другим, однако, на наш взгляд, это говорит о недостаточном уровне сформированности устойчивой общероссийской гражданской идентичности и уровня доверия в нашем обществе. Поэтому и наблюдалось повышенное тяготение к ощущению общности, прежде всего, со своей семьей и друзьями. Заметно тяготение отождествить себя с молодым поколением как страны, так и мира (у почти 39 % было ярко выражено и у 42 % выражено некоторой степенью)

Феномен студенческой идентичности в Республике Татарстан в гражданском плане – бинарность, то есть практически равное ощущение своей общности с Россией и Татарстаном. Но! Надо отметить, что более половины опрошенных ощущали в 2021 году в высокой степени общность со своей этнической группой (даже несколько более чем с жителями Республики Татарстан и чуть меньше, чем с Россией в целом). Для «поколения цифры» также значительно выражена и «сетевая» идентичность (36,6 % считают их «своими», а 37,6 % считают их своими в какой-то степени). Проективный сюжет 2021 года вынуждал респондента к самоопределению. Находясь за пределами Казани и Республики Татарстана лидировала общероссийская идентификация (64,3 %), на втором месте практически с равными результатами татарстанская и этническая идентификация (41,6 % и 45,2 % соответственно). Мы приводим некоторые результаты 2021 года для того, чтобы сравнить их с данным опросом (проведенном в 2024 году).

В исследовании 2024 года, учитывая опыт прошлых исследований, мы несколько модифицировали методику в сторону уменьшения количества вопросов-шкал. Поэтому блок шкал идентификаций был представлен вопросами, которые нацелены на выявление корневых параметров идентичности:

– Вопрос «Кого бы Вы могли назвать своими, а кого нет» был дополнен матрицей ответов о степени признания своими: а) граждан России, б) представителей стран СНГ, в) жителей Республики Татарстан, г) сверстников (даже зарубежные) имеющие сходные профессии или интересы, д) представителей Вашей этнической группы (татары, русские и т.п.), е) членов Вашей семьи, близкие друзья, ж) жителей Вашего города (села), з) членов Вашего сетевого сообщества в социальных сетях.

– Вопрос «В качестве кого вы ощущаете себя, находясь в другом регионе (городе) России?» дополнялся аналогичной матрицей ответов.

Учитывая, что в настоящее время большую важность обретает осознание себя государством-цивилизацией, мы добавили два цивилизационных маркера (европеец и житель Азии)

За три последних года заметно укрепилась общероссийская гражданская идентичность нашего студенчества, если своими считали сограждан в 2021 году 57,7 %, то в 2024 году уже 74,3 %, а число условных «внутренних чужаков» (тех, кто не считает сограждан своими) сократилось почти в 2 раза (рис. 1).

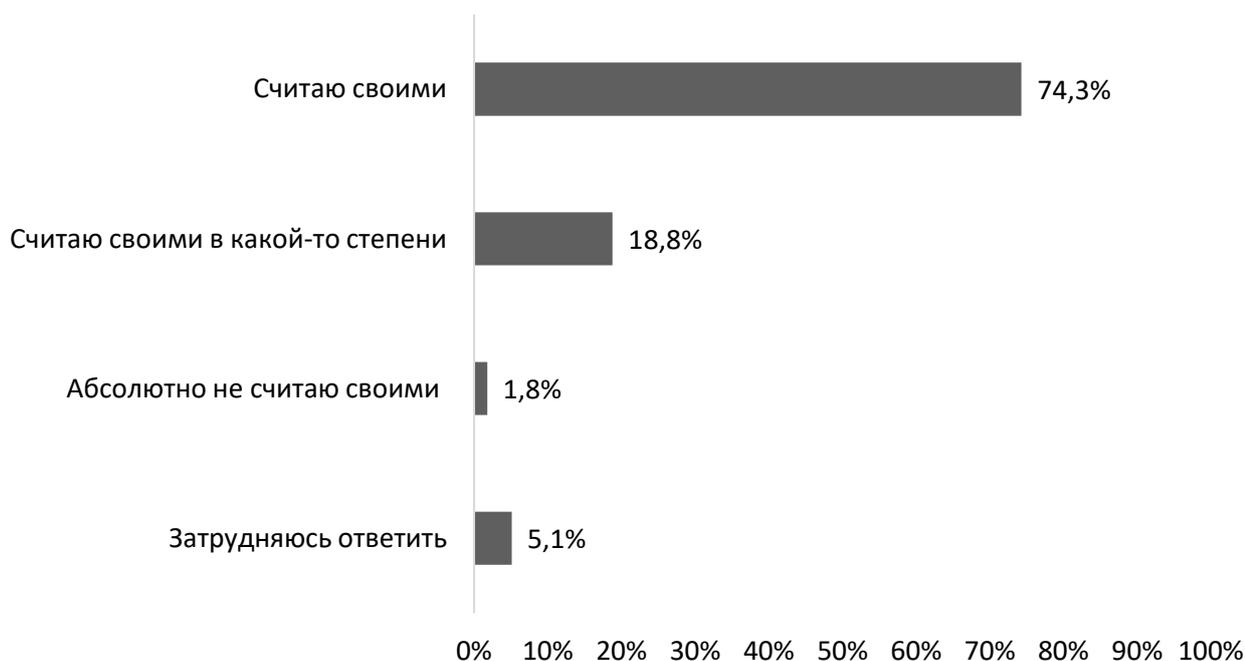

Рис. 1 – Степень ощущения принадлежности к гражданам России у респондентов

Несколько выросло ощущение близости с жителями стран СНГ (33,6 % против 26,8 в 2021 году), а число абсолютно не считающих их своими сократилось с 11,6 % до 6,7 %. На наш взгляд это связано с одной стороны, с увеличением числа межгосударственных контактов со странами СНГ и их медийной презентацией, а с другой, определенной поддержкой России, как общественным мнением некоторых стран СНГ, так и на межгосударственном уровне на фоне

усиливающейся враждебности стран Запада. В целом это влияет на более позитивное восприятие образа жителей стран СНГ (рис. 2).

Ощутимо выросло и чувство общности студенчества с жителями Республики Татарстан, которые признаются своими для 73,2 % опрошенных (в 2021 году это было присуще 51,2 % студентов). В 2 раза уменьшилось число тех (с 5,2 % до 2,2 %), кто не считает жителей Татарстана своими (рис. 3).

Рис. 2 – Степень ощущения принадлежности к жителям СНГ у респондентов

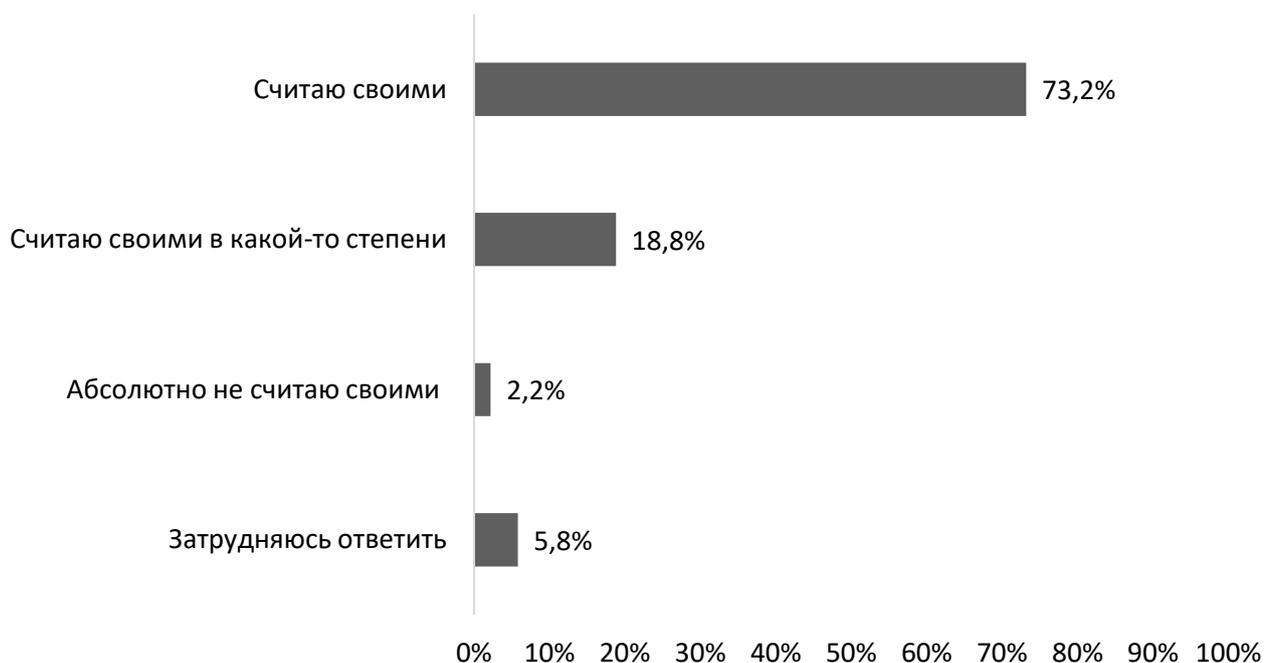

Рис. 3 – Степень ощущения принадлежности к жителям Республики Татарстан у респондентов

«Сугубо молодежная» в поколенческом смысле и в смысле сходной занятости социально-демографическая идентичность осталась на прежнем уровне – как и была в 2021 году (рис. 4).

Усилилась определенность этнического параметра идентичности (рис. 5). Так, абсолютно своими считают представителей своей

этнической группы 73,7 % (в 2021 было 56,3 %). Доля считающих этническую группу своей в какой-то степени, сократилась с 29,9 % до 17,3 %. Но в целом значимость этнической идентификации характерна, как и в 2021 для около 90 % респондентов (86,2 % и 91 %).

Рис. 4 – Степень ощущения принадлежности к представителям молодого поколения (студенчества) у респондентов

Рис. 5 – Степень ощущения принадлежности к своей этнической группе у респондентов

Еще больше усилилось идентификационное значение «ближнего круга». Уже 95,2 % считают абсолютно своими членов семьи и близких друзей. В 2021 году таковых было 56,3 %. Времена кризисов и международных конфликтов всегда подталкивают к осознанию большой ценности родственных связей и дружбы и, соответственно, человек (особенно молодой) стремится найти опору в них. Рис. 6 наглядно демонстрирует выраженность семейного маркера идентичности для

студентов вузов, расположенных на территории Республики Татарстан.

Идентичность имеет и локальное измерение, то есть осознание себя частью своей территориально-поселенческой общности. Данный параметр идентичности также заметнее проявил себя в 2024 году (рис. 7). Доля тех, кто считает абсолютно своими жителей своего города (села) составила 61,8 % (в 2021 году – 46,8 %). В два с лишним раза сократилась доля, абсолютно с этим несогласных (с 5,2 % до 2,2 %).

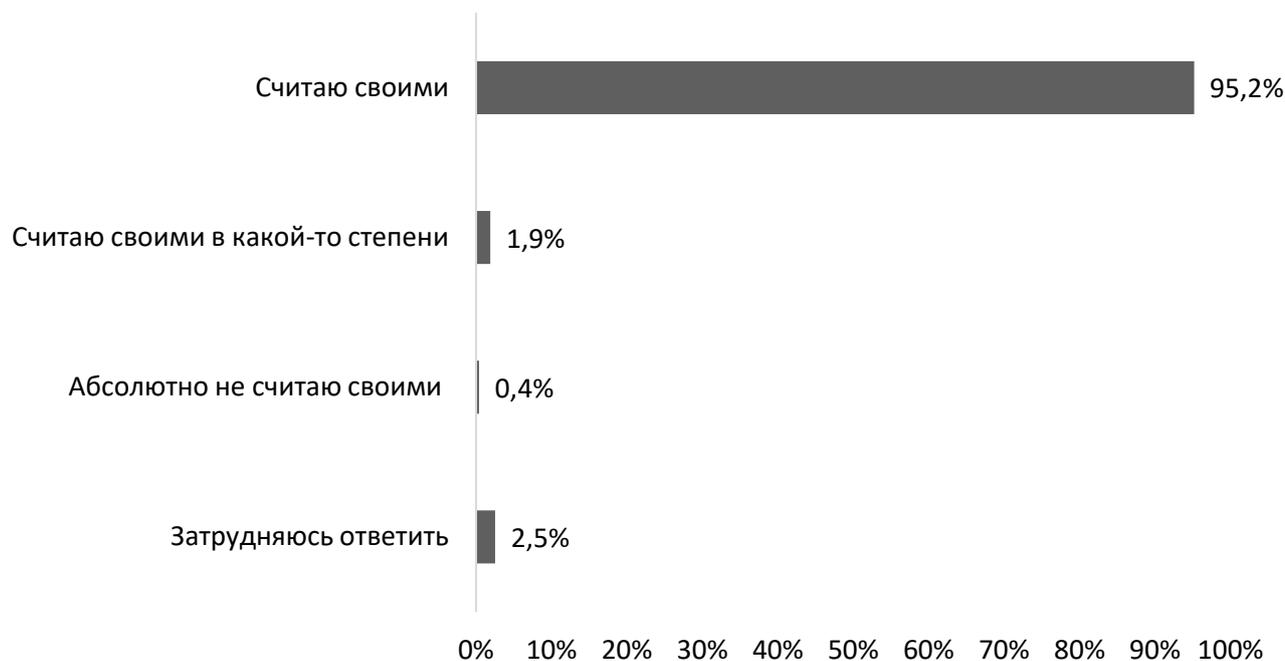

Рис. 6 – Степень ощущения принадлежности к своей семье у респондентов

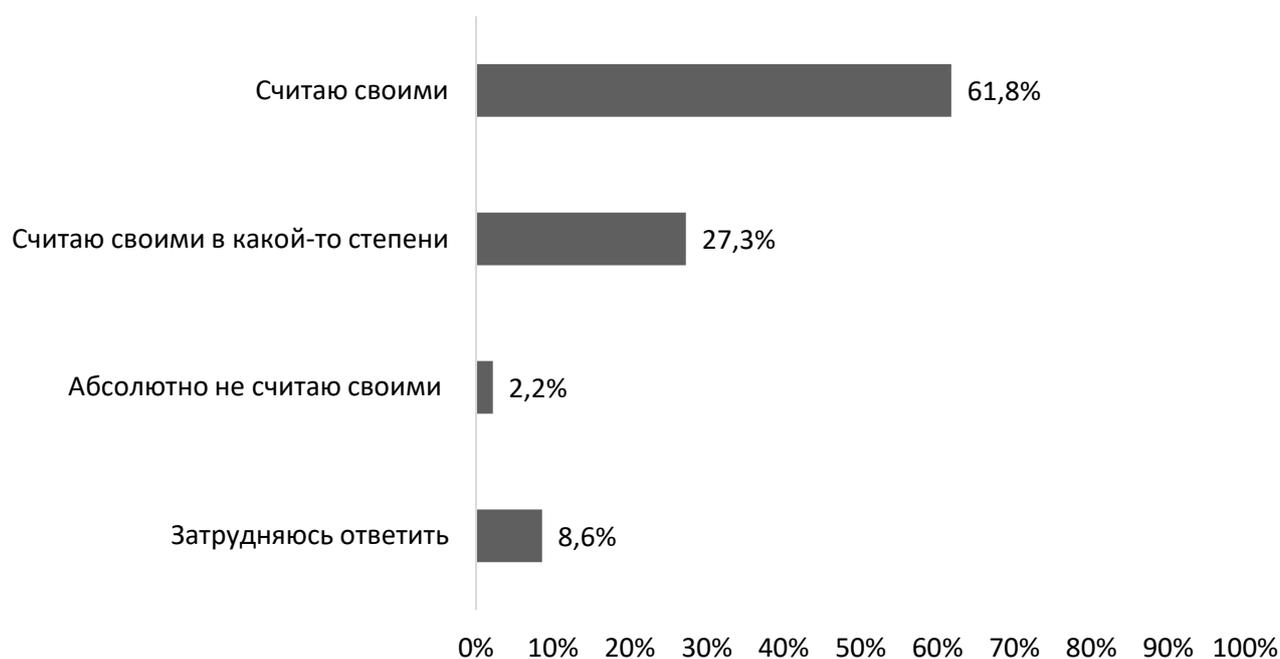

Рис. 7 – Степень ощущения принадлежности к жителям своего города (села) у респондентов

Нынешнее поколение – это поколение «цифры», для которых непрерывность коммуникации в социальных сетях – повседневная практика. Исследование 2024 года показало, что заметных изменений (превышающих статистическую погрешность) по сравнению с 2021 годом не наблюдается. Тем не менее отметим, что член сетевого сообщества признается «абсолютно своим» для примерно трети опрошенных (рис. 8).

Приведенные данные отражают первичный отклик на идентификационные маркеры. В

целях более глубокого анализа мы применили технику проективной ситуации, поставив респондентов перед необходимостью оценить свои идентификации в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан. Полученные данные (рис. 9-10) говорят об усилении идентификации себя с гражданами России (с 74,3 % до 82,4 %) и некоторым снижением значимости «татарстанского» маркера (с 73,2 % до 61,1 %).

Рис. 8 – Степень ощущения принадлежности к своему сетевому сообществу у респондентов

Рис. 9 – Степень ощущения себя гражданином России в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан у респондентов

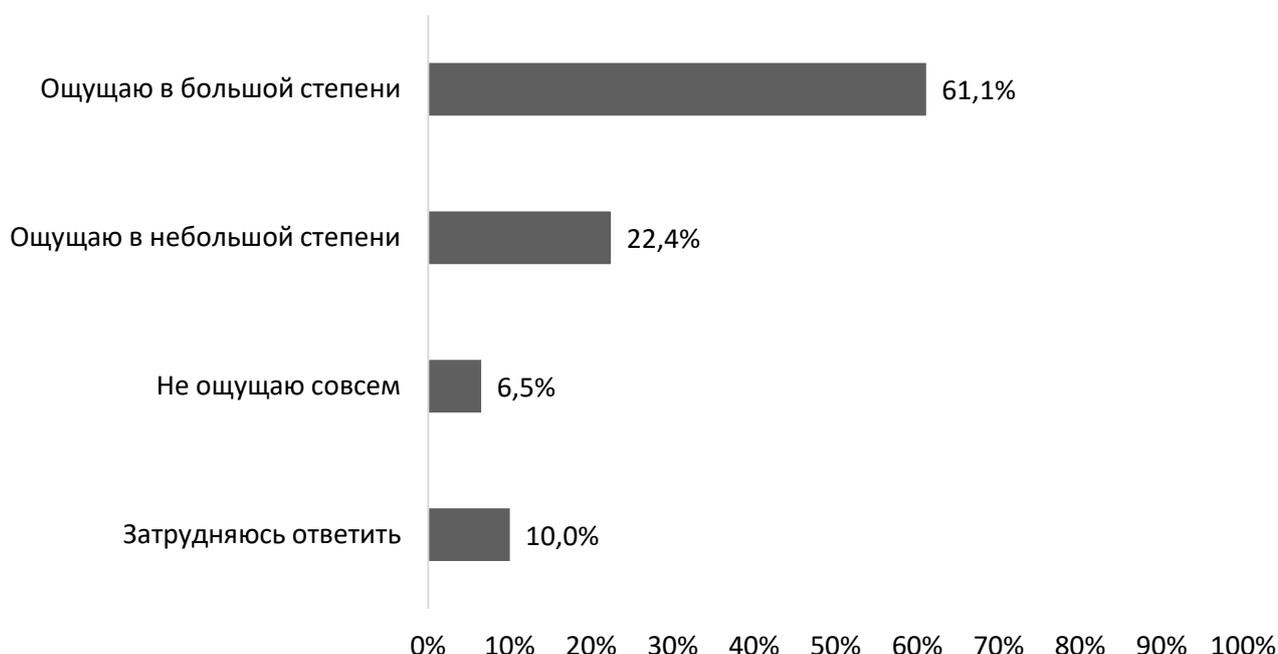

Рис. 10 – Степень ощущения себя жителем Татарстана в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан у респондентов

Данные рис. 11 показывают, что также несколько снижается на этом фоне значимость этнических маркеров идентичности – с 73,7 % до 65,4 %. Полагаем, что это объяснимо в условиях более выраженной общероссийской гражданской идентичности, которая определяет универсальность прав и обязанностей в целом по

стране. Однако, при этом ценность осознания своей принадлежности к локальному сообществу практически не претерпевает изменений (рис. 12).

Маркеры идентичности, связанные с родом занятий или профессией (рис. 13) значимы для примерно половины опрошенных (49,6 %).

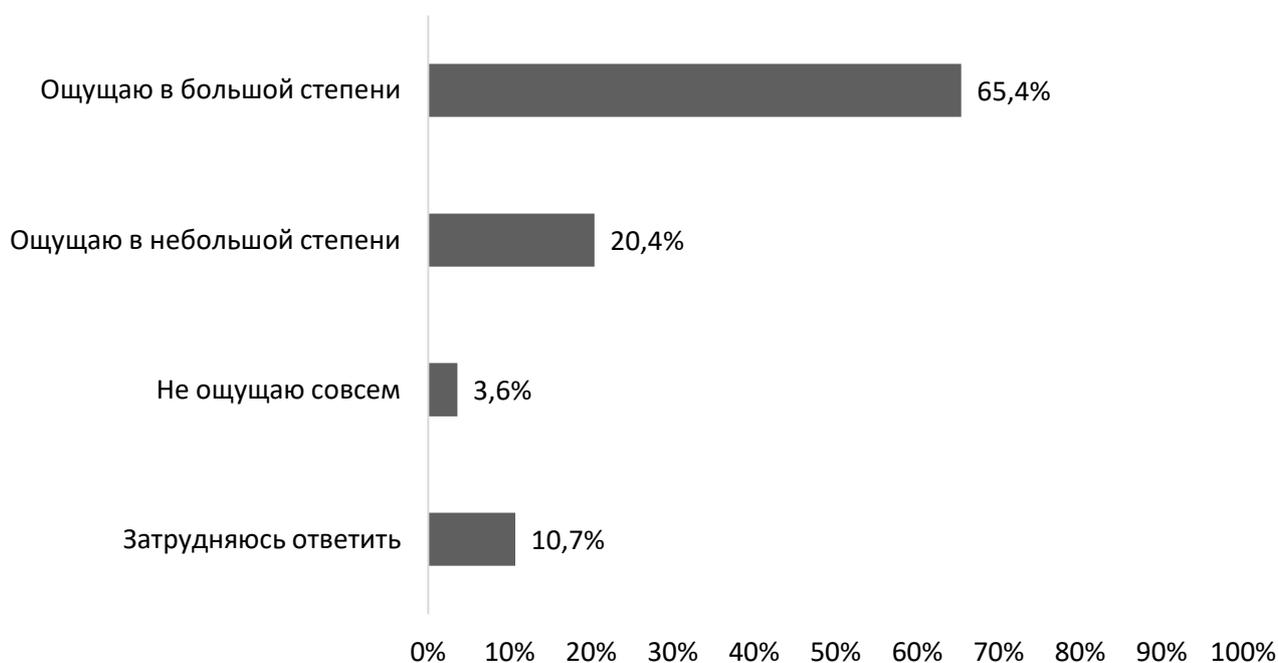

Рис. 11 – Степень ощущения себя представителем своей этнической группы в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан у респондентов

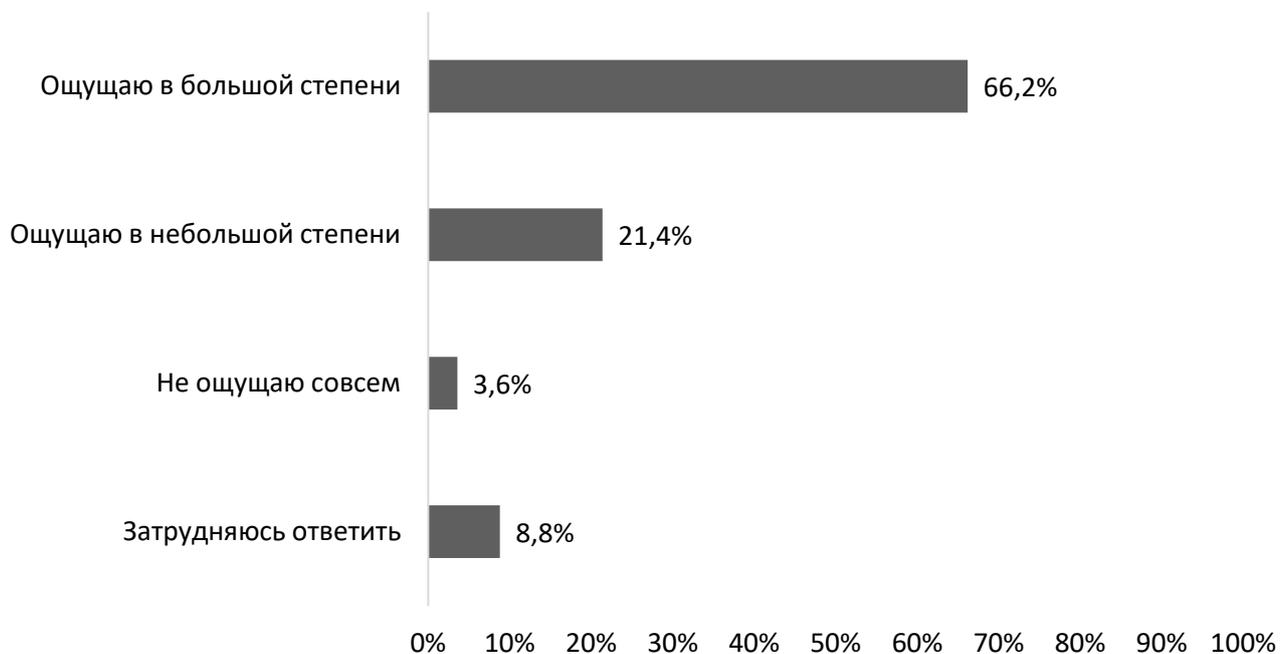

Рис. 12 – Степень ощущения себя жителем своего города (села) своей в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан у респондентов

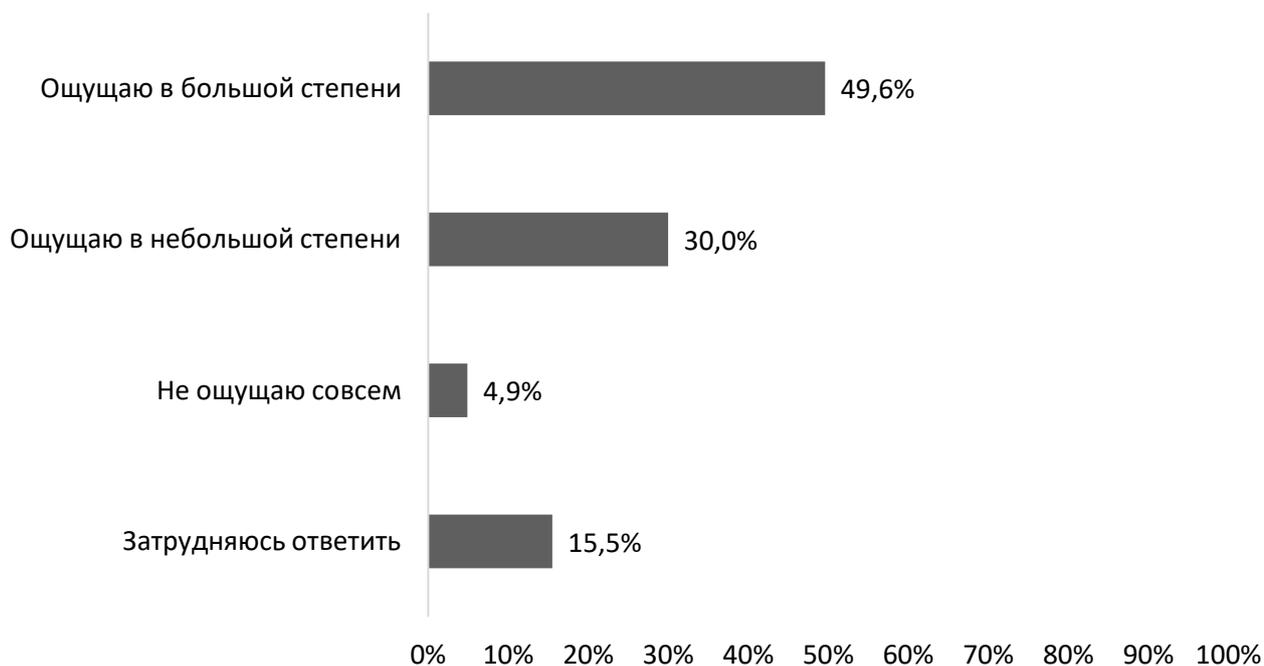

Рис. 13 – Степень ощущения себя представителем своего рода занятий в случае пребывания вне пределов Республики Татарстан у респондентов

Основной вывод подтверждает современные социально-политические тренды. Современная медийная «повестка дня», политический и академический дискурсы отражают актуальность цивилизационных параметров идентификаций. Активно продвигается идея российской цивилизационной самости как государства – цивилизации. Результаты исследования подтверждают этот мировоззренческий тренд. Так, европейцами в большой

степени себя считают не более 24,2 % опрошенных студентов, а 24,3 % ощущают себя таковыми в небольшой степени. Еще менее выражена азиатская ориентация. Жителями Азии в большой степени себя ощущают 12,7 % респондентов, а в небольшой степени – 17,5 %. Данные результаты дают основание полагать, что в принципе имеется база для формирования российской цивилизаци-

онной идентичности, не сводимой ни к европейской, ни к азиатской. Дальнейшее развитие России как государства-цивилизации предполагает и укрепление понимания «Свой»-«Чужой» именно в цивилизационном аспекте. Этнический пара-

метр в данном случае не исчезает, он трансформируется в формате констелляции «Своих» цивилизационно-российских этносов и, соответственно, «Чужих». Безусловно, это влияет и на построение практики образовательной, воспитательной и медийной деятельности общества и государства.

Литература

1. Самнер У.Г. Народные обычаи Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики. URL: <https://howmaster.ru/alternativnye-istochniki-energii-samner-u-g-o-proishozhdenii-i-sushchnosti-etnocentrizma/> (дата обращения: 17.07.2025).
2. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. URL: [https://christosaioannou.com/Tajfel and Turner 1986.pdf](https://christosaioannou.com/Tajfel%20and%20Turner%201986.pdf) (дата обращения: 17.07.2025).
3. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480-498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261. EDN: HAAHUUW.
4. Руденко В.В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно правовая категория в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 1 (29). С. 173-188. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188. EDN JOOVDB.
5. Семененко И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопед. Издание. Москва: Весь Мир, 2017. С. 354-358. EDN: QGTBXM.
6. Чурилова Е.В. Особенности формирования и проявления гражданской идентичности (теоретические аспекты) // Школа будущего. 2023. № 1. С. 32-47. DOI: 10.55090/199_64552_2023_1_32_47. EDN: FYRDFQ.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Прогресс, 1996. 344 с.
8. Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 70-80. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80. EDN: URISLW.
9. Аванесова Е.Г. Формирование гражданской идентичности: о специфике этнической политики РФ // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 5. С. 93-98. DOI: 10.5281/zenodo.4911358. EDN: WUHTJA.
10. Попова О.В. Методики оценки гражданской идентичности российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 362-377. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-362-377.
11. Президент России. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 17.07.2025).
12. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Тренды в структуре идентификаций российского студенчества (кейс г. Казань) // Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 2022. С.195-197.
13. Тузиков А.Р. Проблема конфигураций новой российской идентичности молодежи: методологические и методические подходы к изучению // Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2019. С. 680-681.

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

О. Л. Малышева

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИИ: РЕНЕССАНС «ПЕНТАДИСЦИПЛИНАРНОСТИ»?

Ключевые слова: социальные науки, гуманитарное знание, высшее образование, студенчество, идеологический дискурс, структура и значение социально-гуманитарной подготовки, общественные настроения.

Переживаемый в настоящее время период в истории России характеризуется сменой дискурсов, определяющих политику в области образования. Дискурс «подготовки квалифицированного потребителя» и «гражданина мира» (глобального кочевника) оправданно меняется на дискурсы подготовки «творческой личности», «технологического суверенитета» и гражданского общероссийского патриотизма. Поэтому ретроспективный анализ статуса и роли социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе вкупе с оценкой общественных настроений студенчества, на наш взгляд, представляет актуальную научную проблему. Автор проанализировал роль и структуру социальной и гуманитарной подготовки студентов в отечественной высшей школе независимо от специализации конкретных образовательных программ. Детально рассмотрены этапы трансформации социально-гуманитарных дисциплин периода «перестройки» и начала XXI века. Критически осмысливаются попытки фетишизации доминанты навыков применительно к роли социального и гуманитарного знания. Установлено, что несмотря на неоднократные попытки пересмотреть важность и роль общественных и гуманитарных дисциплин в программах высшего образования, они в той или иной форме сохраняли свои позиции, хотя и меняли идеологические акценты и понимание целей изучения. В настоящее время наблюдается ренессанс осознания их мировоззренческой значимости, и государство пытается выстраивать политику в этой области в вузах. Приводятся результаты авторских исследований мнений студенчества о значении общественных и гуманитарных предметов в их подготовке. Студенчество по-разному осознает роль социально-гуманитарных предметов в своих образовательных программах в зависимости от направлений подготовки, но наблюдается снижение роли учебной и научной литературы в пользу интернет-знаний и продукции ботов. Выделены риски введения новых предметов, могущих препятствовать их эффективности.

O. L. Malysheva

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES IN RUSSIAN HIGHER SCHOOL: RENAISSANCE OF «PENTADISCIPLINARY»?

Keywords: social sciences, humanities, higher education, students, ideological discourse, structure and importance of social and humanitarian training, public sentiment.

The current period in the history of Russia is characterized by a change in discourses that determine education policy. The discourse of «training a qualified consumer» and a «citizen of the world» (global nomad) is justifiably changing to discourses of training a «creative personality», «technological sovereignty» and civic Russian patriotism. Therefore, a retrospective analysis of the status and role of social and humanitarian disciplines in higher education, coupled with an assessment of the public attitudes of students, in our opinion, represents an urgent scientific problem. The author analyzed the role and structure of social and humanitarian training of students in Russian higher education, regardless of the specialization of specific educational programs. The stages of transformation of the social and humanitarian disciplines of the period of «perestroika» and the beginning of the 21st century are considered in detail. Attempts to fetishize the dominant skills in relation to the role of social and humanitarian knowledge are critically examined. It was found that despite repeated attempts to reconsider the importance and role of social and humanitarian disciplines in higher education programs, they retained their positions in one form or another, although there were ideological accents and an understanding of the goals of study. Currently, there is a renaissance in awareness of their ideological significance, and the state is trying to build policies in this area in universities. The results of the author's research of students' opinions on the importance of social and humanitarian subjects in their training are presented. Students realize the role of social and humanitarian subjects in their educational programs in different ways, depending on the areas of study, but there is a decrease in the role of educational and scientific literature in favor of Internet knowledge and bot products. The risks of introducing new subjects that could hinder their effectiveness are highlighted.

Общественные и гуманитарные дисциплины в истории отечественного высшего образования часто были как фокусом внимания государственной образовательной политики, так и объектом критики, в том числе и в академической среде. Вместе с тем, проблема изучения социальных и гуманитарных наук в вузах как интегральная часть высшего образования и диалектика понимания их роли в обществе по-прежнему актуальна и жестко привязывается к изменениям глобального и регионального миропорядка. Это в свою очередь задает палитру требований и акцентов применительно к развитию высшего образования. Переживаемый в настоящее время период в истории России характеризуется сменой дискурсов, определяющих политику в области образования. Дискурс «подготовки квалифицированного потребителя» и «гражданина мира» (глобального кочевника) оправданно меняется на дискурсы подготовки «творческой личности», «технологического суверенитета» и гражданского общероссийского патриотизма. Поэтому ретроспективный анализ статуса и роли социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе вкпе с оценкой общественных настроений студенчества, на наш взгляд представляет актуальную научную проблему [1].

Модель высшего образования в классических британских университетах Оксфорда и Кембриджа свою главную задачу определяла, как воспроизводство универсальной культуры интеллектуальной деятельности студентов, которая и есть универсальное знание. Поэтому выпускник «Оксбриджа» довольно легко адаптировался к различным видам академической, политической, творческой, управленческой и прочей деятельности, входящим в сферу занятий «верхних» слоев британского общества. Традиции модели европейского университета Гумбольта (начало XIX века), которые во многом определили облик отечественной высшей школы, подчеркивали важность гуманитарного знания, без которого не может быть образованной личности. Американская модель факультетов «свободных искусств», особо акцентировала универсальность гуманитарного знания с его практической фокусировкой в формате «специализации».

Дискуссии от важности или не важности обществоведческой подготовки как обязательной для всех направлений высшего образования ведутся в нашей стране уже на протяжении конца XX и XXI веков.

В конце XX века, на рубеже 80–90-х годов, на фоне обрушения советского проекта возобладал дискурс отмены. Звучали голоса в пользу исключения общественных дисциплин

из программы подготовки не гуманитарных направлений, аргументируя это отказом от идеологии. Правда высказывались и идеи гуманитаризации высшего образования с целью расширения понимания происходящих в мире и российском обществе процессов и самоопределения в нем [2–4].

В XXI веке дискуссии продолжились. Главная идея заключалась в том, как и чем заменить традиционный социогуманитарный блок дисциплин с учетом «болонизации» и перехода на компетентностный подход.

С другой стороны, нельзя было игнорировать тот факт, что социогуманитарное знание наряду с историческим формирует социальную память, гражданское и патриотическое самосознание молодых людей, социальные и гражданские компетенции. Также подчёркивалось, что обществоведческая подготовка способствует развитию личности, повышению уровня её духовно-нравственной, политической и правовой культуры [2, 5, 6].

В советские времена общественные науки составляли 13% от общей учебной нагрузки в вузах. Считалось, что гуманитарное образование формирует научное мировоззрение, ценностные ориентации и жизненные позиции студенческой молодёжи. Также отмечалось, что с уровнем гуманитарной подготовки напрямую связаны общая образованность и культура человека, а также его профессиональная культура [4, 6]. Достаточно вспомнить, что до 1934 года в вузах СССР не преподавался курс истории, а социально-гуманитарное знание жестко и прямолинейно вплеталось в рамки господствующей тогда идеологии. Начиная с декрета от 4 ноября 1920 г. Совета народных комиссаров «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» этот процесс был под постоянным контролем партийных и правительственных органов. Важность представляли дисциплины, основанные на марксистском учении: исторический материализм, капитализм и пролетарская революция, политический строй и социальные задачи РСФСР [7, 8]. Постепенно с осознанием необходимости более основательной академической подготовки студентов происходила трансформация формата «политграмоты» в полноценные вузовские курсы. Одновременно во главу угла ставились не только развивающе-образовательные и мировоззренческие задачи, но постулировалась необходимость идейно-воспитательного акцента, ведь научно-техническая интеллигенция рассматривалась коммунистами как классовая прослойка, потенциально подверженная большим идейным колебаниям, чем рабочий класс. Поэтому стержнем обществоведческой

подготовки с акцентом на формирование материалистического мировоззрения с конца 30-х годов стали курсы «История ВКП (б)» и «Основы марксизма-ленинизма» состоящий из двух частей: диалектического материализма и исторического материализма. Также изучалась экономика в формате политической экономии. В конце 50-х к ним добавляется такая мировоззренческая дисциплина как «Научный атеизм» (с 1959 года). А 27 июня 1963 года приказом министра высшего и среднего специального образования СССР № 214 «О введении в вузах СССР курса основ научного коммунизма» вводится и этот предмет (по факту идеологический синтез социологии, экономики, политических наук). Причем, государственный экзамен по нему был обязательным. Своеобразный «пентабазис» обществоведческой подготовки в СССР выглядел так:

- История КПСС (1 курс).
- Марксистско-ленинская философия (2 курс).
- Политическая экономия (3 курс).
- Основы научного атеизма (4 курс).
- Научный коммунизм (5 курс).

В таком виде «большая пятерка» социально-гуманитарных предметов просуществовала почти до конца СССР. Управляющей идеей, задающей смысл и легитимность изучения данных предметов, была идея Всестороннего Развития Личности (Нового Человека будущего Коммунистического Общества). «За пять лет обучения учащийся занимался непосредственно в вузе более 5 500 учебных часов. Суммарное время, отведенное на общественные науки на неспециализированных факультетах и в вузах, равнялось примерно 430 часам» [9].

В результате «перестройки» перечень социально-гуманитарных дисциплин был уполовинен, а в начале XXI века отменили и кандидатский экзамен по философии, заменив его историей науки.

Период 90-х годов характеризовался практически полным отстранением государства от проектирования социально-гуманитарной подготовки, и это привело к утрате единого уровня образования по данным дисциплинам. В разных вузах мог отличаться и перечень общественных дисциплин, не говоря уже об их содержании. Очень заметную роль в так называемых «национальных республиках» стал играть региональный компонент, педалирующий развитие региональной и этнической идентичности, зачастую в ущерб общероссийской. В начале нулевых годов XXI века на первый план вышла идея

вхождения в «Болонский процесс» поддержанная финансированием Всемирного Банка и активной ролью в этом руководителей Высшей школы экономики [10]. Еще одним важным трендом было иностранное влияние, которое выражалось, с одной стороны, в программах поддержки стажировок преподавателей вузов с целью «перепрошивки» их сознания (речь в данном случае не о «технарях», а о «гуманитариях»), а с другой стороны, в поддержке издания новых учебников с «несоветскими», а реально «нероссийскими» акцентами в презентации учебных материалов. Например, курс политологии по факту подводил студентов к убежденности, что есть только один идеальный образец для подражания – это американская политическая модель. Либеральный дискурс модернизации высшей школы выразился в попытках воспроизвести англо-саксонскую модель и социально-гуманитарного знания в идеологически-утилитарном формате – уменьшенный курс истории (минимум часов), экономика в формате «Экономикс», американизированная политология. Резко были уменьшены часы по истории – 72 часа (36 аудиторных). Вузы при этом сами определяли содержание рабочих программ и зачастую читался курс «Всемирной истории», в котором на историю России отводилось не более 10 часов [11]. Под предлогом аргументов о необходимости «плюрализации» идей и подходов происходил отказ от единых учебников истории, что крайне негативно сказывалось на мировоззрении молодежи. Рекомендоваться могли на выбор сразу 10 учебников. На деле же большинство современных студентов, избегая тратить время на библиотеки и чтение «толстых» книг, склонялось к «интернет-версиям» истории, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В порядке пилотажного исследования нами были опрошены студенты третьих курсов (N=100), которым задавались вопросы относительно пользования ими учебников при изучении социально-гуманитарных дисциплин (включая историю). При этом студентам разъяснялось, что ответ «пользовался только интернетом» означает пользование не интернет-версиями учебной литературы, а краткими ответами в поисковике.

По полученным данным абсолютное меньшинство (14 % юношей и 17% девушек) опирается в своих занятиях на учебник, а большинство опирается на интернет-источники (74 % юношей и 66% девушек).

Для проверки результатов, мы также уточнили, что за интернет-источники используют студенты в процессе изучения истории (рис. 1).

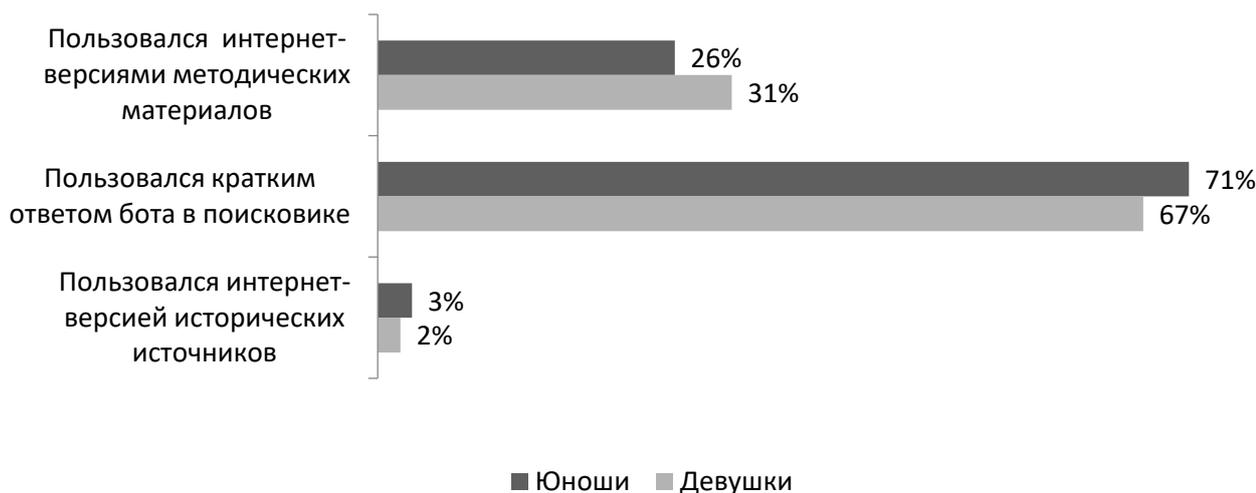

Рис. 1 – Вид используемых материалов при изучении социально-гуманитарных дисциплин

Видно, что доминируют в качестве «обучающего материала» краткие ответы ботов в поисковиках. Оптимисты-преподаватели нам в процессе нашего исследования говорили, что интернет просто помогает получить доступ к учебным материалам, но исследование показывает, что это соответствует практике не более чем трети студентов. Разница между юношами и девушками при этом отсутствует. Необходимо отметить и то, что тип поисковика влияет на идеологические оценки исторических событий. Например, иностранные поисковики часто дают антироссийские интерпретации фактов, привязывая их к текущей медийной повестке западных СМИ.

Если учесть, что такие «интернет-познания» являются едва ли не доминирующими среди многих студентов, становится понятной необходимость проведения более однозначной исторической политики в виде единого учебника и расширения круга социально-гуманитарных дисциплин. В начале века в вузах России установилось «четырёхпредметная» обязательная социогуманитарная матрица: история (в усеченном виде), экономика, философия, правоведение, к которым добавлялись физическая культура и иностранный язык. Сами вузы могли добавлять в зависимости от активности и влияния деканов социально-экономических факультетов, курсы социологии, политологии, культурологии, истории и культуры региона.

С переходом на стандарты третьего поколения и их модернизированные варианты в виде 3++ [12], с их приматом овладения компетенциями, встал вопрос, о том какие компетенции формирует социогуманитарный блок дис-

циплин, как их измерять и в чем состоит «практическое значение» этих дисциплин. Кавычки здесь означают, что сведение значения изучения социогуманитарных предметов к неким универсальным компетенциям (УК, а именно так они звучат в стандартах 3++) не выглядит, мягко говоря бесспорным. ФГОС 3, 3+ и 3++ знаменовал переход к компетентностной модели и резко затруднил формулировки «знать-уметь-владеть» в привязке к предметам. Результатом стало отсутствие показателя системности знаний об обществе и социальных процессах. Как отрицательный пример – привязка курса истории России во многих программах к УК-11 до недавнего времени звучала как «Способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению». Во-первых, вряд ли можно сводить гражданские качества выпускника только к антикоррупционной нетерпимости, а во-вторых, в перечне универсальных компетенций практически отсутствует даже отдаленные формулировки относительно необходимости формирования системности знаний об обществе и социальных процессах.

Неудивительно, что на формирование УК стали претендовать не только социально-гуманитарные кафедры. Так, например, УК-1 – «Системное и критическое мышление» и УК-2 – «Разработка и реализация проектов» стали зоной ответственности преимущественно технических кафедр. Социально-гуманитарные навыки сведены к навыкам «командной работы и лидерства» (УК-3), навыкам «коммуникации», прежде всего по факту языковой (УК-4), ну, и видимо по замыслам авторов ФГОС, самой важной УК-5 отвечающей за «межкультурное взаимодействие», результатом которой является

«способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах». Согласно толковым словарям русского языка термин «воспринимать» «означает ощущать, испытывать что-либо, быть объектом воздействия чего-либо истолковывать, трактовать» [13] На наш взгляд, скорее уж напрашивается формулировка типа «понимать межкультурное разнообразие российского общества и конструктивно выстраивать взаимодействие в этих условиях». Наиболее понятно в социально-гуманитарном смысле звучат УК-7 – «Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» и УК-9 – «Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности». В последних редакциях некоторых ФГОС 3++ УК-10/11 модернизирована в сторону противодействия экстремизму и терроризму и звучит как «Способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности». Вопрос вопросов: если эту компетенцию привяжут к курсу «История» или «Основы российской государственности», каким образом собираются измерять эту нетерпимость? На словах или психологическим тестированием? И как тогда перестраивать курс истории в сторону увеличения изучаемого объема материала посвященного коррупции и антикоррупции в разные периоды истории страны?

Неудивительно, что вновь актуализируется проблема значения изучения социально-гуманитарных предметов в вузе. Академический и

политический дискурсы в настоящее время едины в плане необходимости усиления мировоззренческой подготовки. 20 мая 2020 года Президент России Владимир Путин внес в Госдуму поправки в закон об образовании, которые направлены на укрепление идейно-воспитательной составляющей системы образования. Так, в частности, подчеркивается, что «...Формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, к природе и окружающей среде» [14].

Вместе с тем, особенно в технических вузах распространена точка зрения, что социально-гуманитарные дисциплины, вторичны, мало значимы и «легковесны» с научной точки зрения по отношению к естественно-научным и техническим дисциплинам. Проведенный нами опрос студентов это подтверждает (рис. 2).

И условные студенты-«технари» (инженерные направления) и студенты «гуманитарии» (социально-экономические направления) единодушны в оценочных суждениях о большей сложности технических дисциплин по сравнению с социально-гуманитарными. Правда почти пятая часть «технарей» признает одинаковую сложность данных групп предметов. Несколько больший «патриотический» по отношению к своему направлению подготовки энтузиазм в области признания сложности «своих» предметов, можно объяснить большей погруженностью в специфику данных предметов.

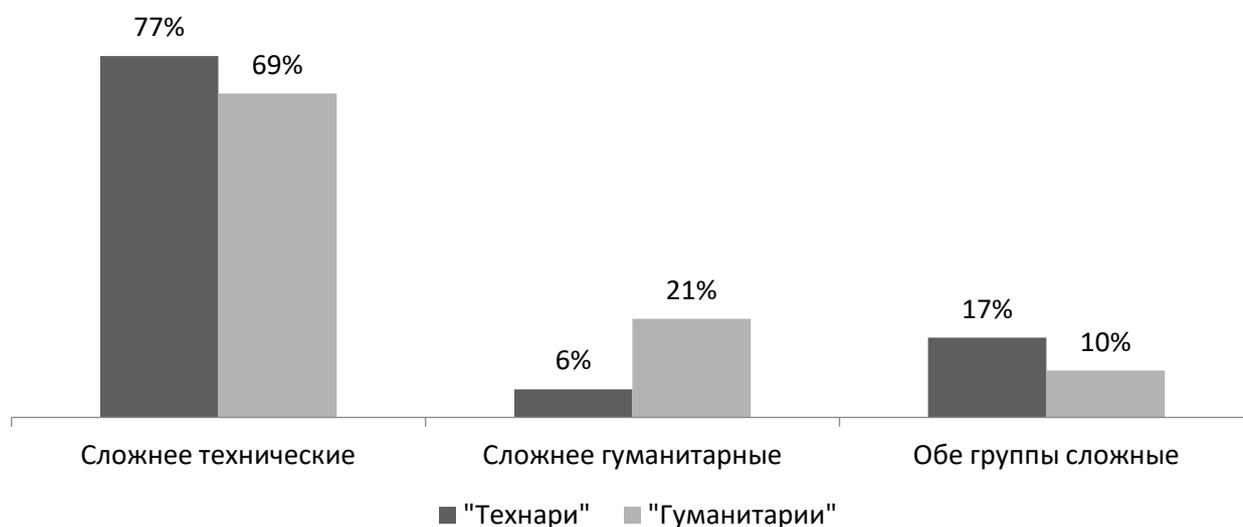

Рис. 2 – Оценка уровня сложности дисциплин

Распространенная точка зрения относительно «легкости» социально-гуманитарных дисциплин – миф, заблуждение или результат «облегченного» преподавания и «облегченных» требований к содержанию дисциплин. Достаточно привести такие «легкие» для изучения труды философов Гегеля и Канта, или «Истину и метод» Гадамера, работу «Логическая социология» А. А. Зиновьева, «Думать это профессия» и «Томские лекции об управлении» Г. П. Щедровицкого и десятки других примеров «легкодоступности» данного вида знания. В ходе исследования нас также интересовал вопрос относительно практичности изучения социально-гуманитарных предметов (рис. 3). Студентов просили оценить степень важности социально-гуманитарных дисциплин для практической деятельности.

Опрос показал резкий контраст восприятия значимости изучения социально-гуманитарных предметов для практической деятельности, что легко объяснить разной направленностью образовательных программ. Это говорит, что универсальные компетенции, связанные с данными дисциплинами, не воспринимаются «студентами-технарями» как значимые навыки или они не ощущают их сформированности. Вытекает вопрос о понимании нужности и не нужности изучения дисциплин социально-гуманитарного профиля для инженерных направлений. Приведем фрагмент опроса студентов инженерных направлений на эту тему (рис. 4).

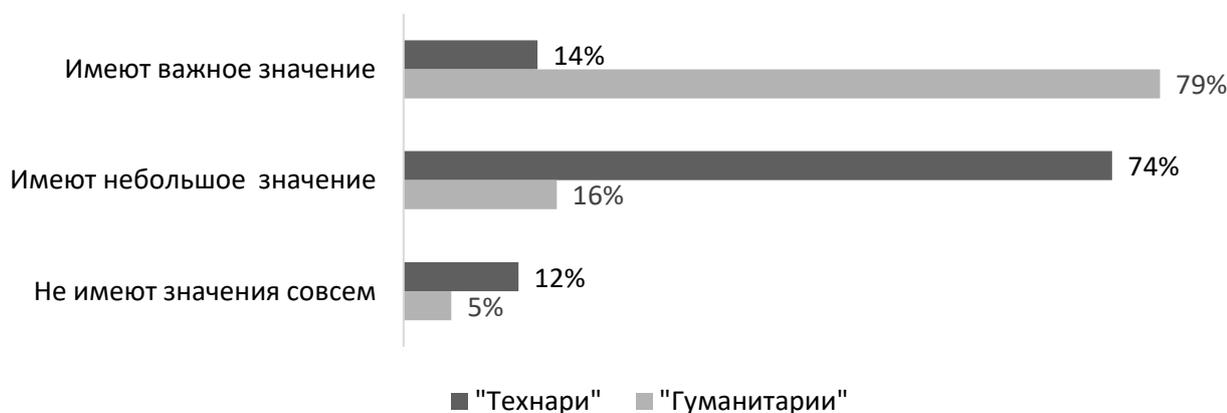

Рис. 3 – Оценка практического значения социально-гуманитарных знаний

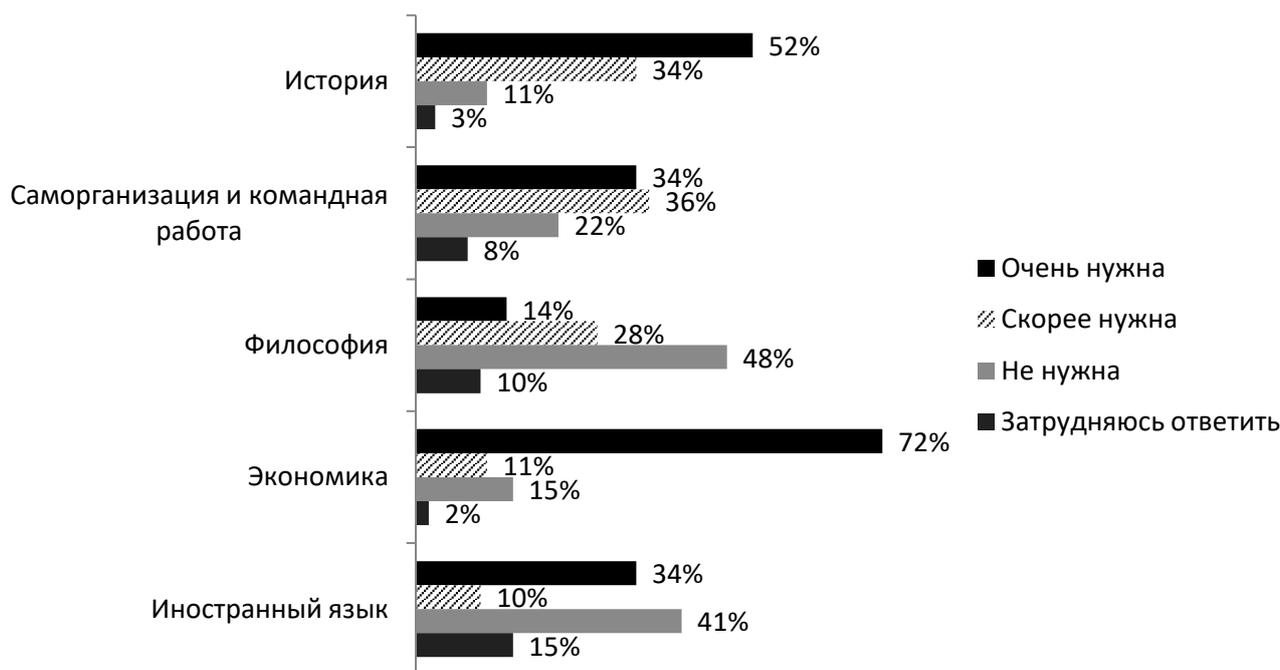

Рис. 4 – Оценка необходимости социально-гуманитарных дисциплин в будущей профессиональной деятельности

Лидирует по степени нужности (сумма ответов «очень нужна» и «скорее нужна») для будущей профессиональной деятельности экономика, на втором месте – история, на третьем – самоорганизация и командная работа. Обращает на себя низкая оценка значимости философии и иностранного языка (тут, безусловно, сказывается геополитическая ситуация). В тоже время российская философия имеет опыт очень практически ориентированной системно-деятельностной философии в виде школы Г. П. Щедровицкого и видимо ее нужно продвигать в практику изучения в вузах. В ректорском корпусе и среди руководства структурных подразделений технических вузов идея присутствия социально-гуманитарных дисциплин в образовательных программах инженерных направлений находит определенную поддержку. Так, ректор Томского государственного университета Э. В. Галажинский продвигает мысли о важности техногуманитарного баланса – «Уже давно ясно, что любая технологическая новация должна проходить не только техническую, но и гуманитарную экспертизу в целях выявления ее возможных негативных последствий для людей. Однако технократы пока не стремятся делить почетные места в обществе с гуманитариями. Ведь только человек мыслящий и чувствующий способен обратить технологии себе на пользу. Отсюда задача всех вузов – формировать у будущих профессионалов субъектность и социальную ответственность за свои решения независимо от того, готовят ли они инженеров-технологов или гуманитариев» [15]. Схожие мысли высказывает и декан факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО Ф. А. Казин [16].

На фоне осознания мировоззренческой и общекультурной подготовки Министерство науки и высшего образования России предприняло ряд шагов. Увеличиваются часы на изучение курса «История России» в два раза (144 часа), вводится курс «Основы российской государственности» (пока не везде как отдельный предмет), подготовлена программа курса «История религий России» [17], который со следующего семестра пройдет апробацию в 27 вузах. На базе МИФИ разрабатывается курс «Государственные отраслевые политики» (имеет междис-

циплинарный характер, для него большое значение имеют экономические, социальные и правовые аспекты профессиональной деятельности). Таким образом, формируется новый социально-гуманитарный «пентабазис»:

- История России.
- Основы российской государственности.
- Философия.
- История религий.
- Государственные отраслевые политики.

В дополнение к ним сохраняют свои позиции дисциплины «Физическое воспитание», «Иностранный язык», «Экономика». Но это порождает и определенные риски, а именно:

1. Риск «профанации» на фоне иллюзии «легкости»
2. Необходимость отбора и углубленной переподготовки кадров по новым дисциплинам.
3. Борьба за часы между кафедрами внутри вузов и зачастую недостаточный профессионализм в этих областях знаний.
4. Лимит часов на освоение образовательных программ и необходимость выбора между профессиональными дисциплинами и социально-гуманитарными т.к. общий объем часов не увеличен.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на неоднократные попытки пересмотреть важность и роль общественных и гуманитарных дисциплин в программах высшего образования, они в той или иной форме сохраняли свои позиции, хотя и меняли идеологические акценты и понимание целей изучения. В настоящее время наблюдается ренессанс осознания их мировоззренческой значимости, и государство пытается выстраивать политику в этой области в вузах. Студенчество по-разному осознает роль социально-гуманитарных предметов в своих образовательных программах в зависимости от направлений подготовки, но наблюдается снижение роли учебной и научной литературы в пользу интернет-знаний и продукции ботов. Выражен также и миф об особой «легкости» социально-гуманитарного знания по отношению к техническому.

Литература

1. Тузиков А.Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций //Управление устойчивым развитием. 2020. № 1 (26). С.60-66.
2. Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в образовательных организациях различных типов: Коллективная монография. Ч. 2. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 119 с.

3. Шевцова Г.В., Лебедева О.Г. Истоки и смыслы гуманизации инженерного образования в контексте социально-культурного генезиса // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №3-4 (45). С. 52-54.
4. Шешукова Г.В. Проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в непрофильных вузах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 4. С. 19-34.
5. Ветров Ю., Ивашкин А. Гуманизация и гуманитаризация инженерного образования // Высшее образование в России. 2006. № 1. С. 45-50.
6. Серебровская Н.Е., Пец О. И. Социально-гуманитарное образование как важнейший ресурс российской высшей школы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 136-144.
7. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина». Вышел декрет «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР». URL: <https://www.prilib.ru/history/619720> (дата обращения: 25.07.2025).
8. Малышева О.Л. Советская власть и вузовская профессура в послеоктябрьский период: от противостояния к профессиональному сотрудничеству // Управление устойчивым развитием. 2017. № 6 (13) С. 57-65
9. Конохова А.С. Колеблясь вместе с линией партии: изменения в преподавании общественных наук в вузах СССР в 1953-1964 гг // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 64-72.
10. Соколова, В. Серые кардиналы образования / В. Соколова // Практический журнал для учителя и администрации школы. 2011. № 4. С. 17-24.
11. Казанский федеральный университет. История России. URL: <https://kpfu.ru/library/vremya-chitat/vromosch-uchebnomu-processu/istoriya-rossii-439180.html> (дата обращения: 25.07.2025).
12. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://www.fgosvo.ru/> (дата обращения: 25.07.2025).
13. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. Москва: Русский язык, 2001. 568 с.
14. Государственная Дума. Владимир Путин внес законопроект об укреплении воспитательной составляющей системы образования. URL: <http://duma.gov.ru/news/48614/> (дата обращения: 25.07.2025).
15. Ведомости. Галажинский Э. High-Tech вместе с High-Hume. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/18/649546-high-tech-vmeste-high-hume> (дата обращения: 25.07.2025).
16. Казин Ф.А. Четвертая технологическая революция и новые смыслы глобальной политики России на горизонте 2035 года // Инновации. 2016. № 9 (215). С.3-6.
17. Независимая газета. Савицкая Н. Учебный курс «История религий» готов к масштабированию. URL: https://www.ng.ru/education/2024-03-13/8_8968_history.html (дата обращения: 25.07.2025).

Сведения об авторе:

©**Малышева Ольга Леонидовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Olgatuz@rambler.ru.

Information about the author:

©**Malysheva Olga Leonidovna** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department for Public Administration History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan e-mail: Olgatuz@rambler.ru.

А.Р. Тузиков, Р. И. Зинурова

ОЦЕНОЧНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Ключевые слова. Российская цивилизация, национальная гордость, патриотизм, гражданская идентичность, эмоциональный компонент сознания.

В статье приведен сравнительный анализ эмоционального компонента патриотического сознания современной молодежи на основе результатов авторской социологических исследований 2021 и 2024 годов. Данные коррелируют с результатами общероссийских опросов, фиксирующих тренд роста чувства гордости за нашу страну в различных группах населения России. Однозначно среди событий в истории страны, вызывающих самое сильное чувство гордости, лидируют военные победы в Великой Отечественной 1941-1945 гг. (91 %). Что касается культуры, то приоритетом при оценке чувства гордости у студентов являются достижения в области литературы (92 %) и достижения в области музыкального искусства (89,9 %). Герой номер один для молодежи Ю.А. Гагарин. Его полет в космос как объект гордости выбрали 91,1 % респондентов. Проявляет себя тренд, что среди объектов гордости за страну более выражены прошлые достижения и герои прошлого. В соответствии с авторским подходом, патриотическое сознание включает в себя, помимо прочего и эмоциональный компонент проявляющейся в гордости за страну и народ, достижениям, а также отношении к символам страны и символическим датам, и героям (выдающимся деятелям) в истории страны. Гордость за Родину – это чувство положительного отношения к достижениям и успехам своей страны, ее истории, культуре, науке и искусству. Значительным эмоциональным компонентом патриотизма являются чувства, которые проявляются у студенческой молодежи по отношению к историческим процессам и событиям в нашей стране. Исследование показывает, что у студентов недостаточно сформирован позитивный образ новейшего периода развития России. Это необходимо учитывать в работе образовательных организаций и организаций, ответственных за работу с молодежью.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova

EVALUATION MODALITY OF STUDENTS' PATRIOTIC CONSCIOUSNESS: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECT (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Key words. Russian civilization, national pride, patriotism, civic identity, emotional component of consciousness.

The article provides a comparative analysis of the emotional component of the patriotic consciousness of modern youth based on the results of the author's sociological research in 2021 and 2024. The data correlates with the results of all-Russian surveys, recording a trend of growing feelings of pride for our country in various groups of the Russian population. Definitely among the events in the history of the country that evoke the strongest sense of pride, the military victories in the Great Patriotic War of 1941-1945 are in the lead (91 %). As for culture, the priority in assessing the sense of pride among students is achievements in literature (92 %) and achievements in the field of musical art (89.9 %). The number one hero for young people is Yuri Gagarin. His flight into space was chosen as an object of pride by 91.1 % of respondents. A trend is emerging that among objects of pride for the country, past achievements and heroes of the past are more pronounced. According to the author's approach, patriotic consciousness includes, among other things, an emotional component manifested in pride for the country and people, achievements, as well as an attitude towards the country's symbols and symbolic dates, and heroes (outstanding figures) in the country's history. Pride for the Motherland means strong positive feelings towards the achievements and successes of one's country, its history, culture, science and art. A significant emotional component of patriotism are feelings that students have towards historical processes and events in our country. The study shows that students do not have a sufficiently formed positive image of the latest period of Russia's development. This must be considered in the work of educational organizations and organizations responsible for working with youth.

Гордость за страну как социологическая проблема связана с изучением гражданской идентичности и влияния различных факторов на чувство гордости за достижения страны. Мы проанализировали ряд исследований, посвящённых этой проблеме.

В исследовании М. С. Фабрикант и В. С. Магуна представлен анализ выраженности видов национальной гордости в зависимости от территориальной и государственной принадлежности респондентов, а также влияние на неё страновых и индивидуальных факторов. Авторы предположили, что существуют два вида гордости страной: рациональная и нормативная. Рациональная формируется как результат последовательной обработки объективной информации о положении дел в стране, нормативная возникает в готовом виде – как результат индоктринации [1].

Особенности проявления чувства гордости россиян за достижения современной России в политике, экономике, науке, спорте, искусстве и литературе, истории наглядно проанализировала К. В. Ракова. Ее исследование показало, что большинство населения России испытывает сильное чувство гордости за культурное наследие и историю страны, а также за её достижения в области искусства и литературы, спорта и паралимпийского спорта [2].

Р. С. Мухаметов изучил вопрос, почему одни граждане больше гордятся своей страной, чем другие, и различаются ли источники национальной гордости. Автор исследовал влияние новостного контента и угрозы военных действий на общую национальную гордость. Результатом стал тезис о том, что обеспокоенность граждан внешней угрозой увеличивает степень гордости [3].

Изучение национальной гордости имеет важное практическое значение, так как понимание факторов, которые способствуют формированию отношения граждан к своей стране, помогает государственным учреждениям выбирать наиболее эффективные инструменты коммуникации [4-6].

В последнее время отечественные социологические службы фиксируют тренд роста чувства гордости за нашу страну в различных группах населения России. Как отмечает ВЦИОМ (опрос 2023 года), «этот тренд восходящий и сейчас более $\frac{3}{4}$ населения России гордятся своей страной. И с учетом того, что с 2014 года относительное благосостояние россиян (вследствие санкций) не особо изменилось в лучшую сторону, можно утверждать, что гордость за страну у жителей России не связана с кошельком и личным благополучием. Большая

часть жителей страны, как и их предки, гордятся «не деньгами», а осознанием правильности выбранного страной пути. На котором они готовы терпеть и трудности» [7].

В соответствии с авторским подходом, патриотическое сознание включает в себя, помимо прочего и эмоциональный компонент проявляющейся в гордости за страну и народ, достижениям, а также отношении к символам страны и символическим датам, и героям (выдающимся деятелям) в истории страны. Гордость за Родину – это чувство положительного отношения к достижениям и успехам своей страны, ее истории, культуре, науке и искусству [8-10].

Значительным эмоциональным компонентом патриотизма являются чувства, которые проявляются у студенческой молодежи по отношению к историческим процессам и событиям в нашей стране.

Респондентам было предложено оценить целый ряд событий, представленный в виде матрицы, которая одновременно зрительно присутствует перед ними и дает возможность выбора сравнения и выбора предложенных ответов.

Чувство гордости разной степени вызвали следующие события и достижения в истории нашей страны (рис. 1-5).

Однозначно среди событий и достижений в истории страны, вызывающих самое сильное чувство гордости, лидируют военные победы в Великой Отечественной 1941-1945 гг. (91 %) и в Первой Отечественной 1812-1813 гг. (88 %) войнах, а также дружба и сотрудничество разных народов, населяющих Россию (86 %); освоение огромной территории, богатой природными ресурсами от Балтики и Черного моря до Тихого океана (84 %) и построение сильного независимого государства (83 %).

Несмотря на противоречивые нюансы в ответах (о создании СССР и распаде СССР), стоит подчеркнуть, что создание СССР также продолжает вызывать гордость (в 2021 году – 53,5 %, в 2024 году – 62 %).

Мы склонны связывать этот факт с постоянным стремлением к разрушению образа СССР как носителя научных, технических, политических достижений в информационном пространстве и широко распространяемых в общественном дискурсе оценочных позиций лидеров общественного мнения в молодежной среде. Однако объективных фактов, подтверждающих достижения советской эпохи, меньше не становится, как и медийных конструктов, вызывающих ностальгию и позитивную мифологию СССР. Студенческая молодежь, как наиболее образованная и думающая часть молодежи в целом, продолжает критически оценивать прогрессивное развитие советской экономики.

Рис. 1 – Оценка респондентами достижения «Освоение огромной территории, богатой природными ресурсами от Балтики и Черного моря до Тихого океана»

Рис. 2 – Оценка респондентами достижения «Построение сильного независимого государства»

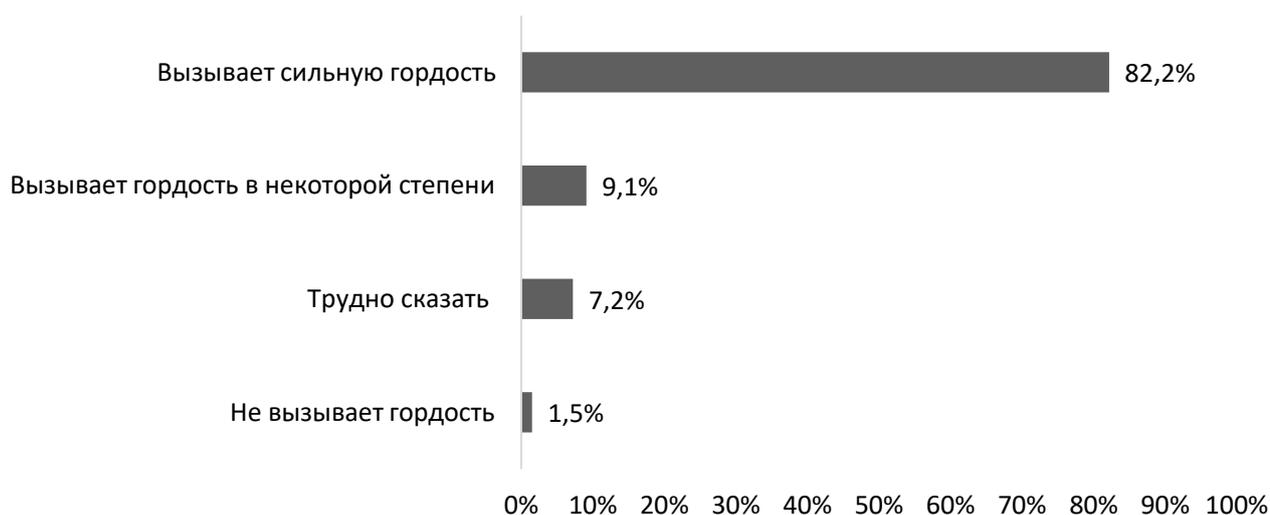

Рис. 3 – Оценка респондентами Победы в Великой Отечественной войне

Рис. 4 – Оценка респондентами события «Создание СССР»

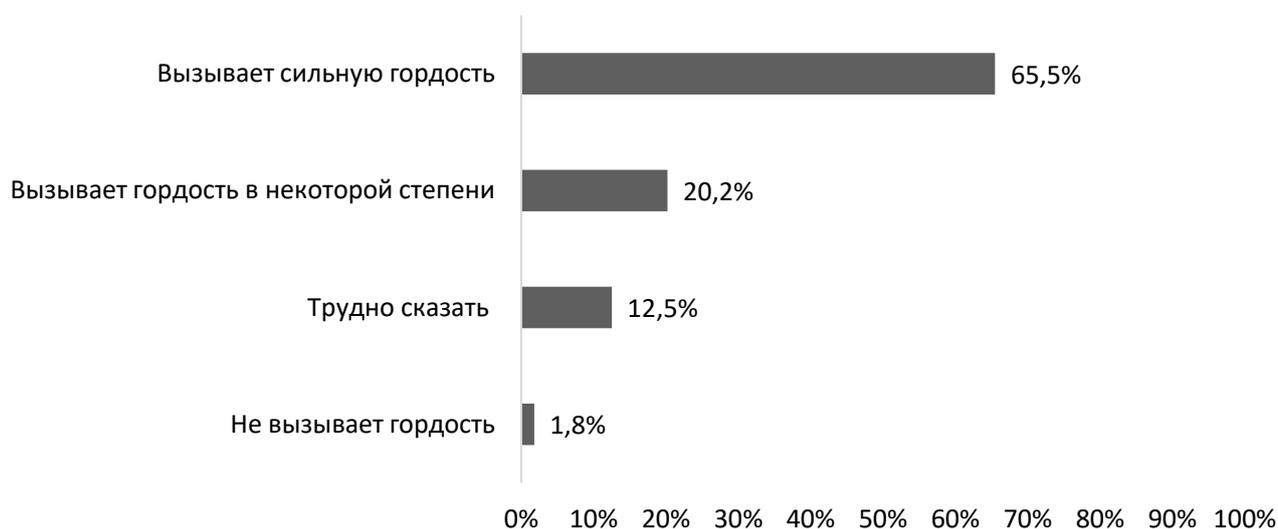

Рис. 5 – Оценка респондентами достижения «Дружба и сотрудничество разных народов, населяющих Россию»

Эмоциональный компонент патриотического сознания также определяется чувствами, которые молодое поколение испытывает по отношению к культуре своего Отечества.

Культура как ключевая ценность Российской Федерации поддерживается и охраняется государством, что отражено в статье 68 Основного закона РФ – Конституции. Культура в России является уникальным наследием ее многонационального народа. Общероссийская культура объединяет людей, обеспечивает целостность общества.

Неслучайно в последние 3 года западные страны активно лоббируют стремление к «отмене российской культуры». Начиная с 2022 года разразился гул призывов к ее отмене, которые громко зазвучали на Западе. Самые осто-

рожные и враждебные из зарубежных институций принялись убирать имеющие отношение к России постановки и фильмы из программ, самые радикальные из западных политиков требовали и вовсе вывести любые достижения отечественных писателей, драматургов и композиторов из публичного поля – даже если их авторы творили столетия назад. Пресловутая культура отмены практически превращается в отмену культуры.

Однако, русская культура по-прежнему существует на площадках даже недружественных стран. Общероссийская культура продемонстрировала абсолютную устойчивость: проводятся музыкальные фестивали, посвященные шедеврам Чайковского, Рахманинова, Шостаковича и многих других композиторов. Продолжа-

ются постановки по сценариям Чехова, снимаются фильмы по произведениям Достоевского, Толстого и других авторов. Новость об отмене Федора Достоевского быстро разлетелась по миру после того, как университет Милана в марте 2022-го решил отказаться от факультатива по произведениям русского классика, но, понимая абсурдность культуры отмены общечеловеческих ценностей, это решение отменили.

На наш взгляд, именно преемственность в передаче значимых культурных образцов от поколения к поколению сохраняет общие патриотические взгляды российских граждан и патриотического мировоззрения молодого поколения в том числе.

Распределение ответов респондентов из числа студенческой молодежи по оценке различных проявлений культуры нашей страны представлено в виде графических диаграмм на рисунках 6-10. Оценка отражает выраженность чувства гордости, которые при этом испытывают студенты. Абсолютным приоритетом при оценке чувства гордости у студентов являются культурные достижения в области литературы (92 %) и достижения в области музыкального искусства (89,9 %), а также полет в космос Ю. А. Гагарина (91,1 %).

Рис. 6 – Оценка респондентами достижения «Высокий уровень развития литературы»

Рис. 7 – Оценка респондентами события достижения «Способность предъявлять миру и отстаивать большие идеи и проекты»

Рис. 8 – Оценка респондентами достижения «Победы в области спорта»

Рис. 9 – Оценка респондентами события «Полет в космос Ю. Гагарина»

Рис. 10 – Оценка респондентами достижения «Овладение атомной энергией»

Значение полета Ю. А. Гагарина – как достояния страны уже давно перешло границы только научно-технического достижения. Гагарин – имя, которое знает весь мир. Характеристики его личности символизируют лучшие черты российского, тогда советского человека. Социально-психологический портрет первого космонавта включал такие черты как героика, воля к победе, дух соревнования, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива, чистосердечен, чист душой и телом... Любимое его слово – «работать». Каждый из шести кандидатов мог стать первым. Но у Гагарина, кроме воли и отличной физической формы, было еще кое-что – обаятельная и лучезарная улыбка. Но тогдашние «имиджмейкеры» поняли, насколько важен этот штрих. И не прогадали. Гагаринская открытая и обезоруживающая улыбка стала фирменным знаком нашей страны, одним из ее символов. Поэтому в нашем «рейтинге гордости» не плакатный, но жизненный образ Юры Гагарина, на деле доказавший готовность посвятить себя служению Отечеству, стал кумиром для студенческой молодежи. Полёт Гагарина – важнейший социокультурный феномен XX века.

Следующие позиции в оценке чувства гордости у студентов заняли: овладение атомной энергией (84,3 %), научные достижения в 50-80-е годы XX века (85,3 %), духовное богатство народов России (86,3 %). В последнее время появилось много документальных и художественных фильмов, раскрывающих эти темы. На наш взгляд, это приведет к росту информированности и более высоким эмоциональным оценкам данных достижений в истории нашей Родины.

Наименьшую гордость в процентном отношении (это не означает, что таких большин-

ство) вызвали «достижения в области образования (ликвидация неграмотности и т.п.)» и «способность предъявлять миру и отстаивать «Большие идеи-проекты» (религиозного, политического, социального характера)». Видимо, студенты переносят проблемы сегодняшнего образования на прошлое и несколько разочарованы отсутствием «больших» идей проектного характера в настоящем России.

Важность преемственности в «ощущении страны» не вызывает сомнений, но не менее важно чтобы молодежь гордилась и настоящим своей страны. В рейтинге объектов гордости в современной России на первых местах: 1) наследие предков (Победа в Великой Отечественной войне и территория); 2) дружба и сотрудничество народов России; 3) достижения культуры (литература, музыка, спорт), 4) научные достижения (в том числе космос); 5) построение сильного и независимого государства. Рассмотрим подробнее представленные позиции.

Абсолютно приоритетное место в оценке современной России заняла гордость за дедов и прадедов, победивших в Великой Отечественной войне (91,3 %). Надо отметить, что это не оценка прошлого, а транслируемая в семейной и общественной системе ценностей роль победителей. Неслучайно, что сегодня идеологическая, добровольческая поддержка боевых действий на новых территориях проходит под девизом «Победа будет за нами». Сравнительный анализ данного ответа в исследовании 2021 и 2024 года показал, что оценка студенческой молодежью чувства гордости за дедов и прадедов, победивших в Великой Отечественной войне, выросла (если в 2021 г. она составила – 86,2 %, то в 2024 – 91,3 %) (рис. 11).

Рис. 11 – Гордость респондентов за предков, победивших в войне

На втором месте в рейтинге современной студенческой молодежи находятся достижения в области науки (87,4 %). Еще раз напомним, что студенчество сегодня получает самые актуальные знания в области научных разработок и даже участвует в них. Так, например, федеральная программа по развитию высшего образования «Приоритет – 2030» ставит своей целью формирование в России более 100 прогрессивных современных университетов – центров научно-технологического и социально-экономического развития страны. Университеты возьмут на себя роль лидеров в создании нового научного знания, технологий и разработок для внедрения в российскую экономику и социальную сферу. Выпускники российских университетов уже на пути формирования навыков и умений, необходимых для стремительного научно-технологического прогресса. Поэтому научные достижения современной России, о которых не понаслышке знают современные студенты, получили столь высокую оценку в рейтинге гордости.

На третье лидерское место вышла оценка достижений в области спорта (87,4 %). Последнее десятилетие в России можно охарактеризовать как расцвет спортивных событий международного и всероссийского уровня. Во многих регионах создана спортивная инфраструктура, позволяющая студенческой молодежи активно тренироваться и добиваться успехов в соревнованиях разного профиля. Студенческий спорт – часть спорта, направленная на физическое воспитание и физическую подготовку обучающихся в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, их подготовку к участию и участие в физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях, в том числе в официальных физкультурных и спортивных мероприятиях. Студенческие соревнования проходят в формате Универсиады – это молодой спортивный «родственник» Олимпийских игр. Россия принимала летние Универсиады в 1973 (Москва) и 2013 (Казань), зимнюю Универсиаду в 2019 (Красноярск).

Отметим, что в сравнении с 2021 годом уровень эмоционального компонента патриотического сознания по ряду оценок вырос. Так, построение сильного независимого государства в качестве объекта гордости в 2021 году выбрали треть опрошенных (36,9 %). События последних трех лет явно показали, что слабые как в экономическом,

так и военном смысле страны, подвержены постоянному давлению и санкциям. Это ухудшает качество жизни населения и социальные программы в слабых странах. Поэтому молодое поколение реально осознает, что независимость государства – это залог их благополучия, что проявилось в росте оценки сильного независимого государства.

Эмоциональный компонент патриотического сознания складывается также из отношения к символам страны и символическим датам страны, восприятие их как значимых для себя.

Для жителей нашей страны, как бы она не называлась, 9 Мая остается одним из самых значительных событий в жизни их семьи. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой!» [11], – эти слова Евгения Аграновича, запомнившиеся по художественному фильму «Офицеры», не канули в историю. Каждый год потомки солдат Великой Отечественной войны поднимают над собой портреты своих родных, не вернувшихся с войны, и гордо несут по улицам нашей страны. Сейчас в летописи Бессмертного полка их число достигло более миллиона человек.

Для 78,4 % опрошенных студентов праздник Победы – самый главный в жизни, и лишь 4,1 % с этим не согласны, а у 17,5 % нет однозначного ответа на этот вопрос (рис. 12).

Сравнение с 2021 годом (70 % праздник Победы – самый главный в жизни для студентов) показывает, что доля позитивной оценки продолжает расти.

Сейчас сделана попытка превратить Победу в орудие политической риторики. Так, в Европе Днем Победы признана дата 8 мая, 2 сентября – День Победы над Японией и другие даты. Тем не менее в западных странах 9 мая проходят памятные мероприятия по случаю Дня Победы по инициативе граждан, общественных организаций, в которых принимают участие жители бывших советских республик. Думаем, что дальнейшее отношение к символической дате – 9 мая будет зависеть от содержания нового курса «История» и «Основы российской государственности» в образовательные программы высших учебных заведений, и что еще более важно от квалифицированного преподавания курсов специалистами, разделяющими общегражданские патриотические ценности российского общества.

Рис. 12 – Согласие респондента с утверждением « Праздник 9 мая (День Победы) – для меня самый главный праздник»

Таким образом, по результатам проведенных исследований, сделаем следующие выводы:

– Среди объектов гордости за страну отмечается большая выраженность прошлых достижений и героев прошлого

– Однозначно среди событий в истории страны, вызывающих самое сильное чувство гордости, лидируют военные победы в Великой Отечественной 1941-1945 гг. (91 %).

– Что касается культуры, то приоритетом при оценке чувства гордости у студентов являются достижения в области литературы (92 %) и достижения в области музыкального искусства (89,9 %).

– Герой номер один для молодежи Ю. А. Гагарин. Его полет в космос как объект гордости выбрали 91,1 % респондентов.

– В современной России молодежь гордится: 1) наследием предков (Победа в Великой Отечественной войне и освоение обширной территории страны). Опять-таки исторический феномен; 2) дружбой и сотрудничеством народов России; 3) достижениями российской культуры (литература, музыка, спорт), 4) научными достижениями страны, в том числе в исследовании космоса; 5) построением сильного и независимого государства.

– Исследование показывает, что у студенческой молодежи недостаточно сформирован позитивный образ новейшего периода развития России. Не достаточно просматривается успешное формирование среди студенчества имиджей позитивных героев нашего времени. Именно это необходимо учитывать в работе образовательных организаций и организаций, ответственных за работу с молодежью.

Литература

1. НИУ ВШЭ. Гордость человека своей страной: индивидуальные и страновые детерминанты. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/expert/massconsc/news/173660130.html> (дата обращения: 29.07.2025).
2. Ракова К.В. Чувство гордости: россияне о достижениях современной России // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 4. С. 91-103.
3. Мухаметов Р.С. Почему граждане гордятся страной? // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 4. С. 20-37.
4. ВЦИОМ. Гордость России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (дата обращения: 29.07.2025).
5. Зинурова Р.И., Гаязова Э.Б., Тузиков А.Р. Нормативно-правовое регулирование молодежной политики. Казань, 2013.
6. Саенко Л.А., Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Алексеев С.А. Социальное самочувствие молодежи регионов России. Казань, 2017.

7. Ведомости. ВЦИОМ: 62 % россиян стали больше гордиться страной за последний год. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/22/967587-vtsiom-62-rossiyan-stali-bolshe-gorditsya-stranoi> (дата обращения: 29.07.2025).
8. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Институционализация новых коммуникационных и деятельностных цифровых форматов в работе с молодежью // Управление устойчивым развитием. 2021. № 3 (34). С. 56-62.
9. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. № 1 (20). С. 48-54.
10. Тузиков А.Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 63-68.
11. Культура. РФ. Агранович Е. От героев былых времен не осталось порой имен. URL: <https://www.culture.ru/poems/25807/ot-geroev-bylykh-vremen-ne-ostal-os-poroj-imen> (дата обращения: 29.07.2025).

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

С. А. Алексеев

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАНИ

Ключевые слова: молодежь, студенчество, патриотизм, локальный патриотизм, идентичность, локальная идентичность.

В настоящее время возрастает актуальность обращения к исследованиям локальной идентичности. Несмотря на то, что локальная идентичность лишь фрагмент в многослойной картине идентичностей, она играет важную роль в формировании гражданского общества и развитии местного самоуправления. Многие исследователи отмечают, что локальная идентичность тесно связана с еще одним социальным феноменом – локальным патриотизмом, и выступает основой для его формирования. В статье приводятся результаты изучения особенности формирования локального патриотизма в рамках теории идентичности на основе сравнения исследований студенческой молодежи проведенных в 2023 и 2025 годах. Исследования, проведенные в 2023 году, позволили выявить наличие у студенческой молодежи перспективной локальной идентичности. С точки зрения теории идентичности можно говорить о перспективной негативной локальной идентичности и перспективной позитивной локальной идентичности. Первая связана с негативной оценкой своего будущего как жителя населенного пункта, а вторая, наоборот, с позитивной оценкой своего будущего. Примечательно, что исследование выявило высокую долю иногородней молодежи с выраженной перспективной позитивной локальной идентичностью, относительно г. Казани. Сравнение результатов исследования показывают, что доля иногородних, которые определили себя как патриотов Казани несколько возросла. В 2023 году она составляла 61 %, а в 2025 году уже 72 %. При этом, согласно полученным результатам сегодня 96 % иногородних патриотов Казани указывают что гордятся тем, что живут в Казани, которая отличается своими самобытными традициями, обычаями и фольклором (в 2023 году таковых было 94 %), чувствуют себя частью Казани 93 % (в 2023 году – 83 %), 65 % испытывают удовлетворение, если их характеризуют как типичного жителя Казани (в 2023 году – 69 %). Таким образом, возрастает важность использования в управленческой практике феноменов перспективной локальной идентичности и локального патриотизма как значимых управленческих ресурсов, которые одновременно являются важными маркерами уровня развития, благополучия и привлекательности региона.

S. A. Alekseev

PECULIARITIES OF LOCAL IDENTITY AND LOCAL PATRIOTISM AMONG KAZAN STUDENT YOUTH

Keywords: youth, students, patriotism, local patriotism, identity, local identity.

Currently, the relevance of resorting to local identity research is increasing. Despite the fact that local identity is only a fragment in a multi-layered picture of identities, it plays an important role in the formation of civil society and the development of local self-government. Many researchers note that local identity is closely linked to another social phenomenon, local patriotism, and serves as the basis for its formation. The article presents the results of studying the specifics of the formation of local patriotism within the framework of identity theory based on a comparison of studies of student youth conducted in 2023 and 2025. Studies conducted in 2023 revealed the presence of a prospective local identity among students. From the point of view of identity theory, we can talk about prospective negative local identity and prospective positive local identity. The first is associated with a negative assessment of one's future as a resident of a locality, and the second, on the contrary, with a positive assessment of one's future. It is noteworthy that the study revealed a high proportion of out-of-town youth with a pronounced prospective positive local identity, relative to Kazan. A comparison of the research results shows that the proportion of nonresidents who identified themselves as Kazan patriots has increased slightly. In 2023, it was 61 %, and in 2025 it was 72 %. At the same time, according to the results obtained today, 96 % of Kazan's nonresident patriots indicate that they are proud to live in Kazan, which is distinguished by its distinctive traditions, customs and folklore (94 % in 2023), 93 % feel part of Kazan (83 % in 2023), 65 % are satisfied. if they are characterized as a typical resident of Kazan (in 2023 – 69 %). Thus, the importance of using the phenomena of prospective local identity and local patriotism as significant managerial resources in management practice increases, which at the same time are important markers of the level of development, well-being and attractiveness of the region.

В современных условиях, когда идеи глобализма утрачивают свою былую популярность, закономерным становится обращение к исследованиям локальной идентичности. Локальная идентичность как компонент социальной идентичности личности формируется в результате идентификации человека с общностью конкретного населенного пункта и определяется усвоением и воспроизводством символического капитала, норм, традиций и стиля жизни жителей этого населенного пункта [1]. Исследования локальной идентичности позволяют понять, как жители воспринимают и ощущают свою связь с территорией, в какой степени у них формируется чувство принадлежности к местному сообществу и как это обуславливает социальное взаимодействие и поведение. Несмотря на то, что локальная идентичность лишь фрагмент в многослойной картине идентичностей, она играет важную роль в формировании гражданского общества и развитии местного самоуправления. В структуре локальной идентичности можно выделить четыре компонента – эмоциональный, когнитивный, поведенческий, мотивационный. Эмоциональный компонент связан с отношением к населенному пункту, удовлетворенностью жизнью в нем, когнитивный компонент определяется знаниями о населенном пункте, сформированном у жителя образе и оценке населенного пункта, поведенческий компонент проявляется в готовности участвовать в улучшении жизни населенного пункта, а мотивационный компонент проявляется в желании быть жителем населенного пункта [2].

Многие исследователи отмечают, что локальная идентичность тесно связана с еще одним социальным феноменом – локальным патриотизмом, и выступает основой для его формирования. Здесь важно отметить, что общенациональный и локальный патриотизм взаимосвязаны и представляют собой два уровня патриотического сознания. Локальный патриотизм, основанный на образе Родины, первоначально связанном с местом рождения человека, а затем в процессе социализации переносимым на всю страну в целом, выступает необходимой базой для формирования общенационального патриотизма [3-6].

Так, например, А. А. Синютин отмечает, что культура населенного пункта в определенной степени обуславливает патриотическую социализацию, для которой активная гражданская позиция и вовлеченность в жизнь в месте собственного проживания выступает в качестве значимого компонента. Исследователь отмечает, что локальный патриотизм выступает в качестве важнейшего условия патриотического воспитания, так как служит основой формирования представления о малой Родине, а патриот своего населен-

ного пункта является в настоящее время необходимым типом личности, способной противостоять современным вызовам безопасности [7].

Однако для современной молодежи характерна высокая мобильность. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в 2024 году, среди представителей молодежи в возрасте 18-24 лет готовы переехать в Москву или Санкт-Петербург 33 %, в регион на юге России – 18 %, в северные регионы России – 15 %, в пределах своего региона – 15 %, в соседний регион – 14 %, в соседний город – 10 %. Аналогично и для представителей группы молодежи в возрасте 25-34 года. Переехать в Москву или Санкт-Петербург хотят 20 % опрошенных, в южный регион – 14 %, в северный регион – 9 %, в пределах своего региона – 5 %, в соседний регион – 6 %, в соседний город – 6 %. Среди факторов переезда лидирующее значение для молодежи в возрасте 18-24 лет имеют возможность получать более высокий доход (62 %), более широкие возможности для профессиональной и карьерной самореализации (66 %), близость к родным и друзьям (10 %), хороший климат и экологическая обстановка (12 %), более широкие возможности для проведения досуга (8 %). Если говорить о более старшей возрастной группе, то у представителей молодежи в возрасте 25-34 лет возрастает значимость таких факторов как хороший климат и экологическая обстановка (на это указывают 21 % опрошенных этой возрастной группы) и лучшее обеспечение социальной инфраструктурой (детскими садами, школами, поликлиниками (на это указали 14 % опрошенных в этой возрастной группе)). Значимость же остальных факторов снижается. Так, среди опрошенных в возрастной группе 25-34 лет на значимость таких факторов переезда как возможность получать более высокий доход указывают 54 % опрошенных, возможность для профессиональной и карьерной самореализации – 34 %, близость к родным и друзьям – 6 %, возможности для проведения досуга – 6 % [8].

Интерес представляет и исследование компании SuperJob которое было проведено в феврале 2005 года и охватило 8 млн соискателей, разместивших резюме в базе данных для поиска работы. Так выяснилось, что в целом по России готовы к изменению своего места жительства 16 % молодежи в возрасте от 18 до 24 лет. При этом меньше всего готова сменить свое место жительства молодежь из Москвы и Санкт-Петербурга. В этих городах готовы к переезду ради хорошего места работы 11 % и 13 % опрошенных соответственно. Молодежь из других регионов России более склонна к переездам. Так, готовы переехать 13 % молодежи Центрального федерального округа, 15 % молодежи Северо-Запад-

ного федерального округа, 21 % молодежи Приволжского федерального округа, 22 % молодежи Южного федерального округа, 18 % молодежи Уральского федерального округа, 21 % молодежи Сибирского федерального округа, 25 % молодежи Дальневосточного федерального округа [9].

Как видим, доля молодежи, готовой покинуть свой родной населенный пункт достаточно велика. С точки зрения теории идентичности, анализируя эту ситуацию, можно говорить о проявлениях перспективной негативной локальной идентичности и перспективной позитивной локальной идентичности. Первая связана с негативной оценкой своего будущего как жителя населенного пункта, а вторая, наоборот, с позитивной оценкой своего будущего [10].

Выявленные в социологических опросах тенденции указывают на важность использования в управленческой практике мероприятий, связанных с формированием перспективной позитивной локальной идентичности и локального патриотизма в молодежной среде [11].

В целях выявления особенностей формирования перспективной локальной идентичности и локального патриотизма нами в 2023 было проведено исследование студенческой молодежи г. Казани. Объем выборочной совокупности составил 400 человек [12]. Аналогичное исследование было проведено и в 2025 году.

При проведении исследований студенты условно делились на четыре группы: 1) казанцев, являющихся патриотами Казани; 2) казанцев, не являющихся патриотами Казани; 3) иногородних, являющихся патриотами Казани; 4) иногородних, не являющихся патриотами Казани.

Исследование выявило, что сохраняется тенденция связи проявления локального патриотизма и идентификации себя по месту жительства. По данным, полученным в 2023 году, 68 % опрошенных казанцев, являющихся патриотами своего города, идентифицировали себя по месту проживания. В 2025 году доля казанцев, являющихся патриотами своего города идентифицирующих себя как жителей города составила 67 %. Что касается казанцев, не проявляющих к своему городу патриотических чувств, то в 2023 году доля идентифицирующих себя по месту проживания среди них составляла 33 %, а в 2025 году – 27 %. Заметим, что доля иногородних, которые определили себя как патриотов Казани несколько возросла. В 2023 году она составляла 61 %, а в 2025 году уже 72 %. При этом в 2023 году идентифицировали себя по месту проживания 36 % представителей этой группы, а в 2025 году – 28 %. Среди не имеющих патриотического настроения по отношению к Казани в 2023 году идентифицировали себя по месту проживания

11 % представителей группы, в 2025 году – 13 % представителей группы.

Появление иногородних патриотов Казани ярко свидетельствует о возникновении перспективной позитивной локальной идентичности. Например, согласно полученным результатам, сегодня 96 % иногородних патриотов Казани указывают, что гордятся тем, что живут в Казани, которая отличается своими самобытными традициями, обычаями и фольклором (в 2023 году таковых было 94 %), чувствуют себя частью Казани 93 % (в 2023 году – 83 %), 65 % испытывают удовлетворение, если их характеризуют как типичного жителя Казани (в 2023 году – 69 %).

Исследование зафиксировало изменение в миграционных настроениях молодежи. Так, если в 2023 году среди студентов-казанцев никуда не хотели бы переехать из Казани 62 % опрошенных, то в 2025 году доля таковых снизилась до 55 %. При этом доля тех, кто не хотел бы переезжать из Казани среди ее патриотов фактически не снизилась (в 2023 году – 68 %, в 2025 году – 67 %). Среди иногородних студентов почти половина хотели бы остаться жить в Казани (в 2023 году – 48 %, в 2025 году – 50 %). Среди иногородних студентов считающих себя патриотами Казани доля тех, кто не хотел бы переезжать из Казани доля также практически не изменилась (в 2023 году – 62 %, в 2025 году – 61 %).

Причины привлекательности Казани как для местных жителей, так и для иногородних студентов понятны. Данные исследования проведенного в 2025 году незначительно отличаются от полученных в 2023 году. Так, в настоящее время среди причин привлекательности Казани ее жители выделяют ее богатое историческое и культурное наследие (75 %), развитую городскую инфраструктуру (75 %), разнообразные мероприятия и фестивали (60 %), хорошие зоны отдыха (60 %), высокий уровень образования и науки (45 %). Для иногородних студентов привлекательность Казани обеспечивается за счет развитой городской инфраструктуры (77 %), высокого уровня образования и науки (64 %), хороших зон отдыха (62 %), разнообразных мероприятий и фестивалей (59 %), богатого исторического и культурного наследия (49 %).

Исследование зафиксировало выявленное в 2023 году различие проявлений патриотизма у казанцев-патриотов и иногородних-патриотов Казани (см. таблицу), однако сами формы проявления патриотизма сохраняют относительную стабильность. Так, в настоящее время большинство казанцев-патриотов, говоря о проявлениях своего патриотизма, прежде всего указывают на свою гордость за достижения города (77 %), уважение к местным традициям и обычаям (73 %), гордость за историю города (63 %). Иногородние

патриоты Казани указывают на такие проявления своего патриотизма как уважение к местным традициям и обычаям (71 %), гордость за историю города (61 %). Доля же испытывающих гордость за достижения города у этой группы опрошенных по сравнению с казанцами-патриотами несколько ниже и составляет лишь 46 %, что связано с тем, что представители этой группы еще не обладают достаточной информацией об этом. В тоже время среди казанцев-патриотов больше указавших в качестве своего проявления патриотизма на предпочтение товаров и услуг, произведенных в Казани (30 %) и на участие в обсуждении городских проблем и выработки предложений по их решению (13 %). Среди иногородних патриотов Казани больше доли тех, кто видит проявление своего патриотизма в участии в городских мероприятиях и инициативах (26 %), в том числе и в мероприятиях по защите окружающей среды (11 %).

Полученные в ходе исследований данные показывают, что трансформируется отношение молодежи к участию в решении городских проблем. Так, если в 2023 году среди мероприятий, в которых готовы принять участие казанцы-патриоты Казани, лидировала помощь в реализации проектов по благоустройству города (45 %), организация акций и мероприятий по улучшению городской среды (32 %), привлечение внимания общественности к проблемам города, участие в работе местных органов власти и представление

интересов, работа с местными СМИ для освещения деятельности активистов и привлечения новых участников (27 %), то в 2025 году картина изменилась. Ведущую роль начинает играть такая форма участия в городской жизни, как участие в работе местных органов власти и представление интересов горожан (47 %). Также среди казанцев-патриотов Казани увеличилась доля тех, кто готов работать с местными СМИ для освещения деятельности активистов и привлечения новых участников (33 %). Готовность же непосредственно участвовать в деятельности по улучшению городской среды снизилась. Так, например, лишь 25 % опрошенных готовы в настоящее время организовывать акции и мероприятия по улучшению городской среды, а готовы оказывать помощь в реализации проектов по благоустройству города – 38 % опрошенных. В определенной степени такие результаты связаны с некоторым снижением количества подобных проектов.

Похожая ситуация наблюдается и при анализе ответов иногородних патриотов Казани. В 2023 году 53 % опрошенных представителей этой группы были готовы оказывать помощь в реализации проектов по благоустройству города, 42 % были готовы участвовать в организации акций и мероприятий по улучшению городской среды, 28 % были готовы участвовать в работе местных органов власти и представлении интересов горожан, 25 % были готовы содействовать в привлечении внимания общественности к проблемам города. По данным же опроса

Таблица – Направления проявления локального патриотизма по отношению к Казани у студенческой молодежи

Проявления локального патриотизма	Казанцы, охарактеризовавшие себя как патриоты Казани		Иногородние, охарактеризовавшие себя как патриоты Казани	
	2023 г.	2025 г.	2023 г.	2025 г.
Гордость за достижения города	77 %	77 %	44 %	46 %
Уважения к местным традициям и обычаям	68 %	73 %	67 %	71 %
Гордость за историю города	59 %	63 %	56 %	61 %
Заботе о культурном наследии	36 %	34 %	39 %	35 %
Предпочтении товаров и услуг, произведенных в Казани	27 %	30 %	14 %	18 %
Участие в обсуждении городских проблем и предложений по их решению	14 %	13 %	3 %	8 %
Участие в городских мероприятиях и инициативах	9 %	14 %	22 %	26 %
Участие в мероприятиях по защите окружающей среды	5 %	7 %	14 %	11 %

2025 года готовы участвовать в организации акций и мероприятий по улучшению городской среды 50 % опрошенных, 36 % опрошенных готовы оказывать помощь в реализации проектов по благоустройству города. Доли же тех, кто готов привлекать внимание общественности к проблемам города, участвовать в работе местных органов власти и представлять интересы горожан

среди иногородних патриотов Казани составили по 32 % опрошенных.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что вопросы, связанные формированием перспективной позитивной локальной идентичности и локального патриотизма в молодежной среде имеют не только научный теоретический интерес, но и важны в практике реализации молодежной политики.

Литература

1. Дягилева Н.С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54-59.
2. Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 135-139. DOI 10.15688/jvolsu7.2016.4.15. EDN XSBWQJ.
3. Китаева П.В., Маленова А.Ю. Приверженность и городская идентичность как факторы патриотизма омской молодежи // Молодежь XXI века: проблемы и решения: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 27-28 февраля 2024 года. Омск: Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 2024. С. 458-463. EDN DUKYCK.
4. Тузиков А.Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 63-68.
5. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. № 3 (16). С. 45-49.
6. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования // Управление устойчивым развитием. 2019. № 1 (20). С. 48-54.
7. Синютин А.А. Городской патриотизм как феномен культуры и социума // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 6. С. 264-273. DOI 10.17213/2075-2067-2024-6-264-272. EDN DNGEVQ.
8. ВЦИОМ. Поедем — поработаем? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poedem-porabotaem> (дата обращения: 14.07.2025).
9. SuperJob. Чем дальше регион от столицы, тем чаще молодежь готова к переезду ради работы. URL: <https://kazan.superjob.ru/pro/6137/5> (дата обращения: 14.07.2025).
10. Щукина Р.И., Вяткина Н.В. Региональный патриотизм как фактор развития территории // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 3 (93). С. 103-109.
11. Санникова О.В. Кризис городской идентичности: амбивалентность ценностных оснований и социальных перспектив // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31. № 4. С. 365-371.
12. Алексеев С.А. Локальная идентичность и локальный патриотизм студенческой молодежи Казани // Управление устойчивым развитием. 2023. № 6 (49). С. 51-55. DOI 10.55421/2499992X_2023_6_51. EDN VWLTTV.

Сведения об авторе:

©Алексеев Сергей Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: alekseyev75@mail.ru.

Information about the author:

©Alekseev Sergey Anatolevich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: alekseyev75@mail.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.134

DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_95

Р. Р. Талипов, Ф. Т. Шагеева**ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ К ТРЕНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Ключевые слова: учитель физической культуры, тренерская деятельность, компоненты, педагогические условия, профессиональная подготовка.

В статье раскрываются особенности тренерской деятельности учителя физической культуры в условиях общеобразовательной школы. Отмечается, что современные изменения в системе образования, создание школьных спортивных клубов и лиг повышают требования к профессиональной подготовке учителей физической культуры, совмещающих педагогическую и тренерскую работу. Тренерскую деятельность учителя физической культуры в СОШ можно выделить и рассматривать как самостоятельный вид профессионально-педагогической деятельности. Она имеет свою специфику и свои особенности, которые отличают ее от профессионально-педагогической деятельности, как учителя физической культуры, так и тренера по конкретному виду спорта. Поэтому отмечается актуальность и значимость специальной подготовки учителя физической культуры к тренерской деятельности. Проведен сравнительный анализ функций учителя физической культуры, тренера по виду спорта и учителя, выполняющего тренерскую деятельность, что позволяет выделить специфику последнего как самостоятельного вида профессионально-педагогической деятельности. Определены ключевые компоненты тренерской деятельности (диагностический, познавательно-творческий, информационно-коммуникационный, аналитико-оценочный), а также педагогические условия, необходимые для эффективной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в системе дополнительного профессионального образования. Подчеркивается важность интеграции теории и практики, разнообразия методов обучения, организации самостоятельной работы и постоянного мониторинга профессиональной подготовки. Выявленные в результате анализа научной и методической литературы, а также педагогической практики педагогические условия такой подготовки пройдут экспериментальную апробацию в условиях системы дополнительного образования вуза.

R. R. Talipov, F. T. Shageeva**PREPARING A PHYSICAL EDUCATION TEACHER FOR COACHING ACTIVITIES
AT A SECONDARY SCHOOL**

Keywords: physical education teacher, coaching activities, components, pedagogical conditions, professional training.

The article reveals the features of the coaching activity of a physical education teacher in a comprehensive school. It is noted that modern changes in the education system, the creation of school sports clubs and leagues increase the requirements for the professional training of physical education teachers who combine teaching and coaching work. The coaching activity of a physical education teacher in a comprehensive school can be distinguished and considered as an independent type of professional and pedagogical activity. It has its own specifics and its own characteristics that distinguish it from the professional and pedagogical activity of both a physical education teacher and a coach in a particular sport. Therefore, the relevance and importance of special training of a physical education teacher for coaching is noted. A comparative analysis of the functions of a physical education teacher, a sport coach and a teacher performing coaching activities is carried out, which makes it possible to highlight the specifics of the latter as an independent type of professional and pedagogical activity. The key components of coaching activity (diagnostic, cognitive and creative, information and communication, analytical and evaluative) are determined, as well as the pedagogical conditions necessary for the effective preparation of physical education teachers for coaching activities in the system of additional professional education. The importance of integrating theory and practice, diversity of teaching methods, organization of independent work and continuous monitoring of professional training is emphasized. The pedagogical conditions of such training, identified as a result of the analysis of scientific and methodological literature, as well as pedagogical practice, will undergo experimental testing in the conditions of the university's additional education system.

В настоящее время к трудовой деятельности учителей физической культуры предъявляются всё более высокие требования. Это связано как с глобальными изменениями в сфере образования, так и с растущей ролью спорта в воспитании и социализации подрастающего поколения [1-4]. Формирование школьных спортивных клубов, проведение школьных лиг и соревнований различного уровня обуславливают необходимость совмещения учителем физической культуры двух профессиональных функций: преподавателя учебного предмета и тренера спортивных секций, поэтому наряду с основной деятельностью учителя не менее важным становится и его тренерская деятельность, что делает актуальной необходимость целенаправленной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в общеобразовательной школе [5-8].

Однако, не всегда базовое образование позволяет получить достаточные знания и навыки для успешной тренерской деятельности.

В этом случае, дополнительное профессиональное образование может выступить одним из вариантов решения этой проблемы.

Для эффективной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в средней общеобразовательной школе (СОШ) в условиях дополнительного профессионального образования изначально нужно определить особенности данной деятельности, выявить ее компоненты и педагогические условия подготовки.

Анализ научной и методической литературы, а также педагогической практики показывает, что тренерская деятельность учителя физической культуры в СОШ имеет ярко выраженные особенности и может рассматриваться как самостоятельный вид профессионально-педагогической деятельности.

Ключевые отличия тренерской работы учителя физической культуры по сравнению с деятельностью тренера по виду спорта и учителя физической культуры представлены в таблице.

Таблица – Сравнительная характеристика профессионально-педагогической деятельности учителя физической культуры; учителя физической культуры, осуществляющего тренерскую деятельность, и тренера по виду спорта

№ пп	Учитель физической культуры	Тренер по виду спорта	Учитель физической культуры, осуществляющий тренерскую деятельность
1.	создает условия для овладения учащимися основами физической культуры в процессе освоения школьной программы по учебному предмету «Физическая культура»	создает условия для подготовки спортсменов высших разрядов	создает условия для физического, умственного и социального развития личности посредством участия в определенном виде спорта
2.	формирует у учащихся систему знаний и ценностей о физической культуре	формирует у спортсменов глубокие и разносторонние знания о спорте в целом и конкретном виде спорта	формирует у учащихся представление о спорте в целом и о конкретном виде спорта, по которому осуществляется тренерская деятельность
3.	формирует ценностное отношение к физической культуре	формирует отношение к спорту как к одной из наиболее важных жизненных ценностей и мотивацию к достижению высоких спортивных результатов	формирует ценностное отношение и устойчивую мотивацию к занятиям конкретным видом спорта
4.	формирует знания, практические умения и навыки в области гигиены и здорового образа жизни	добровольность контакта, которая позволяет спортсмену менять тренера	формирует у учащихся навыки спортивной тренировки и опыт соревновательной деятельности
5.	укрепляет физическое и психическое здоровье учащихся	совершенствует навыки спортивной тренировки, обеспечивающие освоение технически сложных элементов	развивает двигательные способности до уровня более высокого, чем на уроках физической культуры
6.		способствует приобретению спортсменами богатого опыта соревновательной деятельности	способствует достижению учащимися субъективно значимых спортивных результатов

По таблице мы можем видеть, что цель учителя физической культуры заключается в воспитании здоровой, гармонично развитой личности в процессе занятий определенным видом спорта. Для достижения данной цели ему необходимо решение таких задач, как: формирование у занимающихся детей представления в целом о спорте и об определенном виде спорта, по которому, непосредственно, осуществляется его тренерская деятельность; воспитание и совершенствование двигательных качеств и способностей до более высокого уровня, чем на уроках физической культуры; формирование ценностного отношения и устойчивой мотивации к занятиям определенным видом спорта; способствование достижения занимающимися субъективно значимых спортивных результатов.

Таким образом, можно выделить следующие особенности тренерской деятельности учителя физической культуры в СОШ:

- неоднородность группы: в спортивных секциях СОШ одновременно могут заниматься дети разного возраста и уровня подготовленности, что требует от учителя высокой гибкости в организации занятий и индивидуального подхода к каждому ученику.

- ограниченные ресурсы: по сравнению со специализированными спортивными школами, учитель в СОШ работает в условиях более высокой численности групп, недостаточного оборудования или отсутствия специализированной базы.

- совмещение функций: учитель физической культуры одновременно выполняет задачи образовательной программы и тренерские функции, направленные на подготовку школьников к соревнованиям и развитию их спортивных навыков.

- результативность учителя, осуществляющего тренерскую деятельность в СОШ, определяется и зависит как от общего уровня физического и личностного развития занимающихся в спортивной секции, так и от их спортивных результатов.

Также, опираясь на существующие современные представления о структуре и содержании педагогической деятельности и исследовательские работы, посвященные тренерской деятельности [9-11], а также на основе собственного педагогического опыта и наблюдений, нами были определены ключевые компоненты тренерской деятельности учителя физической культуры в СОШ:

- диагностический, то есть умение проводить диагностику физического состояния и уровня подготовки учащихся, выявлять их спортивные склонности и возможности;

- познавательно-творческий: способность разрабатывать авторские программы тренировок, адаптировать существующие методики под особенности школьного контингента;

- информационно-коммуникационный, включающий владение современными средствами коммуникации и обучения, умение эффективно взаимодействовать с детьми, родителями и коллегами;

- аналитико-оценочный: навыки анализа результатов тренировочного процесса, способность к объективной оценке спортивных достижений учащихся и внесению корректировок в методику работы.

Анализ научной и методической литературы показал важность создания определенных педагогических условий для эффективной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности. Исследования подчеркивают, что успешная подготовка специалистов требует интеграции образовательных и воспитательных задач, применения разнообразных методов и средств обучения, а также активного вовлечения в самостоятельную деятельность [12-15].

На основе анализа научно-методической литературы нами были выделены следующие основные педагогические условия подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности:

1. Интеграция теории и практики. Акцент на практико-ориентированном подходе. Теория должна даваться через призму реальных задач, с которыми сталкиваются учителя в тренерской работе в СОШ. Теоретические знания должны быть адаптированы к конкретным условиям работы учителя в школе (ограниченное время, особенности контингента учащихся, доступное оборудование). Важно включать анализ конкретных ситуаций, разбор тренировочных планов, моделирование тренировочных процессов.

2. Разнообразие методов и средств обучения. Выбор методов и средств, соответствующих потребностям и стилям обучения взрослых. Предоставление возможности выбора темпов и форм обучения, учитывая занятость и индивидуальные предпочтения учителей.

3. Создание условий для самостоятельной работы. Совершенствование навыков самообразования и саморазвития. Развитие умения анализировать свою тренерскую деятельность, выявлять проблемные зоны и находить пути их решения.

4. Мониторинг и оценка подготовки. Не только мониторинг и оценка, но и обеспечение обратной связи и корректировка процесса обу-

чения. Важно, чтобы учителя получали конструктивную критику и рекомендации по улучшению своей работы. Оценка должна быть ориентирована на практическое применение знаний и навыков в реальных условиях работы.

Таким образом, тренерскую деятельность учителя физической культуры в СОШ можно выделить и рассматривать как самостоятельный вид профессионально-педагогической деятельности. Она имеет свою специфику и свои особенности, которые отличают ее от профессионально-педагогической деятельности, как учи-

теля физической культуры, так и тренера по конкретному виду спорта. Поэтому отмечается актуальность и значимость специальной подготовки учителя физической культуры к тренерской деятельности. Однако, успешная реализация данной подготовки требует глубокого понимания структуры и содержания педагогической деятельности, а также выявления ключевых компонентов и педагогических условий. Выявленные нами в результате анализа педагогические условия такой подготовки пройдут экспериментальную апробацию в условиях системы дополнительного образования вуза.

Литература

1. Атаханов Р. Методологические подходы к анализу содержания и структуры профессиональной педагогической деятельности // Психолого-педагогические проблемы образования. 2016. № 5. С. 100-105.
2. Багаутдинов З.М. Педагогические условия подготовки учителя физической культуры к профессиональной деятельности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2010. № 4. С. 94-98.
3. Гордеева К.С., Ермолаева Е.Л. Компоненты педагогической деятельности преподавателя физической культуры // Научно-практический журнал «Трибуна ученого». 2021. № 11. С. 304-308.
4. Ямбаева Н.В. Профессиональная деятельность учителя физической культуры в образовательном процессе // Физическая культура, спорт и здоровье: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 2018. С. 115-118.
5. Абакуменко Д.Ю., Скляр М.С. Компоненты готовности будущих специалистов в области физической культуры и спорта к тренерской деятельности // Гуманитарно-педагогическое образование. 2022. № 1. С. 49-52.
6. Воскресенко О.А., Юскаев И.И. Проблема готовности будущего учителя физической культуры к тренерской деятельности в общеобразовательной организации // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 4. С. 79-81.
7. Трофимов О.Б., Беккер И.Л. Подготовка будущих учителей физической культуры к тренерской деятельности на примере спортивной гимнастики // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 821-826.
8. Ямбаева Н.М. Педагогические условия реализации модели формирования готовности учителей физической культуры к организации соревновательной деятельности обучающихся // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5. С. 174-180.
9. Баранов В.Н., Сафонов Л.В., Шустин Б.Н., Горелов А.А. Структурно-тематический анализ диссертационных исследований, защищенных в 2020 г. по научной специальности 13.00.04 «теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры» // Вестник спортивной науки. 2022. № 3. С. 64-67.
10. Шустин Б.Н., Горелов А.А. Анализ диссертаций по специальности 13.00.04 и перспективы развития научных исследований в сфере физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2020. № 2. С. 99-100.
11. Шустин Б.Н., Сафонов Л.В., Горелов А.А. Тематика диссертаций, защищенных в 2018-2022 гг. по вопросам физической культуры и профессионально-прикладной физической подготовки // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 6 (220). С. 478-482.
12. Горелов А.А., Румба О.Г., Сысоев А.В. Профессиональное физкультурное образование в контексте новой научной специальности 5.8.7 - методология и технологии профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2023. № 2. С. 25-35.
13. Горелов А.А., Манжелей И.В., Зайцев А.А., Румба О.Г. Экспертиза диссертационных работ по проблемам физической культуры и спорта // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. Т. 12. № 1. С. 129-135.
14. Манжелей И.В., Румба О.Г., Горелов А.А., Зайцев А.А. Обобщение результатов экспертизы педагогических исследований по проблемам физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2025. № 3. С. 108-110.

15. Шагеева Ф.Т. Проблемы инженерной педагогики: решения диссертационных исследований // Управление устойчивым развитием. 2024. № 2 (51). С. 76-82.

Сведения об авторах:

©**Талипов Рамиль Рашатович** – аспирант кафедры профессионального и педагогического образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: talipovramil@yandex.ru.

©**Шагеева Фариды Тагировна** – доктор педагогических наук, и.о. заведующего кафедрой профессионального и педагогического образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru

Information about the authors:

©**Talipov Ramil Rashatovich** – postgraduate student of the Department of Professional and Pedagogical Education, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: talipovramil@yandex.ru.

©**Farida Tagirovna Shageeva** – Doctor of Pedagogical Sciences, Acting Head of the Department of Professional and Pedagogical Education, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru.

Э. Р. Латыпова, А. С. Гайсин

НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Ключевые слова: невербальная коммуникация, межкультурное общение, жесты, мимика, проксемика, хронемика, культурные различия, межкультурная компетентность.

Статья посвящена исследованию роли неязыковых средств коммуникации в межкультурном общении. В условиях глобализации и культурного многообразия эффективная коммуникация требует не только знания иностранных языков, но и умения интерпретировать и использовать невербальные сигналы, такие как жесты, мимика, проксемика и хронемика. Целью работы является выявление значимости этих средств для успешного взаимодействия в межкультурных контекстах, а также разработка рекомендаций по повышению межкультурной коммуникативной компетентности. В статье анализируются теоретические подходы к изучению невербальной коммуникации. Привлекает внимание открытием Чарльза Дарвина, которое положило начало для последующих исследований в данной области, доказав важность интерпретации сигналов для плодотворного общения в межкультурной среде. Текст дает ценную информацию о влиянии культурных различий на восприятие и интерпретацию невербальных сигналов. Так же упоминается, что высокие мотивационно-интеллектуальные способности являются преимуществом при распознавании экспрессий на лицах представителей разных этносов. Сообщается значимость таких средств межкультурной коммуникации, как неязыковых, которые дают возможность понимать эмоциональный настрой партнера по диалогу. Кратко описывается влияние цифровых технологий и медиа на межкультурные контакты. Разрабатываемые учеными подходы к формированию межкультурной компетенции становятся все более актуальными в условия мировой интеграции. Используются работы таких ученых, как А. П. Садохин, Чарльз Дарвин, Альберт Мерабян, Эдвард Холл и Герт Хофстед, которые продемонстрировали важность невербальных аспектов в процессе общения.

E. R. Latypova , A. S. Gaisin

NON-LINGUISTIC MEANS OF COMMUNICATION IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Keywords: nonverbal communication, intercultural communication, gestures, facial expressions, proxemics, chronemics, cultural differences, intercultural competence.

The article is devoted to the study of the role of non-linguistic means of communication in intercultural communication. In the context of globalization and cultural diversity, effective communication requires not only knowledge of foreign languages but also the ability to interpret and use non-verbal signals such as gestures, facial expressions, proxemics and chronemics. The aim of the work is to identify the importance of these tools for successful interaction in intercultural contexts, as well as to develop recommendations for improving intercultural communicative competence. The article analyzes theoretical approaches to the study of non-verbal communication. It attracts attention with the discovery of Charles Darwin which marked the beginning for subsequent research in this field, proving the importance of interpreting signals for fruitful communication in an intercultural environment. The text provides valuable information about the impact of cultural differences on the perception and interpretation of non-verbal signals. It is also mentioned that high motivational and intellectual abilities are an advantage in recognizing expressions on the faces of representatives of different ethnic groups. It's reported the importance of such means of intercultural communication as non-linguistic ones which make it possible to understand the emotional mood of a dialogue partner. It is described in short the influence of digital technologies and media on intercultural contacts. The approaches developed by scientists to the formation of intercultural competence are becoming increasingly relevant in the context of global integration. The works of scientists such as A. P. Sadokhin, Charles Darwin, Albert Merabyan, Edward Hall and Gert Hofstede were used which demonstrated the importance of non-verbal aspects in the communication process.

В эпоху глобализации межкультурное общение играет решающую роль в установлении и развитии международных отношений, бизнеса и образования. Эффективное межкультурное общение требует не только владения иностранным языком, но и понимания неязыковых средств коммуникации, и общения.

Целью исследования было выявить значимость неязыковых средств коммуникации в процессе межкультурного общения и предложить рекомендации по улучшению межкультурной коммуникативной компетентности на основе анализа культурных различий в использовании невербальных сигналов, а также знаков.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению неязыковых средств коммуникации, включая мимику, жесты, проксемику и хронемнику, в контексте межкультурного взаимодействия.

2. Определить путь к решению данных барьеров, который лежит в межкультурной коммуникации. Ведь межкультурная коммуникация – это сложный и многогранный процесс.

3. Исследовать современные вызовы и возможности, связанные с межкультурной коммуникацией, которые требуют как теоретического понимания, так и практического применения в общении.

4. Более подробно проанализируем исследование М. О. Беликова «Эффективное межкультурное общение – это процесс, в ходе которого люди из разных культурных сообществ обмениваются информацией, идеями и чувствами, преодолевая культурные различия и барьеры. Как известно, основной сложностью в изучении иностранного языка является понимание культуры [1].

Межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур. То, что коммуниканты являются носителями разных культур, существенным образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход действий и события.

Для преодоления трудностей, вызванных различиями в культуре, повышается необходимость развития навыков межкультурной коммуникации. Культурными различиями принято считать образ мысли и действий людей, различающиеся или уникальные в разных культурах. В этой части различия понимания и вариативного исполнения норм человеческих отношений возникают условия межкультурного общения и поликультурного воспитания.

Для повышения уровня коммуникации можно использовать следующие инструменты:

1. культура речи: грамотная речь формирует ваш образ, как более доверительного человека в обществе;

2. коммуникативные навыки: умение аргументированно и четко донести определенные предложения играет важную роль в факторе доверия с человеком;

3. вежливость: тактичное и вежливое общение является более достаточно значимым фактором для человека при выборе своего партнера. [2].

Эффективное межкультурное общение является ключом к успешному международному взаимодействию в различных сферах, таких как бизнес, образование, международные отношения и путешествия. Следствием данных уровней коммуникации являются требования к образовательной, профессиональной подготовке обучающегося, которые формулируют компетенцию, связанную с достаточным объемом навыков для самостоятельного определения целей, выполнения задач, стоящих перед ним в повседневной жизни.

Неязыковые средства коммуникации играют не менее важную роль, чем сами слова, так как передают эмоции, настроение и отношения между людьми. Эти средства включают широкий спектр невербальных элементов, таких как жесты, мимика, интонация, темп речи, позы, использование пространства (проксемика) и времени (хронемика).

Одним из крупнейших вкладов в исследование невербальной коммуникации внес американский психолог Альберт Мерабян, который в своих исследованиях изучал влияние невербальных сигналов (жестов, мимики, интонации) на восприятие и понимание информации. В рамках своих экспериментов Мерабян пришел к выводу, что более 90 % эмоциональной информации передается невербально. Он утверждал, что интонация, жесты и мимика играют решающую роль в восприятии не только эмоций, но и смысла сообщений, значительно превосходя важность вербальной составляющей общения [3].

Эти выводы имеют важное значение для межкультурной коммуникации, так как невербальные сигналы могут значительно влиять на то, как люди воспринимают сообщения друг друга, особенно в условиях языковых барьеров. Для исследуемой темы это означает, что эффективное межкультурное общение невозможно без учета невербальных аспектов, таких как интонация, выражения лиц и жесты, которые могут иметь совершенно разные значения в разных культурах.

Невербальная коммуникация играет важную роль в процессе общения, особенно при

установлении новых контактов и развитии межличностных отношений. Такие сигналы могут передавать смысл, который словами выразить сложно или невозможно, а иногда и вовсе искажается при вербальной передаче [4]. Умение распознавать и правильно использовать эти сигналы заметно повышает эффективность взаимодействия как между отдельными людьми, так и представителями разных культур.

Хотя серьезные исследования невербального общения начались только в XX веке, интерес к этой теме существовал задолго до того. Одним из первых, кто попытался систематизировать такие наблюдения, был Чарльз Дарвин. В своей работе 1872 года «Выражение эмоций у человека и животных» он описывал, каким образом эмоциональные состояния проявляются через мимику, жесты и другие невербальные формы поведения. Дарвин высказывал мнение, что некоторые эмоциональные состояния, такие как радость, грусть, злость, являются универсальными и прирожденными всем людям, бесперерывно от культуры. Дарвин также показал, что эмоциональные выражения, включая мимику, жесты и телодвижения, являются частью человеческой эволюции и имеют универсальные механизмы. Это открытие стало основой для дальнейших исследований в области невербальной коммуникации и показало, что понимание этих сигналов важно для эффективного общения в межкультурных контекстах, где невербальные проявления играют ключевую роль.

Культурные различия значительно влияют на интерпретацию неязыковых средств коммуникации. То, что в одной культуре может рассматриваться как знак уважения, в другой может интерпретироваться как неуважение или даже агрессия. Например, прямой зрительный контакт в западных культурах часто ассоциируется с честностью и уверенностью, в то время как в некоторых азиатских культурах он может рассматриваться как вызов или невежество [5].

Личность с высокими метакогнитивными интеллектуальными способностями более успешна в распознавании лицевой экспрессии, поскольку осознанно выбирает стратегию межкультурного взаимодействия. Преимуществом при распознавании экспрессий на лицах представителей разных культур являются высокие мотивационно-интеллектуальные способности, т.к. они отвечают за стремление понимать другую культуру.

Язык как и жесты – это обширная система. Образование различных языков имеет свою специфическую историю и культурный контекст. Безусловно, язык подвергается посто-

янным изменениям и развитию, смысл слов может сильно отличаться в разные эпохи, а общество создает новые языковые выражения [6].

Теория межкультурной коммуникации была разработана американским ученым Эдвардом Холлом в 1959 году, который доказал целесообразность и важность исследований разных культур для качественного взаимодействия с представителями других культур. В нашем понимании, наиболее всестороннее и глубинное определение межкультурной коммуникации, сформулировано А. П. Садохиним: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам. Она происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом осознают тот факт, что каждый из них является «другим», и каждый воспринимает «чужеродность» партнера.

Вместе с тем не менее важными средствами межкультурной коммуникации являются и неязыковые, которые способствуют формированию доверия и понимания между представителями различных культур. Они не только позволяют передавать информацию, но и понимать настроение и эмоции партнера по общению. При этом необходимо понимать, что не языковое общение также может поддерживать иначе понимаемое сообщение. Так, например, интонация, жесты и мимика могут развеять серьезность утверждений или, наоборот, придать им более агрессивный характер. Именно поэтому недаром, как подчеркнул Эдвард Холл, учёный в области исследования межкультурной коммуникации, словесные сигналы составляют треть сообщаемого нами [7]. Невербальное общение является основой для преуспевания во взаимодействии с клиентом из иной культуры, но также могут привести к недопониманию, если они интерпретируются неправильно из-за культурных различий.

Теория межкультурной коммуникации была разработана американским ученым Эдвардом Холлом в 1959 году, который доказал целесообразность и важность исследований разных культур для качественного взаимодействия с представителями других культур. В нашем понимании, наиболее всестороннее и глубинное определение межкультурной коммуникации, сформулировано А. П. Садохиним: «Межкультурная коммуникация есть совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам. Она происходит между партнерами по взаимодействию, которые не только принадлежат к разным культурам, но при этом осознают тот

факт, что каждый из них является «другим», и каждый воспринимает «чужеродность» партнера. Эта область покрывает широкий спектр тем, включая языковые барьеры, неязыковые средства коммуникации, культурные нормы и ценности, а также стратегии и методы улучшения межкультурного взаимопонимания.

Эдвард Т. Холл – американский антрополог, один из основателей области межкультурной коммуникации. В своих работах, таких как «Понимание культурного контекста» (The Silent Language) и «Скрытое измерение» (The Hidden Dimension), он ввел понятия контекста культуры, которое описывает, насколько сильно коммуникация зависит от окружения и скрытых сигналов: в высококонтекстных культурах значение имеют невербальные элементы и ситуация, а в низкоконтекстных – главное внимание уделяется самим словам, а также действиям.

Одним из наиболее влиятельных специалистов в сфере межкультурной коммуникации считается голландский учёный Герт Хофстеде. Он предложил модель культурных измерений, которая позволяет анализировать, чем отличаются национальные культуры и как это сказывается на поведении людей в рабочих и организационных условиях. Свои выводы Хофстеде построил на масштабном исследовании, охватившем сотрудников компании IBM в более чем сорока странах, что придаёт его модели серьёзную практическую ценность в контексте межкультурного взаимодействия.

Ещё один важный исследователь в этой области – Фонс Тромпенаарс. Он сосредоточился на изучении того, как культурные особенности влияют на международное деловое общение и управление. Его подход дополняет концепцию Хофстеде и позволяет более глубоко разобраться в специфике общения между представителями разных культур в бизнес-среде [8].

Современные исследования в данной области всё чаще затрагивают влияние цифровых технологий и медиа на межкультурные контакты. Учёные разрабатывают подходы к формированию межкультурной компетенции, что особенно актуально в условиях глобализации. Повышенное внимание уделяется также таким пространствам, где пересекаются разные культуры – например, в транснациональных корпорациях и международных сообществах.

Кроме того, возрастает интерес к темам, связанным с этикой межкультурного взаимодействия, устойчивым развитием и социальной справедливостью. Исследователи стремятся выяснить, каким образом эффективная коммуникация между культурами может помочь в решении

глобальных вызовов – таких как изменение климата, социальное неравенство и миграционные процессы.

Обобщая различные теоретические и прикладные исследования, можно отметить, что невербальные компоненты играют ключевую роль в межкультурной коммуникации. Жесты, мимика, позы, особенности дистанции (проксемика) и восприятие времени (хронемика) являются важными средствами передачи информации и эмоций между людьми из разных культур. Однако различия в их интерпретации могут приводить к недоразумениям и конфликтам, если не учитывать контекст. При этом, при грамотном подходе, невербальное общение может, напротив, стать основой взаимопонимания и успешного диалога [1].

Работы таких учёных, как Эдвард Т. Холл, Герт Хофстеде и Фонс Тромпенаарс, внесли весомый вклад в понимание того, как культурные особенности влияют на коммуникационные процессы. Их исследования подчёркивают важность осознания культурных различий и ценностей как основы для развития компетентного общения в многонациональной среде.

С развитием технологий и усилением глобальных связей межкультурная коммуникация приобретает всё большее значение в самых разных сферах – от бизнеса и образования до международных отношений и социальной политики. Это, в свою очередь, открывает новые направления для изучения, особенно в контексте цифровых коммуникаций и транснационального взаимодействия [2,9].

Исследования показывают, что невербальные средства общения – жесты, мимика, дистанция между людьми (проксемика) и восприятие времени (хронемика) – играют ключевую роль в межкультурном взаимодействии, особенно в условиях глобализации. Поскольку в разных культурах одни и те же сигналы могут трактоваться по-разному, незнание этих особенностей часто приводит к недопониманию, но при должной культурной осведомленности и внимательности к невербальным аспектам общения можно значительно улучшить качество коммуникации. Работы таких ученых, как Дарвин (изучавший мимику), Мерабян (доказавший преобладание невербальных сигналов над вербальными), Холл (исследовавший пространственное поведение) и Хофстед (анализировавший культурные различия), подтверждают, что эффективное межкультурное общение требует не только языковых навыков, но и умения правильно интерпретировать молчаливые сигналы, что особенно актуально в современном мире с его международными контактами и цифровыми

технологиями, где невербальные элементы часто остаются единственным способом передать истинные эмоции и намерения.

Таким образом, цели исследования – выявить значимость неязыковых средств коммуникации и предложить рекомендации по улучшению межкультурной коммуникативной компетентности – были достигнуты. Разработанные рекомендации подчеркивают важность интеграции знаний о культурных различиях и невер-

бальных сигналах в образовательные программы, направленные на развитие межкультурной компетенции. Умение правильно интерпретировать и использовать невербальные средства общения становится необходимым для эффективного взаимодействия в международной и многокультурной среде.

Статья подготовлена в рамках проекта - победителя конкурса «Профессиональное развитие» Фонда Потанина.

Литература

1. Беликова Н.Ю., Лапшин А.Г. Факторы влияющие на поведение людей в процессе межкультурной коммуникации // Современные социальные процессы в контексте глобализации: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Краснодар, 13 мая 2022 года. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2022. С. 186-191.
2. Дорофеева М.Ю., Латыпова Э.Р. Актуальность межкультурной коммуникации для современного общества // Общество, педагогика, психология: актуальные исследования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 01 октября 2021 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 10-11. – EDN XYTWPU.
3. Сорокина Э.А. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. Москва: РУТ (МИИТ), 2019. 251 с.
4. Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Зинурова Р.И., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Малышев И.В., Новикова И.А., Черная А.В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 1. С. 102-112.
5. Латыпова Э.Р., Алексеев К.Е., Ермоленко А.Д., Клявлин А.М. Межкультурная коммуникация между представителями различных культурных групп в сферах интернета // Наука и школа. 2020. №3. С. 164-171.
6. Миньяр-Белоручева А.П. Особенности межкультурной профессиональной и научной коммуникации // Сборник научных и учебно-методических трудов: в честь Юбилея профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Выпуск 20. Москва: «КДУ», «Добросвет», 2023. С. 287-295.
7. Мотовилова А.Д., Меркер А.А., Нижельская Ю.А. Межкультурные коммуникации: теория и практика // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 707-711.
8. Стялова И.К. Социология коммуникации: учебное пособие. Тверь: ТвГТУ, 2019. 112 с.
9. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Национально-культурная матрица коммуникации в студенческой среде: результаты эмпирического исследования // Управление устойчивым развитием. 2021. № 3 (34). С. 37-43.

Сведения об авторах:

©**Латыпова Эльвира Рашитовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института химических технологий и инжиниринга ФГБОУ ВО УГНТУ в г. Стерлитамаке, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Российская Федерация, Стерлитамак, e-mail: lat-elvira@yandex.ru.

©**Гайсин Айнур Сабирович** – магистрант кафедры «Общая химическая технология», Института химических технологий и инжиниринга ФГБОУ ВО УГНТУ в г. Стерлитамаке, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Российская Федерация, Стерлитамак, e-mail: str@rusoil.net.

Information about the authors:

©**Latypova Elvira Rashitovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities at the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Technical Education in Sterlitamak, Ufa State Petroleum Technical University, Russian Federation, Sterlitamak, e-mail: lat-elvira@yandex.ru.

©**Gaysin Ainur Sabirovich** – Master's student of the Department of General Chemical Technology, Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Technical Education in Sterlitamak, Ufa State Petroleum Technical University, Russian Federation, Sterlitamak, e-mail: str@rusoil.net.

О. Е. Гаврилова, Л. Л. Никитина

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ МАГИСТРАМИ-КОНСТРУКТОРАМИ ИЗДЕЛИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: магистр, цифровые технологии, цифровые инструменты, подготовка, легкая промышленность, конструкция.

В статье рассматриваются особенности освоения цифровых технологий будущими специалистами легкой промышленности на этапе обучения в магистратуре. Сегодня цифровизация процессов проектирования и производства изделий легкой промышленности не может не сказываться на процессе подготовки специалистов. Потенциальные работодатели выдвигают требования к специалистам, связанные с освоением современных цифровых инструментов для решения задач профессиональной деятельности. На крупных производствах легкой промышленности процесс разработки конструкторской документации на изделия, включающей образцы, осуществляется с помощью систем автоматизированного проектирования, которые сокращают время на проектирование и позволяют получить максимальную прибыль. Образовательные организации стремятся реализовать направления подготовки, связанные с цифровыми технологиями, закупают программное обеспечение с ориентацией на потенциального работодателя. Однако, возникает ряд проблем, связанных с отсутствием системы введения в образовательный процесс профессиональных цифровых инструментов (выбор программного обеспечения из огромного количества актуальных предложений, отсутствие достаточного финансирования на обеспечение соответствующей компьютерной техники, комплектующих, интернет-связи, существующие особенности групп обучающихся). Решение ряда проблем требует системного подхода и участия органов управления образованием, решение других проблем возложено на непосредственно образовательные организации. Современная подготовка специалистов для легкой промышленности все еще осуществляется на основе двухуровневой системы: бакалавриата и магистратуры. В бакалавриате студенты осваивают цифровые инструменты в течение четырех лет, в магистратуре должны расширить знания и навыки. На практике разнородность групп магистров создает трудности для обучающихся и педагогов (возрастные и иные особенности восприятия информации, освоения навыков, характер мотивации, ригидность мышления, избыточное доверие интернет-источникам, «клиповое» мышление обучающихся). Среди студентов-магистров выявлена наиболее «уязвимая с позиции адаптации в образовательном процессе» категория студентов. По результатам фиксированных наблюдений установлено, что особенности обучающихся имеют значение для эффективности освоения цифровых инструментов профессиональной направленности. Рассмотрены основные направления решения обозначенных в статье проблем.

О. Е. Gavrilova, L. L. Nikitina

FEATURES OF MASTER'S STUDENTS' FUTURE DESIGNERS' MASTERING OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES USED IN PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE LIGHT INDUSTRY

Keywords: master's degree, digital technologies, digital tools, training, light industry, construction.

The article discusses the features of mastering digital technologies by future specialists in the light industry at the master's level. Today, the digitalization of the design and production processes in the light industry has a significant impact on the training of specialists. Potential employers place requirements on specialists related to the mastery of modern digital tools for solving professional tasks. In large light industry enterprises, the process of developing design documentation for products, including prototypes, is carried out using automated design systems, which reduce the time required for design and maximize profits. Educational organizations are striving to implement training programs related to digital technologies and are purchasing software with a focus on potential employers. However, there are a number of problems associated with the lack of a system for introducing professional digital tools into the educational process (choosing software from a vast number of current offers, lack of sufficient funding for providing appropriate computer equipment, components, and Internet access, and the existing characteristics of student groups). Solving some of these problems requires a systematic

approach and the involvement of education authorities, while others are the responsibility of educational institutions themselves. Currently, the training of specialists for the light industry is still based on a two-level system: bachelor's and master's degrees. In the bachelor's program, students learn digital tools for four years, and in the master's program, they expand their knowledge and skills. In practice, the heterogeneity of master's groups creates difficulties for students and teachers (age-related and other peculiarities of information perception, skill development, the nature of motivation, rigidity of thinking, excessive trust in Internet sources, and «clip» thinking of students). Among master's students, the category of students who are most «vulnerable from the perspective of adaptation in the educational process» has been identified. Based on the results of fixed observations, it has been established that the characteristics of students are important for the effectiveness of mastering digital tools of a professional nature. The main directions for solving the problems identified in the article have been considered.

На сегодняшний день цифровизация процессов проектирования и производства изделий легкой промышленности оказывает существенное влияние на подготовку специалистов, формируя требования освоения современных цифровых инструментов для решения многообразных задач, возникающих в профессиональной деятельности [1,2]. Говоря о цифровых инструментах, как правило понимают программное обеспечение (ПО), приложения и устройства, которые используются для работы с цифровыми данными в цифровом формате. Образовательные организации вынуждены соответствовать требованиям современных потенциальных работодателей в контексте освоения студентами современных цифровых технологий, позволяющих создавать, хранить, обрабатывать и распространять данные в электронном виде с использованием компьютера и компьютерных сетей, зачастую через интернет.

Стандартная процедура проектирования и изготовления изделий легкой промышленности предполагает отрисовку эскизов, построение конструкций, разработку лекал, изготовление макетов изделий и экспериментальных образцов, примерки для уточнения посадки, внесения корректировок, создание конечного изделия и утверждение моделей руководством предприятия. Такой процесс достаточно длителен по времени и задействует другие ресурсы. В настоящее время на крупных промышленных производствах процесс разработки конструкторской документации на новые модели изделий легкой промышленности, включающей и образцы, осуществляется с помощью систем автоматизированного проектирования (САПР), позволяющих сократить время на проектирование и, как следствие, сократить затраты и получить максимальную прибыль. Только в швейной отрасли уже эффективно используются такие САПР, как Comtense, Грация, Ассоль, Grafis, Gerber, Gemini, Assyst и др. Программы 3D-визуализации, используемые в проектировании одежды, например такие, как CLO 3D, Marvelous designer, Browzwear и т.п. дополняют САПР.

Они позволяют виртуально «сшить» детали конструкции и дать предварительную оценку проектируемой модели, не затрачивая денежные средства на материалы при изготовлении макетов и экспериментальных образцов. Помимо САПР, современные проектировщики в сфере легкой промышленности применяют такие графические редакторы, как CorelDRAW, Adobe Photoshop, Xara Designer и т.п., специализированные приложения – Pocketart Studio, Femuse Fashion Editor, Edraw Soft Fashion Sketcher, Fashion Design Flat Sketch и т.п. Существует ряд программ, Redcafe, Valentina и Seamly2D, Tailornova, Leko и т.д., которые позволяют осуществлять построение конструкций и моделирование деталей одежды, оформлять лекала, которые доступны для освоения не только профессионалами, но и любителями [3].

Для оптимизации процессов, совершенствования качества, создания новых услуг для потребителей в легкой промышленности также применяются такие цифровые инструменты и технологии, как искусственный интеллект (ИИ), дополненная, виртуальная и смешанная реальность (VR, AR, MR). Эти технологии используются в достаточно широких пределах: от дизайна и производства до маркетинга и продаж. ИИ позволяет прогнозировать тренды в материалах, цветовой гамме, формах. Это сокращает время на эскизную проработку. ИИ используется в качестве компьютерного зрения при определении качества тканей и нитей. Алгоритмы ИИ позволяют оптимизировать раскладку, координировать работу сотрудников и оборудования. Виртуальные примерочные позволяют «надеть» цифровую копию одежды на аватар на основе реальных размеров, имитировать движение одежды на фигуре, учитывая драпировки и др. Виртуальные шоурумы позволяют покупателям «потрогать» товар, что экономит средства на аренду площадей и транспорт.

Образовательные организации активно открывают «цифровые» направления подготовки, закупая различные программные про-

дукты, ориентируясь на основного работодателя. Несмотря на это, возникает ряд проблем, связанных с отсутствием системы введения в образовательный процесс профессиональных цифровых инструментов. С учетом большого количества цифровых инструментов, востребованных специалистами в сфере легкой промышленности, возникает проблема выбора программного обеспечения (ПО) для формирования «цифровой конкурентоспособности» будущего специалиста для широкого спектра работодателей, требующих владения определенным ПО.

Для системной организации процесса освоения цифровых технологий необходимо помимо ПО, соответствующее интернет-обеспечение и соответствующая ПО комплектация оборудования, которая зачастую по стоимости выше стоимости ПО. Иногда комплектация таких «специализированных цифровых площадок» ограничивается некоторым перечнем современного оборудования и программного обеспечения, на который хватило средств, не обеспечивающим завершённую логическую цепочку работы с цифровым продуктом. Таким образом, формально площадка укомплектована, а по факту отсутствие необходимых процессоров, видеокарт, лицензий на ПО, устройств ввода или вывода, интернет-хабов не позволяет полноценно разработать, а, следовательно, и обучить студентов разработке конструкторской документации с использованием цифровых инструментов и технологий. «Другой проблемой является то обстоятельство, что даже в случае создания современной укомплектованной цифровой площадки, ПО, компьютерная техника и т.п. настолько быстро обновляются, что поддержание таких площадок на высоком уровне эффективности требует постоянных значительных финансовых вложений» [4].

Решение обозначенных проблем, связанных с отсутствием системы введения в образовательный процесс профессиональных цифровых инструментов, может находиться в плоскости создания единой цифровой площадки в рамках функционирования кластеров, состоящих из предприятий отрасли, колледжей и вузов, которые позволят обеспечивать постоянное обновление ПО и соответствующее современное комплектование площадки необходимыми ресурсами. Такие площадки могут получать спонсорскую помощь от флагманских предприятий только в высокоприбыльных отраслях. В сегменте легкой промышленности большинство средних и малых предприятий не имеют больших доходов. «Создание таких

цифровых площадок в настоящее время возможно при постоянной финансовой поддержке государства» [4]. В сложившихся условиях решение поставленных задач формирования «цифровой конкурентоспособности специалиста» возложено на образовательные организации и лежит в психолого-педагогической плоскости.

В условиях цифровизации экономики цифровая конкурентоспособность специалиста становится условием для высокого уровня конкурентоспособности специалиста на рынке труда. Под цифровой конкурентоспособностью специалиста нами понимается его способность эффективно взаимодействовать с современными цифровыми технологиями, использовать цифровые устройства и сервисы, а также адаптироваться к изменениям в цифровой среде. Она включает не только профессиональные знания и умения, но и адаптивные навыки уверенного владения различными цифровыми инструментами.

В статье, не ставя цели раскрытия понятия «цифровая конкурентоспособность специалиста», рассматриваются только выявленные нами особенности освоения магистрами-конструкторами изделий легкой промышленности современных цифровых технологий, используемых в профессиональной деятельности. Безусловно, цифровая конкурентоспособность специалиста требует владения цифровыми компетенциями, в основе которых лежат и компьютерная грамотность в целом, практические умения и навыки работы с базами данных, общения в цифровых каналах, работа с цифровыми инструментами и т.п. Раскрытию понятия цифровых компетенций в различных сферах посвящено достаточно много работ [5-7]. Отмечается, что цифровые составляющие профессиональных компетенций являются сквозными, которые не дополняют, а трансформируют способность специалиста решать профессиональные задачи, объективная необходимость формирования и совершенствования цифровых компетенций как фактора повышения конкурентоспособности специалистов способствует укреплению позиций российских предприятий в условиях цифровой экономики [6].

Освоение цифровых технологий и работа с цифровыми инструментами, если говорить об освоении профессиональных видов деятельности конструктора изделий легкой промышленности, требует, как правило, солидного багажа знаний полного технологического процесса разработки его материального аналога. Поэтому обучению работе с цифровыми инструментами должно предшествовать освоение технологического процесса проектирования

материального продукта. В настоящее время подготовка специалистов для легкой промышленности на ступени высшего образования осуществляется на основе двухуровневой системы: бакалавриата и магистратуры. Если в бакалавриате студенты в течение четырех лет осваивают определенные цифровые инструменты, позволяющие решать те или иные профессиональные задачи, то в магистратуре в идеальном варианте углубляют и расширяют свои цифровые компетенции, необходимые для повышения конкурентоспособности специалиста. На практике в магистратуре в состав группы могут входить студенты с как с профильным предшествующим образованием, так с отсутствием такового, решившими освоить другую профессиональную деятельность. Зачастую разнородность групп магистров создает определенные трудности для самих обучающихся и педагогов [8].

Так, в магистерских группах могут обучаться вчерашние выпускники бакалавриата и выпускники специалитета прошлых лет, как имеющие близкий профиль и специализацию подготовки, так и не имеющие таковых. При этом выпускники прошлых лет могут иметь цифровые знания и навыки, в разной степени утратившие свою актуальность, что создает особенности освоения цифровых технологий. Если вчерашний бакалавр обучался на той же кафедре, что и в магистратуре, он хорошо знаком с имеющимся ПО и оборудованием и с большей частью педагогов, то выпускник прошлых лет или вчерашний бакалавр другого вуза оказывается в условиях некоторой неопределенности. Несмотря на такие отличия объединяет магистрантов то, что в отличие от студентов бакалавриата, они имеют потребность в повышении уровня образования и устойчивую учебную мотивацию [8].

Разнородность групп магистров требует учета индивидуальных особенностей восприятия, наличия и особенностей опыта предыдущей как учебной, так и профессиональной деятельности в организации процесса освоения цифровых технологий. Так, исходя из результатов наших многолетних наблюдений, в группе магистров присутствует от 30 до 60 % вчерашних бакалавров, имеющих профильное образование, от 10 до 20 % вчерашних бакалавров, не имеющих профильное образование, и от 40 до 70 % выпускников вузов прошлых лет. Вчерашние бакалавры с профильным образованием как правило достаточно быстро осваивают новые цифровые инструменты и углубляют, и расширяют имеющиеся цифровые знания и навыки. Они «восприимчивы» к освое-

нию цифровых технологий, способны самостоятельно осваивать некоторые процессы при наличии соответствующего ПО и оборудования, а также постоянного доступа к средствам цифровой площадки.

Особый интерес вызывает группа студентов-выпускников вузов прошлых лет, которая может быть условно разделена на три категории (работающие специалисты с опытом в изучаемой профессиональной деятельности или смежных; педагоги, работающие в образовательных организациях, осуществляющих подготовку по близким направлениям в различных системах; неработающие в течение нескольких лет представители различных специальностей, желающие освоить новое направление) [8]. Первые две категории лично заинтересованы в результате, но имеют ограничения временного ресурса. Для них важна электронная среда, наличие оперативной связи с профессорско-педагогическим составом. Ими отработаны до автоматизма типовые, стандартные способы достижения профессиональных целей. Им сложно осваивать новые подходы, не применявшиеся ими ранее. Третья категория является самой уязвимой с позиции адаптации в образовательном процессе, но и самой открытой к различным экспериментам. Трудности может вызывать все, в том числе самостоятельное освоение содержания профессионально узконаправленных дисциплин. Преподавателям приходится подстраивать образовательный процесс, ориентироваться на особенности членов группы, корректировать содержание занятий. Студенты-магистранты именно этой категории предпочитают получать новые «знания» в интернете, находить короткие видеоуроки непрофессионалов, которые можно неоднократно просматривать. Традиционный процесс обучения безусловно невозможно заменить видеороликами, но возможно по-новому рассмотреть структуру и содержание методических указаний и пособий, сделав их максимально компактными и простыми для студентов первого курса магистратуры, снабдив их максимальным количеством иллюстраций [8].

Владение навыками работы в САПР и программах 3D-визуализации является одним из условий цифровой конкурентоспособности конструктора изделий легкой промышленности. Ввиду огромного количества всевозможных САПР и программ визуализации, графических редакторов и ограниченности времени освоения программы магистратуры целью экспериментальной работы стало не освоение как можно большего числа программ, а формирование способности работать в цифровой среде, самостоятельно отработывая новые навыки, расширение

восприятия процесса проектирования, формирование готовности выстраивать процесс проектирования из любой точки процесса, способности оценивать 3D-результат. Таким образом, освоение цифровых инструментов, как одного из важных условия формирования цифровой конкурентоспособности специалиста предполагало не трансляцию знаний инструментария нескольких программ, а формирование знаний, умений и личностных качеств, влияющих на способность быстро адаптироваться в условиях быстрого появления и совершенствования цифровых инструментов. В рамках образовательного процесса направления магистратуры 29.04.05 реализовывалось преподавание дисциплин, связанных с освоением современных цифровых инструментов. Две экспериментальные группы по 20 человек осваивали разные процессы разработки изделий с использованием таких цифровых инструментов, как САПР СТАПРИМ, CLO 3D, САПР Грация, различных графических редакторов. Основной для организации и преподавания дисциплин в рамках проводимого эксперимента служили принципы личностно-деятельностного подхода [9-11] и педагогического дизайна [12-13]. В процессе проведения занятий за студентами осуществлялось наблюдение.

Для большинства отечественных швейных предприятий характерен рассмотренный нами процесс разработки конструкторской документации от 2D конструкции, представленной в виде сборочного чертежа изделия, к 3D оценке его внешнего вида и посадки на фигуре человека. В настоящее время реальная фигура и материальное воплощение изделия осуществляется в виртуальной цифровой среде на виртуальном манекене или виртуальной фигуре (аватаре). Такой процесс оформления конструкторской документации принято называть «технология примерок». Существует и другая технология оформления конструкторской документации от 3D проектирования конструкции одежды к получению разверток деталей одежды в 2D плоскости, называемая технологией разверток. Примерами САПР, реализующими данную технологию, являются САПР СТАПРИМ, ориентированный главным образом на проектирование верхней плечевой одежды, САПР BustCAD, позволяющий проектировать изделия плотного прилегания (белье, корсеты, спортивные топы, компрессионное белье и т.п.).

Данные «технологии» оформления конструкторской документации изделий легкой промышленности по-разному организуют у специалиста мыслительный процесс при работе над построением конструкции. При реализации технологии примерок специалисту необходимо в процессе построения конструкции в 2D режиме,

всегда держать в памяти образ 3D формы желаемого изделия, учитывая его не только геометрические характеристики, но и тектонику. Происходит как бы мыслительный процесс от 3D, когда анализируется форма будущего изделия, представленного в виде эскиза, к 2D, когда форма разворачивается на плоскости с учетом запроецированных материалов, и опять к 3D, когда осуществляется оценка внешней формы изделия, воплощенной в материале. Данный процесс носит итерационный характер и требует нескольких примерок изделий. Только опытный конструктор способен быстро без дополнительных примерок разработать качественную конструкцию. В процессе реализации технологии разверток конструктор, имея образ 3D формы желаемого изделия, получает 3D форму изделия, расчлняя его форму ее в пространстве, а не на плоскости, на элементы конструкции. Данная технология позволяет осуществлять минимальное количество примерок проектируемого изделия на фигуре. Она более эффективна с позиций мыслительных «энергозатрат» специалиста и получения качественной конструкции изделия.

В ходе эксперимента в двух группах ставилась цель освоить получение изделия «от 3D к 2D», т.е. студентам необходимо было сначала оценить форму в 3D-формате, затем получить 2D-конструкцию, на последнем этапе сравнить 3D-объекты. Таким образом, принцип работы с формой был общий, но инструменты разные. Первая группа работала с готовым изделием, задание предполагало получение конструкции в САПР с применением расчетного метода, изготовление макета и сравнение его с исходным изделием. Вторая группа работала с трехмерным проектированием в САПР СТАПРИМ с последующим изготовлением макета, сборкой деталей в программе CLO 3D и сравнением реального макета и объемной формы, полученной в визуализаторе. В первой экспериментальной группе вызвала сложность необходимость параллельного освоения методики расчета конструкции у большинства студентов-выпускников прошлых лет, осваивающих новую специальность (вчерашние бакалавры, обучавшиеся по тому же направлению, хорошо помнят несколько методик, соответственно не имеют необходимости тратить время на изучение методики расчета). Во второй группе наибольшей сложностью стала непосредственно реальная и виртуальная сборка изделия у той же категории студентов (понадобилось дополнительное время, чтобы разобраться с деталями, надсечками и пр.). Интерфейс CLO 3D оказался относительно простым и интуитивно понятным для большинства студентов. 3D-модели, полученные в программе, получились реалистичными,

возможность их поворачивать как реальный объект позволила обучающимся более адекватно оценить полученную форму. Настройка аватара в CLO 3D под заданные размеры у большинства не вызвала затруднений. Вывод на печать лекал деталей изделия студенты оценили как существенное преимущество работы с ПО.

Необходимо отметить, что работа в САПР СТАПРИМ была освоена быстрее по времени, несмотря на разнообразие и большое количество задаваемых параметров формы. Однако, при работе в данной САПР возникли проблемы с пониманием сопрягаемости срезов, т.к. конструкция была получена «автоматически», надсечки не проставлялись лично проектировщиком, технологическая обработка была задана программой. Применение расчетного метода к уже готовой форме оказалось для студентов сложнее с позиции изменения шаблона мышления. Выбор методики расчета также оказал существенное влияние на сложность и длительность процесса. Разные методики осваивались с разной скоростью и степенью понимания формул и графических способов вычерчивания элементов. В процессе наблюдения было отмечено, что на скорость освоения процессов проектирования с применением цифровых технологий влиял не столько возраст, сколько характер основной деятельности обучающегося. Без сомнения положительно сказывалось наличие опыта разработки изделий как профессиональной, так и любительской. Некоторые участники эксперимента, превосходно владеющие инструментарием программного обеспечения, не справились с приблизительной отрисовкой контуров деталей без применения расчетных формул, что также свидетельствовало о неготовности отойти от стандартной процедуры проектирования изделий.

Работа в группах также включала задания для работы в графическом редакторе, которые были относительно сложны для выпускников прошлых лет, но абсолютно не вызвали сложности у вчерашних бакалавров, для которых данные задания были заменены на работу с искусственным интеллектом (ИИ). Задания были ориентированы на разработку семейства моделей на одной базовой основе с освоением идеи промт-инжиниринга. Данные задания также вызвали сложность ввиду отхода от традиционного способа проектирования, однако, студенты показали хорошие результаты, но с разной скоростью достижения цели.

Цифровое моделирование способно существенно помочь при разработке карманов, выточек, швов, декоративных и функциональ-

ных элементов, т.к. у студентов без опыта профессиональной деятельности даже на этапе окончания обучения сложности возникают с пропорциональным решением отдельных элементов, в то время как виртуальная сборка дает хорошую визуализацию будущей модели. Однако, необходимо отметить, что для адекватной визуализации необходимы знания и навыки в конструировании. Только представления о том, как выглядит изделие, недостаточно.

Таким образом, сфера производства изделий легкой промышленности в настоящее время нуждается в высококвалифицированных специалистах, способных в минимальные сроки проектировать изделие, ориентируясь на запросы производителя. Ориентация на эффективность процессов проектирования, интенсивное насыщение рынка товарами, быстрая смена модных тенденций привела к изменению требований к проектировщикам в сфере легкой промышленности. Удовлетворение этих требований невозможно без применения цифровых технологий и уверенного владения цифровыми инструментами. Производители оборудования, разработчики ПО или САПР заинтересованы в реализации своей продукции, поэтому их рекомендации сводятся к минимальным требованиям к комплектации для того, чтобы большее число потенциальных потребителей решились на приобретение продукции. Потребитель (вуз) при этом ожидает от площадки максимальной эффективности, получая при этом «недофункциональный» продукт. Приобретает важность создание рабочих групп, которые могли бы составить полный перечень оборудования, средств и ПО, а также их характеристик, необходимых для разработки тех или иных цифровых продуктов для сферы легкой промышленности. Специалисты отрасли, профессионалы, могли бы оказать содействие в формировании таких перечней для цифровых площадок образовательных организаций (кластеров) с целью обеспечения наиболее эффективной подготовки будущих кадров на этапе магистратуры. Эффективное использование цифровых технологий позволяет интенсифицировать не только процессы проектирования и производства, но и процесс освоения магистрами приемов конструктивного моделирования в цифровой среде с применением разноуровневых и разнонаправленных заданий. Преимуществом для обучающихся может стать сокращение объемов приобретаемых макетных материалов и т.п. В свою очередь вузы могут реализовывать дисциплины, которые позволят учитывать и современные требования рынка труда и особенности групп студентов, обучающихся по направлениям магистратуры.

Литература

1. Ноздрачева Т.М., Щеглова Т.М. Цифровые компетенции в профессиональной деятельности будущих специалистов легкой промышленности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 3 (55). С. 46-56.
2. Проваторова И.А., Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Дополнительное профессиональное образование конструкторов швейных изделий, тенденции в эпоху цифровизации // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 5-1. С. 673-680.
3. Никитина Л.Л., Гаврилова О.Е. Проблемы и перспективы в 3D-проектировании одежды с применением современных цифровых технологий // Костюмология. 2025. Т. 10, № 1.
4. Павлова Т.Б. Цифровые составляющие компетенций преподавателя вуза как фактор развития цифровых компетенций студентов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 7 (180). С. 74-80.
5. Озерова О.А., Парфенова Л.А. Содержание и алгоритм реализации цифровых компетенций специалистов по адаптивной физической культуре // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2022. № 5. С. 19-22.
6. Грогуленко Н.В., Левашов Д.А. Значение «цифровых компетенций» специалистов для развития информационных технологий на нефтегазовых предприятиях // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 436-437.
7. Панкова Л.В., Калинина О.В., Ходаркевич Е.Д. Формирование и развитие цифровых компетенций в университетской среде для подготовки будущих специалистов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 11, № 1 (154). С. 149-158.
8. Клемина Л.И., Павлова Е.А. Особенности подготовки магистров // Педагогические науки. 2010. № 3 (42). С. 78.
9. Ротанова О.Н. Личностно-деятельностный подход как основа организации образовательного процесса для подготовки переводчиков // Современное среднее профессиональное образование. 2021. № 2. С. 42-45.
10. Васильева Л.Н. Принципы личностно-деятельностного подхода, реализуемые при решении профессионально-ориентированных задач // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 132-136.
11. Гущина Г.А., Масыгин В.П. Личностно деятельностный подход как методологический принцип исследования и проектирования процесса формирования профессиональной культуры студента вуза // Психология обучения. 2018. № 3. С. 13-24.
12. Коришева С.Е., Поднебесная Э.И. Педагогический дизайн: задачи, принципы, этапы и модели организации // Антропоцентрические науки в образовании: вызовы, трансформации, ресурсы: статьи II Международного форума, Воронеж, 08-09 апреля 2025 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2025. С. 147-150.
13. Гаврилова О.Е., Никитина Л.Л., Гаврилов А.В. Педагогический дизайн в условиях дистанционного освоения программ высшего образования // Управление устойчивым развитием. 2021. № 1 (32). С. 88-92.

Сведения об авторах:

©**Гаврилова Ольга Евгеньевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры конструирования одежды и обуви, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: konkursproekt2021@bk.ru.

©**Никитина Людмила Леонидовна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры конструирования одежды и обуви, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: naik@bk.ru.

Information about the authors:

©**Gavrilova Olga Evgenievna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of apparel and footwear design, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: konkursproekt2021@bk.ru.

©**Nikitina Liudmila Leonidovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of apparel and footwear design, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: naik@bk.ru.

А. Е. Сержкина

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Ключевые слова: обучающиеся, патриотическая направленность, цифровые учебные материалы, контролирующие и тестирующие педагогические программные средства, банк кадров.

Статья посвящена исследованию возможностей формирования патриотической направленности обучающихся посредством использования педагогического инструментального программного комплекса DOCENS. Рассматриваются возможности различных цифровых учебных материалов, способствующих развитию интереса обучающихся к истории своей страны, национальной культуре и традициям, воспитанию чувства гордости за достижения соотечественников перед Отечеством. Перечислены ситуации, в которых целесообразно использовать педагогические программные средства для компьютерного обучения, разработанные с помощью описываемого инструментального комплекса. Обсуждаются виды цифровых кадров педагогических программных средств. Сделан акцент на возможности проектирования кадров с графическими элементами, что особенно важно при демонстрации изображений военной техники, портретов исторических деятелей, фотографий местностей и пр. Приведены примеры различных кадров, в том числе: кадр с заданием закрытой формы, включающим интерактивные графические элементы; кадр с заданием открытой формы с графическим элементом дизайна; кадр с заданием на множественный отбор графических элементов, удовлетворяющих заданному критерию; кадр с заданием на упорядочивание текстовых элементов в соответствии с заданным критерием; кадр с одним из вариантов установления неоднозначного соответствия между элементами двух множеств. Последний кадр представлен в двух вариантах: кадр с заданием до его выполнения и кадр с правильно выполненным заданием. Таким образом, показана визуализация действий обучающихся во время изучения материала. Приведен также пример контролирующего кадра с внутренним комментарием. Этим показана возможность создания электронных материалов для обучающих программ. На примере изучения темы, посвященной 80-летию Победы, показана возможность формирования патриотического сознания молодежи в процессе использования цифровых учебных материалов, а также возможность анализа результатов работы студента.

A. E. Serezhkina

FORMATION OF STUDENTS' PATRIOTIC ORIENTATION THROUGH DIGITAL EDUCATIONAL MATERIALS

Keywords: students, patriotic orientation, digital educational materials, monitoring and testing pedagogical software, personnel bank.

The article is devoted to the study of the possibilities of forming a patriotic orientation of students through the use of the DOCENS pedagogical instrumental software package. The possibilities of various digital educational materials are considered, contributing to the development of students' interest in the history of their country, national culture and traditions, and fostering a sense of pride in the achievements of compatriots before the Fatherland. The situations in which it is advisable to use pedagogical software for computer training, developed using the described instrumental complex, are listed. The types of digital personnel of pedagogical software tools are discussed. The focus is on the possibility of designing frames with graphic elements, which is especially important when displaying images of military equipment, portraits of historical figures, photographs of localities, etc. Examples of various frames are given, including: a frame with a closed-form task that includes interactive graphic elements; a frame with an open-form task with a graphic design element; a frame with a task for multiple selection of graphic elements that meet a given criterion; a frame with a task for arranging text elements in accordance with a given criterion; a frame with one of the options for establishing an ambiguous correspondence between the elements of two sets. The last frame is presented in two versions: a frame with a task before it is completed and a frame with a correctly completed task. Thus, the visualization of the students' actions during the study of the material is shown. An example of a control frame with an internal commentary is also given. This shows the possibility of creating electronic materials for training programs. Using the example of studying the topic dedicated to the 80th anniversary of the Victory, the possibility of forming the patriotic consciousness of young people in the process of using digital educational materials, as well as the possibility of analyzing the student's work results, is shown.

Цель статьи показать возможности цифрового образовательного пространства на примере педагогического инструментального программного комплекса DOCENS, разработанного при участии автора в Казанском национальном исследовательском технологическом университете [1-2], для формирования патриотической направленности личности студента. Идея использования компьютеров для обучения возникла едва ли не с формулирования Джоном фон Нейманом пяти принципов программного управления и начала реализовываться с появлением компьютеров в виде обучающих программ. Так, из сборника статей, перепечатанных из периодических изданий США (Army Information Digest, Interavia, Military Review и др.), узнаем, что с конца пятидесятых годов прошлого века она воплощалась в практику обучения повсеместно, в том числе и в военных вузах США [3].

В настоящее время для преподавателей открыто множество цифровых платформ, выбор которых определяется задачами обучения, возможностями предоставляемых сервисов и пр. При этом большинство платформ являются платными с серьезными ограничениями на алгоритмы обратной связи для обучающих программ. В электронной образовательной среде КНИТУ наиболее часто используется LMS Moodle, преподаватели находят и реализуют различные способы и формы создания учебных материалов. Как правило, многие платформы задействуют сеть интернет, что затрудняет изучение ряда дисциплин и организацию учебного процесса на некоторых кафедрах из-за режима секретности.

Вместе с тем современные цифровые образовательные платформы предоставляют различные возможности для воспитания патриотизма среди молодежи. Это и интерактивные инструменты, и визуализация исторических событий и пр., благодаря чему повышается интерес к изучению прошлого, формируется позитивное отношение к Родине.

Патриотизм является важной составляющей духовной жизни общества, формирующей чувство любви к Родине, идентификация со своей страной, ее историей, уважение к историческому наследию, готовность к соответствующему поведению. Современное поколение обучающихся не смотрят информационные телевизионные каналы, не видят примеры героизма и самоотверженности современников, воспринимают исторические события фрагментарно и поверхностно [4-6]. Среди поколения Z в большей степени востребованы цифровые образовательные ресурсы. Поэтому в рамках учебного процесса в вузе посредством варьирования учебных

материалов в цифровой среде становится возможным формирование целостного образа Родины, связанного с прошлым, настоящим и будущим страны.

Обсуждаемая инструментальная система DOCENS используется автономно, позволяя проектировщику создавать педагогические программные средства с любыми алгоритмами. Входящий в систему программный модуль *Преподаватель* используется проектировщиком, который в режиме диалога создает кадры для педагогического программного средства. В свою очередь с модулем *Студент*, который выводит кадры на монитор, работают обучающиеся. Преподаватель имеет возможность проектировать кадры трех видов; информационные, контролируемые и управляющие.

Информационные кадры служат для предъявления информации (текстовой, графической, таблиц) и не требуют от студента принятия решения. Особенностью кадров с заданиями является многообразие доступных формулировок и использование графических элементов не только как элементов дизайна для активизации ассоциативных связей, но и как интерактивных элементов задания, то есть таких, действия с которыми (нажатие, перемещение) влияют на результат (рис. 1).

Здесь и далее будут представлены кадры программы, посвященной восьмидесятилетию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, отражающие историю ее освободительного этапа. Демонстрируя форму задания, они имеют и воспитательную направленность. Предлагаем читателю ответить на заданные вопросы (мысленно выполнить задание).

В заданиях открытой формы графические элементы могут быть использованы только как элемент дизайна с различными целями (для установления ассоциативных связей с ответом, для создания благоприятного эмоционального фона и пр.), так как не могут нести интерактивную нагрузку. Эти элементы нельзя передвигать и увеличивать.

Для выполнения подобного задания студент должен сформулировать четкий ответ и ввести его с клавиатуры. Обработка ответа обеспечивает высокий уровень интерактивности. Степень интерактивности закладывается проектировщиком на этапе создания кадра. Обработать можно как числовую информацию, так и символьную (текстовую). Проектировщику предлагается на выбор четыре способа обработки символьной информации:

- проверка на посимвольное совпадение с эталонным символосочетанием;
- проверка на наличие хотя бы одного символосочетания из ряда предложенных;

– проверка на наличие и отсутствие элементов неупорядоченной последовательности эталонных символосочетаний;

– проверка на наличие и отсутствие элементов упорядоченной последовательности эталонных символосочетаний.

Алгоритмы проверки позволяют разнообразить формулировки открытых заданий и оценивать не только однозначные ответы, состоящие из одного слова.

На рис. 2 представлен вид кадра с заданием открытой формы, требующим однозначного ответа. Для оценки будет использован первый способ проверки. Неоднозначность снимается программным переводом символов ответа к одному регистру.

Кроме кадров с заданиями закрытой и открытой форм ИС DOCENS предоставляет возможность проектирования различных кадров с заданиями на множественный выбор, упорядочивание элементов, установления соответствия (однозначного и неоднозначного) между элементами двух множеств. Все они допускают использование как текстовых, так и графических интерактивных элементов.

В предложенном ниже кадре на множественный отбор графических элементов, удовлетворяющих заданному критерию (рис. 3), студенту достаточно выбирать картинки в любой последовательности, нажимая на них. После первого клика внизу возникнут управляющие клавиши, позволяющие в случае ошибочного нажатия начать выбор заново, а по завершении отбора подтвердить свой выбор.

Использование графических элементов в этой форме позволило существенно повысить трудность задания. Чтобы выполнить его правильно студенту предстоит подтвердить не столько знание фактов, например, что за освобождение Праги учреждена медаль «За освобождение Праги», но и проанализировать даты и вспомнить движение фронтов РККА за последний год войны, сопоставить даты со взятыми и освобожденными городами. Таким образом, с позиций системно-деятельностного подхода к обучению задание трансформируется в задание-действие, а фото реальных медалей несет положительный эмоциональный заряд, появляется желание развернуть медаль лицевой стороной, что, впрочем, несложно с технологической точки зрения и может быть предъявлено в комментариях.

Еще более высокий уровень интерактивности осуществлен в кадрах с заданием на упорядочивание элементов в соответствии с заданным критерием. Упорядочивать можно как текстовые элементы (объекты), так и графические по самым разным критериям. В обоих случаях

студенту предоставляется возможность передвигать объекты и устанавливать на отведенное им место в очереди (рис. 4). Позволяется многократно начинать процесс заново. По готовности следует подтвердить ответ.

Инструментальная система DOCENS предоставляет преподавателю возможность проектировать также кадры с заданиями на установление соответствия между элементами двух множеств в соответствии с некоторым критерием без ограничения на вид представления элементов и их число (ограничения только по минимальному и максимальному числу, что обусловлено размером экрана). Это могут быть как задания на установление взаимно однозначного соответствия, так и неоднозначного соответствия с разным числом элементов в множествах, причем некоторые элементы могут быть «лишними», то есть не иметь своей «пары» в соседнем множестве.

Все действия обучающегося визуально подтверждаются как на рис. 5-6 с заданием на установление неоднозначного соответствия между элементами двух множеств.

В форме приведенного выше задания для обоих множеств можно использовать графические элементы. А второе множество может включать элементы, для которых не найдется пары в первом множестве. Если в первом множестве элементов больше, чем во втором, соответствие устанавливается путем подбора через «барабанчик».

Почти в каждой форме задания можно при проектировании заказать вывод комментария для неверного ответа, пример на рис. 7.

Комментарии можно также размещать и на информационных кадрах, задав в алгоритме их вывод в случае неверного ответа, что удобно для объемных комментариев обучающихся программ.

В процессе проектирования каждому кадру задают номер позиции в алгоритме. Используя эти номера, проектировщик создает алгоритм в виде линейной записи направленного графа. Такая запись позволяет создавать алгоритмы, включающие как линейную, так и разветвляющуюся и циклическую структуры. На одном банке данных можно строить разные алгоритмы для любых целей использования в учебном процессе. Простота записи алгоритма позволяет преподавателю менять его «на ходу» в процессе занятия. Кроме того, можно разрабатывать кадры отдельными студентами. При достаточно большом числе студентов, отвечавших на вопросы линейной контролирующей программы, на базе этих данных можно построить матрицу для последующего создания педагогического теста.

Укажите командующего войсками 1-го Белорусского фронта во время Берлинской наступательной операции.

Маршал Г.К. Жуков

Маршал К.К. Рокоссовский

Маршал И.С. Конев

Рис. 1 – Задание закрытой формы с графическим вариантом ответа

Введите название столицы европейского государства, которая первой была освобождена войсками Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

Рис. 2 – Задание открытой формы с графическим оформлением

Среди советских наград периода ВОВ учреждены 7 медалей за взятие и освобождение городов Центральной и Восточной Европы. Ниже даны оборотные стороны этих медалей. Выберите из них медали «За взятие...».

The image shows seven Soviet medals from World War II, arranged in two rows. Each medal is circular and features a star at the top. The reverse sides of the medals are as follows:

- Top row, left to right:
 - 20 ОКТЯБРЯ 1944
 - 17 ЯНВАРЯ 1945
 - 13 ФЕВРАЛЯ 1945
 - 13 АПРЕЛЯ 1945
- Bottom row, left to right:
 - 10 АПРЕЛЯ 1945
 - 2 МАЯ 1945
 - 9 МАЯ 1945

Рис. 3 – Задание на множественный выбор элементов

Установите последовательность освобождения городов Восточной и Центральной Европы войсками РККА с января по май 1945 г.

1		Берлин
2		Братислава
3		Будапешт
4		Варшава
5		Вена
6		Кенигсберг
7		Прага

Перенесите элементы правого столбца на свободные места в левом столбце.

Рис. 4 – Задание на упорядочивание текстовых элементов

Установите соответствие между фронтами и стратегическими наступательными операциями 1943-1945 годов, в которых они принимали участие.

1-й Украинский	Киевская
	Днепровско-Карпатская
	Операция «Багратион»
1-й Белорусский	Львовско-Сандомирская
	Висло-Одерская

Поставьте элементы 2-го столбца в соответствие элементам 1-го столбца. Сначала укажите элемент 1-го столбца, а затем в любом порядке укажите соответствующие ему элементы 2-го столбца.

Рис. 5 – Задание на установление неоднозначного соответствия до выполнения

Установите соответствие между фронтами и стратегическими наступательными операциями 1943-1945 годов, в которых они принимали участие.

1-й Украинский	Киевская
	Днепровско-Карпатская
	Операция «Багратион»
1-й Белорусский	Львовско-Сандомирская
	Висло-Одерская

Верно

Дальше

Рис. 6 – Задание на установление неоднозначного соответствия после правильного выполнения

Укажите последнюю операцию, в которой участвовали войска 1-го Украинского фронта во время Великой Отечественной войны.

Пражская операция

Берлинская операция

Верхнесилезская операция

Вы ошиблись. Последней была Пражская операция (6-11 мая 1945 г.). В Праге был поставлен памятник Маршалу И.С. Коневу, который был снесен по решению городских властей г. Праги в 2020 г.

Дальше

Рис. 7 – Выполненное задание с комментарием на неверный ответ

Таким образом, описанная система дает преподавателю возможность на своих занятиях формировать патриотическую направленность студентов посредством использования различного вида кадров с заданиями. Наглядность программ, интерактивность кадров с заданиями, гибкость использования кадров для различных целей, автономность работы, простота создания

цифровых интерактивных материалов для различных целей применения в учебном процессе, возможность обработки и анализа результатов делают использование этой системы привлекательным как для преподавателей, так и для обучающихся, повышая их мотивацию к изучению истории своей страны, воспитанию чувства гордости ее успехи и достижения.

Литература

1. Дмитриев М.Е., Сerezкина А.Е. Инструментальная система DOCENS для проектирования программных средств педагогического назначения // Вестник технологического университета, 2020. № 1. С. 98-103.
2. Дмитриев М.Е., Сerezкина А.Е. Проектирование педагогических программных средств в ИС DOCENS // Вестник технологического университета, 2023. № 5. С. 44-49.
3. Cybernetics: Сб. статей на англ. языке. Москва: Воениздат, 1968. 157 с.
4. Пичугин А.Б., Муратов А.Х. Формирование гражданского патриотического пространства в сознании российского студента вчерашнего дня // Управление устойчивым развитием. 2024. № 6 (55). С. 88-92.
5. Тузиков А.Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 63-68.
6. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Победа в великой отечественной войне и ее роль в развитии деятельностного патриотизма российских обучающихся // Управление устойчивым развитием. 2021. № 6 (37). С. 64-71.

Сведения об авторе:

©Сerezкина Анна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры профессионального и педагогического образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, e-mail: all-self@mail.ru.

Information about the author:

©Serezhkina Anna Evgenievna – candidate of psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Professional and Pedagogical Education, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: all-self@mail.ru.

Все статьи поступили в редакцию до 15.08.2025

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2025. №4 (59)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2025 №4 (59)

июль-август

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – С. А. Алексеев

Свободная цена

Подписано в печать 28.08.2025

Дата выхода в свет 28.08.2025

Бумага офсетная

15,0 уч.-изд. л.

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Формат 60×84 1/8

13,95 усл. печ. л.

Заказ 41/25

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

Адрес редакции, издательства и типографии: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 68